

КОНФЕРЕНЦИИ

Глобальный кризис и альтернативы

21 октября – 22 октября 2011 года в Москве прошла международная конференция «Глобальный кризис и альтернативы». Организаторами конференции выступил Институт глобализации и социальных движений (ИГСО) совместно с Московской высшей школой социальных и экономических наук (Шанинка) и Философско-социологическим факультетом Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. Конференция проводилась при поддержке Фонда «Содействие».

В ходе конференции высказывалась мысль, что продолжающийся с 2008 года мировой кризис свидетельствует об истощенности неоллиберальной модели развития капитализма. Преодоление кризиса невозможно ни за счет естественного восстановления спроса, ни за счет жестких мер бюджетной экономии, проводимых большинством правительств, ни за счет механического вливания денег в экономику. Об этом свидетельствует весь опыт прошедших трех лет. Для победы над кризисом потребуются радикальное изменение модели развития как на глобальном, так и на национальном уровне. Волна революций, начавшаяся с Арабской Весны 2011 года, является закономерным и

необходимым следствием этих противоречий, условием их разрешения. Глобальный революционный подъем ещё только начинается, и нет никаких оснований считать революции завершенными в арабских странах.

В работе секции «Экономический кризис и контуры экономики будущего» приняли участие **Елена Ведута, Максим Козырев, Василий Колташов, Павел Кудюкин, Алексей Гусев, Тимур Хамдамов** и другие эксперты, обсуждавшие перспективу перехода от неоллиберальной модели капитализма, основанной на дешевой рабочей силе, к модели дорогого труда, требующей не просто возвращения к идеям и методам Дж. М. Кейнса, но и глубокого социально-политического преобразования, изменения институтов государства и внедрения в хозяйственную практику элементов планирования и регулирования. При этом сам по себе опыт кейнсианского регулирования капиталистической экономики разными экспертами оценивался по-разному. Мнения колебались от крайне негативной оценки Е. Ведуты, не видевшей принципиальной разницы между социал-демократией и неоллиберализмом, до выводов В. Колташова и других участников, считавших, что многие идеи Кейнса по-прежнему актуальны для левого движения (при условии, что эти методы будут использованы в рамках новой социали-

стической стратегии).

В секции «Идеология и методология. Марксизм, постмодернизм и ценности Просвещения» **Петр Сафронов, Вячеслав Данилов, Кирилл Мартынов, Анна Очкина и Борис Межуев** обсуждали кризис, возникший в общественных науках.

В секции «Политические формы движения: почему не получается проект левой партии» выступали **Владимир Веретенников** (Латвия), **Михал Сутовский** (Польша), **Алексей Симоянов, Станислав Кувалдин, Сергей Киричук** (Украина), **Борис Кагарлицкий**. Неспособность левых сил использовать в своих интересах кризис капитализма связана с органическими проблемами самого левого движения, которое, отказавшись от жестких организационно-идеологических форм, господствовавших на протяжении XX века, не может создать новых политических структур.

Известный издатель и куратор **Валерий Анашвили** провел круглый стол «Искусство и политическое высказывание». А в секции «Кризис солидарности: деклассированное общество перед лицом кризиса» **Анна Очкина, Дмитрий Полетаев, Владимир Киреев, Михаил Черников, Вячеслав Данилов, Борис Межуев. Игорь Свирин, Максим Козырев** обсуждали проблему слабости социально-классовых связей в обществах постсоветского типа.

Секция «Арабские революции: перемены в господствующем классе и генезис народного протеста» с участием **Мухаммеда Сааделдина** (Египет) и **Назифа Муэллима** (Палестина) вызвала особый интерес присутствующих (видеоотчет о ней опубликован на сайте «Рабкор.Ру» по адресу [http://](http://www.rabkor.ru/video/305.html)

www.rabkor.ru/video/305.html). Эти же темы продолжали обсуждаться на секции «Глобализация социального конфликта» с участием **Владимира Веретенникова, Яна Водина, Дмитрия Полетаева, Василия Колташова, Олега Барабанова**.

В конференции также приняли участие **Василий Жарков** (Шанинка), **Борис Капустин** (Иельский университет, США), депутат Государственной Думы **Оксана Дмитриева**, профессор университета Ньюкасла **Барри Гиллс** и руководитель фонда «Наследие Евразии» **Елена Яценко**.

По мнению участников дискуссии коренной причиной слабости левых является не отсутствие социальных и экономических программ, как очень часто утверждают не только оппоненты левого движения, но и многие его сторонники, а отсутствие политического «инструмента», коллективного субъекта, способного эффективно действовать и представлять массовые общественные интересы в современных условиях. ***Любая разработка программ и концепций при отсутствии четкого представления о том, кто и как будет их реализовывать, является в лучшем случае академическим упражнением.*** Перспектива восстановления и расширения общественного сектора, включая национализацию крупных компаний в сырьевых отраслях, энергетике, транспорте и финансовой сфере, вполне очевидно вырисовывается не только в дискуссиях левых. Даже экспертами, стоящими на центристских и умеренных позициях, зачастую признается необходимость подобных действий, как и перспективность соединения кейнсианских мер регулирования с элементами рынка и плановой эко-

номики в рамках нового социального государства. Но без политической воли ни одна из этих реформ не будет проведена в жизнь. И без демократизации государства любые меры по расширению общественного сектора обернутся расширением бюрократического аппарата.

Необходимо искать новые формы политической организации и работы, изучая также старые формы, оценивая их опыт и не отказываясь от них. Общественное недоверие к существующим политическим партиям – включая левые и крайне левые партии – является фактом общественной жизни во многих странах Европы, но отсюда не следует, будто политическая партия как форма организации и борьбы является устаревшей. Вопрос в том, каковы будут новые формы партийно-политической организации. Необходим поиск новой альтернативы через работу в массах, создание кадровой базы, у левых появляется возможность двигаться вперед, «выращивая» политическую силу, действуя внутри социальных движений.

Видеоматериалы конференции выложены на сайте www.rabkog.ru. Ниже вниманию читателей предлагается подробный обзор докладов и дискуссий на конференции.

Пленарное заседание «Социальные движения и глобализация»

Борис Кагарлицкий (директор ИГСО, Москва). Впервые мы можем констатировать, что неолиберальная система, при которой мы жили последние двадцать лет, переживает кризис не только с точки зрения ее

критиков и противников, не только с точки зрения тех, кто страдает от нее и борется с ней. Неолиберальная система находится в упадке, в кризисе и с точки зрения тех, кто ее организует, тех, кто раньше получал от нее выгоды, кто ее идеологически поддерживал, обслуживал и укреплял. Именно поэтому сложившаяся сегодня ситуация нова и беспрецедентна. Кризис становится по-настоящему глубоким и тем более тотальным только тогда, когда начинает бить по сторонникам системы. До этого, сколько бы ни было пострадавших, система еще имеет большой потенциал к сохранению, к стабилизации. Как только под удар попадают сторонники системы, ситуация радикально меняется. С тех пор как силы, поддерживающие этот порядок и эту политику, начинают от них страдать, становится очевидным, что такая политика в прежнем виде продолжаться больше не может, а порядок подорван в самой своей основе. Однако складывается парадоксальная ситуация. С одной стороны, все начинают кричать о том, что мир меняется, наступают новые времена, что необходима новая экономическая политика и новый социальный порядок, правящие круги начинают разговоры о новой экономической архитектуре. Но, с другой стороны, проносятся две формулы. Во-первых, утверждается, что конкретной альтернативы нет, во-вторых, как только начинается более или менее конструктивное обсуждение альтернативных вариантов экономической и социальной политики, утверждается, что нет субъекта, способного реализовать новую социально-экономическую стратегию.

Разумеется, между этими утверждениями, как и между стоящими за

ними проблемами, есть тесная взаимосвязь. Альтернатива как другой экономический курс или как система иных социально-экономических институтов и отношений неотделима от политики. Иными словами, если нет политических сил или коллективного социального субъекта, способных осуществить перемены, говорить об альтернативе как о чем-то ясном, четком и определенном невозможно. Можно разработать сколь угодно последовательные, логичные и законченные проекты и программы. До тех пор, пока не появится политический субъект, готовый и способный их осуществить, эти программы являются абстракцией и не могут рассматриваться как реальная альтернатива. Отсутствие альтернативы неолиберальному кризису сегодня связано не с отсутствием идей, а в первую очередь с отсутствием оформленных политических сил. Разумеется, здесь есть и обратная связь: политические силы становятся окончательно оформленными и определенными, когда у них есть внятная, более или менее законченная концепция, видение, проект социально-экономического переустройства или хотя бы направление движения, стратегия. Получается, как в детской загадке о курице и яйце, когда сложно разобраться, что же именно возникает сначала, что является причиной, а что – следствием. История всегда находит решение этой загадки, точнее, это решение отыскивается в ходе стихийного процесса. Правда, в этом стихийном процессе все участники действуют сознательно. То есть история не дает сама ответов. История дает нам лишь возможности: определенные социальные и экономические ситуации, в которых мы можем действовать коллективно и осознанно

для того, чтобы изменить расклад сил.

Конференция, продолжал Кагарлицкий, задумывалась не только для того, чтобы обсудить возможные экономические и социальные преобразования и проекты. Задача состоит в том, чтобы увидеть эти идеи в связке с политическим действием, социальными преобразованиями, с активными политическими шагами, которые могут предпринять те или иные социальные группы.

Движение “Occupy Wall Street”, сегодня ставшее уже мировым, ставит вопрос о необходимости изменения банковской системы. Но может ли это движение само по себе предпринять необходимые шаги для таких изменений? Очевидно, что нет, оно может только создать условия для появления других движений, более эффективных и влиятельных. Экономические и социальные преобразования неотделимы от политики, а политика неотделима от борьбы за власть. Нельзя при этом забывать, однако, что реальная власть в обществе – это не министерские посты и кабинеты, реальная власть может быть сосредоточена отнюдь не у правительства, не у официальных представителей власти. Но политика, так или иначе, предполагает постановку вопроса о власти. А существующие антисистемные движения пока что этот вопрос не ставят. Не ставится вопрос и о том, для чего, кем и в какой форме нужно завоевывать власть.

Сегодня политический кризис угрожает не только тем странам, которые находятся в преддефолтном состоянии, как Греция, не только США или Западной Европе, но и таким «благополучным» с точки зрения власти (с

точки зрения отсутствия массовых протестов), как Россия. Сегодня политический кризис вовсю разворачивается в странах арабского мира: в Египте, Ливии, Тунисе, Сирии. Сценарий такой: власть начинает шататься, система разваливается, но стихийный процесс не выходит пока на тот уровень, когда начинаются собственно преобразования.

Подводя итоги сказанному, хотел бы отметить две вещи. Во-первых, некоторые контуры экономической программы, которую могут предложить левые, уже обозначены. Стихийно выдвигается вопрос о социализации банковской системы. Требования открытости, прозрачности, добросовестности и т.п. неотделимы от постановки перед банковской системой других задач и целей. Проблема заключается не в особенной жадности или скрытности банкиров, а в том, что при той системе задач и функций, которая существует у частной банковской системы сегодня и на глобальном, и на национальном уровне, поведение банкиров абсолютно адекватно и по-своему единственно рационально. Когда мы говорим о социализации банковской системы, мы говорим не только о необходимости перехода банковской системы в руки государства, хотя это абсолютно необходимо. Но сама по себе смена собственника не является адекватным ответом на вызовы кризиса. Ответом должна стать социализация, предполагающая создание новой банковской системы, ставящей перед собой принципиально иные задачи: обслуживание социальных, общеэкономических, общественных интересов. Под таким же углом необходимо рассматривать и расширение общественного сектора, увеличение

государственного участия в экономике. Это, безусловно, необходимо, но что должно стоять за этим расширением? Смена вывески, назначение на должность топ-менеджеров крупнейших компаний государственных чиновников не является решением экономических проблем, способом преодоления кризиса. Иными словами, если мы не решаем вопрос о том, как сделать государство более открытым и социально-ориентированным, как трансформировать общественный сектор, преодолеть господство чиновников в публичной сфере, мы не сможем дать правильных ответов на вопросы, поставленные перед нами кризисом. Возникает некая двойственность задач. С одной стороны, без расширения общественного сектора и государственного участия в экономике, невозможно преодолеть разворачивающийся кризис. С другой стороны, в своем нынешнем виде буржуазное государство, как бы оно не расширяло свое присутствие в экономике, не способно справиться с задачами, объективно обусловленными состоянием экономики и общества. Без трансформации самого государства, без трансформации системы власти и управления невозможно решить и даже поставить перед обществом такие задачи. И требование такой трансформации государственных институтов сегодня более радикально, чем любые требования национализации. Такой подход, отнюдь, не снимает требование национализации, но не ограничивается им. Он предполагает трансформацию системы власти управления, что есть исходная и, в каком-то смысле, конечная точка революции. Революция – это и есть преобразование системы власти в обществе. Но ответы на эти вопросы будут найдены в процессе преоб-

разований. Пока не началось реальное социальное движение, реальные социальные преобразования. До тех пор, пока не начались выступления и борьба за власть, невозможно решить эти проблемы, невозможно ничему научиться. России предстоит не менее драматичные политические события и трансформации, чем арабским странам, Греции или другим государствам, где набирает обороты социальный протест. И левым нужно открыто и честно обсудить все проблемы, с этим связанные, решив, какую роль они собираются играть в грядущих событиях, и какую пользу они могут принести обществу. Если левые останутся кружком для интересных разговоров или клубом по изучению французских философов, никакой пользы обществу от левых не будет.

Алла Глинчикова (ИГСО, Москва). Глобальный кризис, который мы сегодня переживаем, застал самих левых врасплох. Это кризис идеологический, это кризис поведенческий, это кризис политический. Судьба «реального социализма», политический провал социал-демократии нанесли удар самой левой идее. Сегодня для левых важно понять свое место и свои задачи в меняющемся мире и найти свои собственные адекватные ответы на вызовы кризиса.

Барри Гиллс (Великобритания, профессор университета Ньюкасла) начал с двух цитат, ставших эпиграфом к его докладу¹.

Когда в обществе чувствуется потребность в свободе, которая приводит к восстанию против господствующей несправедливости, в конечном итоге это способствует не разрушению, а развитию цивилизации».

Зигмунд Фрейд

Дух восстания присутствует только там, где риторика равенства скрывает прямо противоположное положение дел. Теория свободы дает нам принципы, находящиеся в прямом противоречии с реальностью нашего общества. Приверженность людей к свободе растет быстрее, чем реальная возможность ей пользоваться. Именно это противоречие современной истории делает восстание её важнейшей частью. Такова наша историческая реальность. И если мы не игнорируем факты, мы понимаем связь свободы и солидарности с восстанием. Чтобы существовать, мы должны восставать, это основа всех наших ценностей. Я восстаю, следовательно, я существую.

Альбер Камю

Парадокс неолиберальной экономической глобализации состоит в том, что она одновременно ослабляет силы сопротивления и порождает новые. И главным противоречием новой эры становится борьба между силами, которые стремятся освободить Капитал, сняв с него любые ограничения, и социальными силами, отстаивающими общественные интересы и солидарность. Актами сопротивления в эру глобализации восстанавливает-

¹ Доклад Гиллса приводится по письменному тексту, присланному в редакцию.

ся идентичность сообществ, построенных на солидарности. Результаты глобализации оказываются скорее регрессивными, чем позитивными. Регресс буржуазной цивилизации сопровождается растущим разрывом между богатыми и бедными, неравенством, растущей конкуренцией за доли рынка, долговым кризисом, слабостью экономик и политической нестабильностью — на национальном и международном уровне².

Мы переживаем сегодня Великий Кризис. Это событие всемирно-исторического масштаба. Причем в рамках одного большого кризиса сплелись воедино несколько специфических кризисов, затрагивающих экологические, социальные и политические системы, международные отношения и даже цивилизацию. Глобализация создает препятствия для социальных преобразований, но одновременно делает их неизбежными. Она затрудняет выход из кризиса и требует его. Это и есть диалектическое отношение глобализации и движущих сил общественного развития.

Историческая диалектика капитала предполагает, что он, развиваясь, разрушает традиционные формы солидарности и общности, десоциализирует и коммодифицирует деятельность людей, превращая всё в товар, отчуждая труд и природу, но одновременно он порождает новые социальные силы, которые для самовоспроизводства вырабатывают новые формы солидарности. Точно также меняется и государство (однако далеко не обязательно социальные силы,

ориентированные на новую солидарность оказываются в союзе с новыми государственными институтами, но эти институты могут быть созданы в результате осознанной борьбы за власть или контроль над властью, борьбы с капиталом за государственные институты). С исторической точки зрения Капитал сам нуждается в стабилизации социальных отношений, ресоциализации, декоммодификации³ и шагах, направленных на преодоление отчуждения через развитие солидарности и общественной морали, через политику и практику на разных уровнях общественного бытия, поскольку в противном случае рухнет всё, включая сам капитализм, а социальная система, в которой действует капитал, не сможет воспроизводиться. Создание обществом форм, становящихся противовесом процессу саморазвития капитала и его глобального накопления, неотделимо от существования капитализма. И без этих форм немислим был бы и «успех» капиталистической системы. Создание альтернатив для «чистого» капитализма и шаги к «социализму» в этом смысле — органическая и неизбежная часть истории капитала. В этом — диалектика его существования во внешней среде, без которой развитие немисливо. Этот процесс продолжается. И сейчас конструирование антикапиталистических противовесов более необходимо, чем когда-либо.

³ Термины «коммодификация» и «декоммодификация» — выход за пределы товарных отношений (от англ. слова *commodity* – товар) широко распространены в англоязычной социологической литературе (см. работы Патрика Бонда, Барри Гиллса и др.), но не имеют прямого русского аналога, поэтому редакция считает допустимым введение их в обиход российских общественных наук.

² См. Barry K. Gills, “Globalization and the Politics of Resistance” pp. 3-5 (original March 1997, in *New Political Economy*, Vol. 2, No 1; Macmillan/Palgrave 2000).

Именно разрушение или устранение этих противовесов, их подчинение логике капитала, ставшее сутью процессов, развернувшихся вокруг нас за последние годы, автоматически усиливает нестабильность капитализма и порождает катастрофический системный кризис, который может вести к краху всей мировой системы. Это главный урок нынешнего глобального кризиса капитализма. Ситуация столь драматична, что её нельзя исправить, не затрагивая системные основы процесса, породившего нынешнюю ситуацию. Без восстановления и укрепления принципов солидарности не будет никакого преодоления кризиса. И это должно быть сделано в глобальном масштабе.

Надо понять, что и капитал как таковой, и порождаемая им капиталистическая система являются обреченными на катастрофу из-за тенденции к подрыву и дестабилизации самих себя. Неолиберальная экономическая глобализация, суть которой состоит в освобождении капитала от регулирования на национальном и глобальном уровне, как раз и является источником собственного кризиса, поскольку устраняет те условия, без которых не может существовать. Таким образом, глобализация порождает потребность в социальных преобразованиях, в сопротивлении и восстановлении, в общественной самозащите и декоммодификации, в солидарности и коллективном действии. Но встает вопрос о том, чтобы меры по дисциплинированию капитала носили прогрессивный, а не реакционный характер. Ведь та же цель может быть достигнута за счет усиления олигархических и авторитарных структур. И нельзя исключать возможность того, что система просто рухнет. Откуда

же придет импульс позитивных перемен? Ясно, что не от капитала, и не от тех, кто пытается решать проблемы на техническом уровне, не понимая ни их сути, ни их масштаба. Не от корпоративной или политической элиты. Он придет от общественных сил, выступающих под знаменами солидарности, требующими обуздать капитал и перераспределить богатство, направив его на удовлетворение общественных потребностей и производство общественно необходимых вещей.

Чтобы преодолеть Великий Кризис, необходимо пересмотреть итоги процессов, его породивших — сверхконцентрацию капитала, власти и богатства, сверхэксплуатацию людских и природных ресурсов, недоинвестирование в инфраструктуру и производительные силы, паразитическое и хищническое накопление, направленное на социально-бесполезные цели. Любая иная «реформа» потерпит поражение. Не удастся преодолеть кризис простым усилением финансового регулирования или временными налогами на сверхдоходы банковских менеджеров, хотя подобные меры надо, несомненно, поддерживать. Но без более глубоких преобразований подобные меры плодов не принесут.

Без масштабного перераспределения, без того, чтобы сократить концентрацию собственности, без расширения прав трудящихся, без роста заработной платы и занятости, без массового списывания долгов, особенно — для беднейших стран и большинства населения в богатых странах, без радикальной демократизации, изменения структуры государственной власти, без возвращения самого государства к ответственной социальной политике, — без всех этих

исторически преобразований кризис не только не будет преодолен, но напротив, он станет только глубже.

Существует объективность в новой радикальной политике, сознательно ориентированной на трансформацию глобальной экономической системы и демократизацию глобальной системы управления. Это движение должно опираться на зарождающиеся уже формы транснационального сопротивления. Сегодня это уже не вопрос только политики, это может быть борьба, от исхода которой зависит выживание человечества. Если этому движению не будет сопутствовать удача в формировании новых структур солидарности, негативные и разрушительные тенденции современности получат дальнейшее развитие, глобальный кризис будет продолжаться, принося всё новые и новые бедствия для всех народов. Призраки 1930-х годов с их фашистской, милитаристской, авторитарной и империалистической политикой преследуют современный мир. Надо сделать всё возможное, чтобы предотвратить повторение подобных сценариев. И эта задача становится всё более актуальной по мере того, как мы видим затягивание глобального кризиса.

Великие кризисы порождают великую социальную борьбу. Нынешний кризис не является исключением. Он уже привел к выступлениям в Арабском мире и в других частях планеты. Реакция элит на кризис сводится к попыткам сдержать его распространение, что в свою очередь порождает непредвиденные последствия, перемещение кризисных процессов из одной сферы в другую и, как следствие, расширение кризиса. Таким образом, каждое «решение» проводимое сверху, парадоксальным об-

разом порождает новые кризисные явления на низовом уровне и в итоге ведет не к преодолению кризиса, а, наоборот, к его интенсификации. Это можно сравнить с кризисом 1970-х годов, который в 1980-х породил новую кризисную волну, а затем попытки освободить капитал от социальных, национальных и экологических ограничений, что открыло дорогу неоллиберальной идеологии «рыночного фундаментализма», а она в свою очередь привела к нынешнему кризису капитализма.

Стратегии «финансиализации» и «глобализации» капитала активно проводились после азиатского кризиса 1997-8 годов, но они лишь усугубили общую тенденцию системной дестабилизации. Таким образом, дерегулирование достигает лишь того, что создает острую потребность в регулировании движения капитала и рынков, а разгосударствление вызывает необходимость в резком повышении роли государства. В настоящий момент политика сдерживания кризиса сводится к техническим решениям в форме массового вброса ликвидности на рынок через монетарную политику государств (огромные затраты на спасение банков и страховых компаний, а потом уже и самих правительств в слабых странах) и в форме изменения фискальной политики (увеличение госрасходов на основе безответственного заимствования средств на тех же финансовых рынках), но это не привело и не могло привести к преодолению кризиса. Единственный эффект, который достигнут, это его затягивание.

Тем временем кризисные тенденции лишь углубляются. Их потенциальные последствия становятся всё страшнее. Чем дальше, тем больше

становится размер долга всех видов — от государственного до частного. Долговой кризис уже потряс мир в 2007-8 годах. Долги, которые никто не мог заплатить, были «социализированы»: убытки покрыло государство с помощью центральных банков. Но в результате начался лишь новый виток роста всеобщей задолженности. Частные долги превратились в государственные, национальные — в международные, что вновь вывело на авансцену Международный Валютный Фонд, рядом с которым встал теперь Европейский Фонд Финансовой Стабильности. Совокупный «эффект» этой политики исчисляется уже затратами в десятки триллионов долларов, и продолжает расти. Попытки сдерживания кризиса обернулись его расширением и углублением.

Перемещение кризиса происходит из частной в общественную сферу, из финансового сектора в реальную экономику, от капитала — к труду, а теперь и от государства — к обществу через новую серию мер жесткой экономии. Недееспособность элит становится всё более очевидна, особенно в США и Британии, где ставка на финансовализацию и глобализацию была сделана наиболее последовательно. Англо-американская «модель капитализма», которую всему миру предъявляли в качестве образца эффективности, стремительно теряет популярность (не только на Востоке, где многие понимают сегодня действительную цену урокам, которые им преподавал Запад, но и на самом Западе, где люди начинают понимать — то, что им предъявлялось в виде истин экономической науки, на деле является лицемерным обманом).

Наконец, возникает эффект бумеранга. Меры жесткой экономии, с по-

мощью которых спасали финансовый сектор, ударили по реальной экономике так, что это почувствовали и в финансовом секторе. Назревает новый мировой спад, сопровождающийся банкротствами банков, после чего опять убытки придется социализировать государству, от которого ждут новых расходов на рекапитализацию финансовых институтов — другой вопрос, что даже самые богатые правительства уже с трудом могут себе это позволить. В конечном счете, итогом проводимой политики оказывается расширение кризиса.

Консенсус, которого, казалось, достигла «Большая двадцатка», сконструированная специально как орган мировой элиты для борьбы с глобальным кризисом в 2008-9 годах, уходит в прошлое. Правительства действуют самостоятельно, мало оглядываясь друг на друга. Элиты, подрывавшие солидарность в обществе, сами оказались неспособны к солидарным действиям, когда им самим это понадобилось. Неспособны они и придти к общему мнению. Налицо «кризис кризис-менеджмента» в масштабах всей капиталистической системы.

Существующие политические системы и международные институты оказались объективно неспособны справиться с глобальным кризисом. Тем самым кризис экономики перерос в кризис мирового порядка. Требуются радикальные решения. Социальная трансформация становится необходимой частью работы по спасению экономики, но перемены могут реализоваться только через конфликт и восстание. Именно поэтому сопротивление и активная борьба против системы становятся вполне рациональной необходимостью.

Преодоление кризиса и прогрессивные преобразования зависят не от элит и от их безнадежно ограниченных «реформ», косметических изменений и технических коррекций, а от актов сопротивления, осуществляемых самими народами, гражданами, осознающими свою ответственность и выступающими против несправедливости нынешней системы. В том смысле, как это понимал Фрейд, борьба за свободу и восстание против системы является условием прогрессивного развития цивилизации. «Дух восстания», о котором говорил Камю, становится духом времени. Он разлит в воздухе. И в этом главная надежда⁴.

Мухаммед Хешам Сааделдин (Египет, Каир). 2011 год можно справедливо назвать «годом арабских революций». Десятки тысяч простых людей выходили на улицы в различных частях арабского мира, от Туниса до Египта, от Ливии до Йемена,

от Бахрейна до Сирии, от Ирака до Палестины и от Алжира до Иордании. Они выходили на улицы для того, чтобы выразить протест против деспотичных правительств, восстать против несправедливой политики, против ущемления своих основных прав, против жестоких условий и бесправия, против бедности и страданий.

Взрывы социального недовольства, приведшие к революциям, имели различные причины в разных странах. Так, Палестина и Ирак разорены военной оккупацией. В этих странах насильственно подавляется стремление народов к самоопределению и свободе. Другие арабские страны – Египет, Тунис, Алжир, Сирия, и Йемен – долго страдали от диктатуры и коррупции, загнавших большинство населения этих стран в тиски бедности и изоляции.

Но независимо от того, что причины народных восстаний в арабских странах различны, формы и сила жестокости правительственных сил в этих странах одинаковы. У угнетателей нет иного выбора, как обратиться к насилию, они прибегают к жестокости и грубой силе в отчаянной попытке спасти свои шаткие режимы. Но рядом с демонстрацией жестокости властей мы можем наблюдать мужественное сопротивление народа. Эта храбрость и стойкость восставших дают надежду на лучшее будущее, поскольку у угнетенных народов нет иного способа отстаивать свои законные права, кроме как взять власть в свои руки.

Несмотря на некоторые черты сходства революционных процессов в арабских странах, существуют серьезные различия в их достижениях,

4 Литература, использованная при подготовке доклада: Falk, Richard, 2011, "A radical World Order challenge: Addressing Global Climate Change and the Threat of Nuclear Weapons", pp. 135-154, in Barry K. Gills, editor, *Globalization in Crisis*, London, Routledge; Gills, Barry K., 2000, "Globalization and the Politics of Resistance", in Barry K. Gills, editor, *Globalization and the Politics of Resistance*, London, Macmillan/Palgrave, pp. 3-11; Gills, Barry K., 2010, "Going South: capitalist crisis, systemic crisis, civilizational crisis", *Third World Quarterly* 31(2), pp. 169-184; Gills, Barry K. 2011, "Globalization, Crisis and Transformation: World Systemic Crisis and the Historical Dialectics of Capital", pp. 273-286, in Barry K. Gills, editor, "Globalization in Crisis", London, Routledge; Patomaki, Heikki, 2011, "What next? An explanation of the 2008-2009 Slump and two scenarios of the Shape of Things to Come", pp. 67-86, in Barry K. Gills, Editor, *Globalization in Crisis*, London, Routledge.

тенденциях развития и перспективах. В то время как народы Туниса и Египта смогли свергнуть свои режимы в течение несколько недель, народ Йемена все еще изо всех сил пытается достичь главной цели своей революции. В то время как протесты в Тунисе, Египте, Йемене, и Иордании в значительной степени были мирными, протесты в Ливии привели к вооруженной конфронтации между защитниками режима Каддафи и оппозицией. Ситуация в Ливии ухудшается, что в значительной степени связано с военным вмешательством НАТО, осуществленным под предлогом защиты ливийского населения, а в реальности обусловленного стремлениями распоряжаться нефтяными ресурсами этой страны и поддерживать империалистический контроль в регионе.

Будущее сегодня открыто и в тех странах, в которых произошли восстания, и в странах, которые вынуждены будут последовать революционным путем. Самое важное, что мы обнаруживаем во всех восставших странах – это способность народов к коллективной борьбе за свои права. Солидарность питает их мужество, уверенность в себе, их решимость построить иное, лучшее будущее для своих стран.

Секция 1. «Экономический кризис и контуры экономики будущего»

Павел Кудюкин (доцент НИУ Высшая школа экономики, Москва). Мне представляется, что тот кризис, в котором мы живем, как, впрочем, и любой серьезный кризис капиталистической системы, означает некоторый

набор развилок. Развилка, прежде всего, внутри капитализма, так как любой серьезный кризис приводил, в конечном счете, к новой модели капитализма, иной по сравнению с прежней. В то же время кризисы, – по крайней мере, кризисы XX века, – открывали некую объективную возможность выхода за пределы капитализма. Надеюсь, в XXI веке эта тенденция продолжится. В нашем обсуждении, тема которого «Экономический кризис и контуры будущего», представляется полезным обсудить следующие вопросы.

Во-первых, какова природа кризиса?

Во-вторых, возможные варианты выхода из него в рамках капитализма, но, предпочтительнее обсудить, прежде всего, такие варианты, которые открывают возможность последующего посткапиталистического развития. Пока хотелось бы избежать идеологически нагруженных терминов, например, «социализм», хотя не вижу никаких причин, почему бы это не называть социализмом, если посткапиталистическое развитие будет отвечать определенным критериям.

Можно начать с обсуждения вариантов выхода из кризиса внутри капиталистической модели, даже с некоторых чисто технических решений. В конце концов, этот экономический кризис можно разрешить, просто «проткнуть» финансовые пузыри, то есть найти выход в развязывании инфляции. Погасить таким образом долги и начать «с чистого листа». Правда, само погашение долгов приведет к очень серьезным последствиям, хотя бы к краху значительной части финансовой системы, кредиторы, например, пострадают очень сильно. И,

конечно, возникает проблема: раз мы продолжим применять те же методы, которые однажды вызвали кризис, то мы вновь рано или поздно придем к такому же кризису. Возможны более глубокие изменения, как это было, когда сменилась модель капитализма после Великой депрессии и Второй мировой войны, когда мы пришли к «социализированному» капитализму (по крайней мере, в «центре» капиталистической миросистемы), к модели поддержки роста, созданию национальных систем регулирования экономики и т.п.

Но необходимо обсудить и возможности выхода из кризиса за рамками капитализма, точнее, выхода из кризиса на базе некапиталистического развития. При этом необходимо ответить на вопросы, которые уже здесь прозвучали. Во-первых, проблема экологических ограничений. Весомый довод против капитализма, на мой взгляд, – именно экологические ограничения: капитализм и сохранение природы несовместимы.

Во-вторых, проблема потребностей и потребления. Мы привыкли представлять себе коммунизм по «Критике Готской программы»: «источники общественного богатства пользуются полным потоком» и т. п., ассоциировали коммунизм с неограниченным потреблением, но насколько это оправдано? Может быть, в будущем обществе будет доминировать вообще иная модель формирования потребностей? Капитализм предполагает потребление во имя производства и накопления капитала, а социализм – производство ради потребления, удовлетворения потребностей людей. Но обязательно во весь рост встает проблема *разумных* потребностей и самоограничения материального по-

требления. Третье – сколько бы мы ни говорили про планирование, план сам по себе – это не панацея, хотя будущая экономика, если она будет жизнеспособной, не сможет обойтись без плана. Да ведь и любая современная экономика содержит элементы планирования, без этого трудно обойтись.

Третий вопрос для секции, который я предложил бы обсудить: перспективы рынка как основного экономического механизма сегодня. Какова его судьба в будущем и что может прийти ему на смену, если сможет?

Вот целый ряд вопросов, которые интересно было бы обсудить в рамках нашей темы. Далеко не на все мы сможем сразу ответить. И, разумеется, я не хотел бы ограничивать докладчиков в темах.

Елена Ведута (МГУ, философский факультет). Я пока не услышала на конференции ничего, что говорило бы об укреплении позиций социал-демократии. Хочу высказать предположение, основываясь на услышанных выступлениях, что социал-демократия вообще не имеет будущего. Раз социал-демократия не предлагает никакой альтернативы (а ничего подобного высказано не было), то социал-демократия никогда не сможет прийти к власти, получить кредит доверия у граждан. С точки зрения экономического анализа, процессы, происходящие в XX веке, и по сей день можно оценить как процессы централизации мирового капитала. Такие теории экономического развития, как монетаризм и кейнсианство, при всех внешних различиях на самом деле – близнецы-братья, обслуживающие кризисное экономическое развитие. В течение XX века

можно было наблюдать смену фаз циклического развития, и на выходе из кризиса оживлялись международные экономические отношения, международная торговля, и учреждалась новая международная валютная система. Но какой бы эта система не была, она всегда обслуживала интересы правящих классов.

Все международные валютные системы (золотомонетный, золотослитковый и золотодевизный стандарт, Бреттон-Вудская система, Ямайская валютная система), возникали не случайно, строились продуманно и обслуживали интересы самых крупных транснациональных корпораций. Сегодня мир превратился в огромное казино, в котором большинство игроков (национальных государств) обречено на проигрыш. Небольшая часть российских компаний, в том числе и таких крупных, как, например, «Газпром», может в недалеком будущем перейти в собственность крупных ТНК. Современная мировая финансовая пирамида и обслуживающие ее финансовые инструменты строились долго и тщательно, на нее работали отличные мозги (Оксфорд и Гарвард прекрасно готовят финансовых спекулянтов). Социальное расслоение в масштабе мира продолжает расти, международные финансовые инструменты используются для централизации капитала в руках относительно небольшой социальной группы.

Альтернатива такому развитию может быть только одна: управлять экономикой страны самостоятельно, не стремиться соревноваться на фондовых рынках с более сильными во всех отношениях игроками, а разумно использовать природные ресурсы своей страны, ее экономический, интеллектуальный, трудовой, социально-

культурный и человеческий потенциал. В 1991 году Россия отказалась от идеи самостоятельного развития, от использования национального потенциала, собственных научных разработок, в том числе и в экономике. Из экономической теории была выброшена идея плановой экономики и планового развития. Между тем сегодня эффективную альтернативу кризисному развитию может обеспечить только научное стратегическое планирование экономики. Но возникнет ли когда-нибудь интерес к этой идее у власть имущих, захотят ли они осуществлять такое планирование? Пока наиболее вероятным кажется пессимистический прогноз, согласно которому кризисные явления в экономике будут нарастать, усугубляемые попытками смягчить, сгладить кризис вбросом денег. Эти попытки смехотворны и по большому счету вредны, так как причины кризисов в диспропорции мирового экономического развития. Вместо того чтобы решать структурные проблемы, бороться с базовыми причинами кризиса, мировая экономическая элита пускает в ход очередные финансовые инструменты, начинается новый раунд игры на фондовых рынках. По сути дела на этих рынках преимущественным правом скупать акции подешевевших компаний пользуются те, кто имеет непосредственное отношение к выпуску необеспеченных «значков» — долларов.

Возникает вопрос, до каких пор будет существовать нынешняя модель кризисного по сути развития? В Европе ситуация довольно быстро ухудшается. ЕС, бывший в свое время идеалом для российской политической и экономической элиты, находится на грани развала. В основу создания и

развития ЕС была положена не координация экономических планов стран во имя благополучия большинства населения, а, опять-таки, управление на основе определенных финансовых критериев. Наличие двух финансовых критериев – соотношение ВВП и дефицита; соотношение бюджета государственного долга, – и есть основа управления объединенной экономики ЕС. При отсутствии централизованного управления и координации дисбаланс в развитии стран с неравным исходным уровнем экономического развития был неизбежен. Тем, кто оказывается в проигрыше, предлагается помощь Союза, но при этом обязательно следует настоятельная рекомендация сократить социальные расходы. Правительства европейских стран, оказавшихся в ситуации экономического, финансового кризиса, как правило, следуют этим рекомендациям, что приводит к росту социальной напряженности. Социальное недовольство и протесты распространяются по Европе, мы видим выступления в Греции, Испании, Португалии. Антикризисные меры правительств воспринимаются населением в штыки. Альтернативы неолиберальной модели сегодня не предлагаются, но рано или поздно такая альтернатива будет сформулирована и предложена, даже навязана национальным государствам. Е. Ведута отметила, что, с ее точки зрения, к сожалению, альтернативой сегодняшнему неолиберальному курсу станут диктаторские режимы, которые будут устанавливаться в разных странах по мере распространения и углубления кризиса. Даже если удастся избежать особенно жестоких форм диктатуры, без тех или иных элементов мобилизационной экономики не обойтись. Эффективная альтернатива сегодняшнему

экономическому курсу, курсу неолиберализма, в основе которого лежат финансовые спекуляции, одна – восстановление управления экономикой, восстановление стратегического планирования. А здесь больше всего опыта у России. И при всей противоречивости и неоднозначности советского опыта плановой экономики, базовые положения и модели вполне могут быть использованы. Критически оценивая опыт плановой экономики, нельзя забывать, что с точки зрения исторического периода применения и развития этот опыт несоизмерим с опытом капиталистической экономики. И непростительно то, что в 1991 году этот опыт был отброшен без осмысления и объективно критического анализа.

Последствия применения доминирующей сегодня неолиберальной экономической модели и для мира, и для России будут самыми плачевными. Чем раньше власть осознает необходимость принципиально нового подхода к развитию экономики, поймет необходимость стратегического планирования и почувствует нужду в кадрах, способных его осуществлять, тем больше шансов будет на преодоление кризиса и ликвидацию его последствий. Хотя в любом случае уже сейчас понятно, что выбираться из кризисной ямы Россия будет долго, медленно и болезненно.

Социал-демократия, не заявляя о необходимости стратегического планирования и управления экономикой в интересах общества, с целью улучшения жизни большинства людей, обрекает себя на проигрыш и даже на политическую гибель. Не предлагая принципиально новой экономической модели, социал-демократия никогда не сможет получить кредит доверия у

общественных слоев, жаждущих экономических, политических и социальных изменений.

Вопрос (*Данила Филатов, Воронеж*). Государственное управление экономикой на основе планирования предполагает политику некоторого финансового суверенитета. Не пройдена ли для России точка невозврата, сможет ли она отказаться от своей сегодняшней экономической модели и начать проводить такую политику, и каковы в этом случае будут санкции ТНК?

Е. Н. Ведума. Когда речь идет о выживании страны, выход всегда существует. Нельзя сказать, что даже сейчас мы обречены, и точка невозврата пройдена. Государство и народ имеют право на выживание. Но раз Россия уже вовлечена в процессы экономической интеграции и глобализации, придется договариваться. Как именно? Конечно, все международные экономические обязательства придется выполнять. Прежде всего, это обязательства по поставкам на Запад нашего сырья. Кроме того, мы должны доказывать просвещенным людям Запада, что если Россия не выберет альтернативное развитие экономики, а Россия, кстати, в силу особенностей своего исторического пути, всегда демонстрировала альтернативы западному варианту развития, то и Запад лишится возможности найти выход из кризиса, и мир будет обречен. Все понимают, что работающая сегодня модель капитализма обрекает цивилизацию в целом на уничтожение. Конечно, швейцарские эксперты полагают, что мир еще лет триста может катиться в пропасть, когда сокращается производство, уменьшается население, постепенно численность населения вернется на уровень XIX

века (1,5 – 1,8 миллиардов), что положительно скажется на экологии. Такой сценарий ставит под вопрос право народов, в том числе и российского народа, на выживание. Однако многим представителям элиты Запада, принимающим сегодня ключевые экономические решения, может показаться более предпочтительным сценарий, когда именно Россия, оказавшаяся сегодня в беспрецедентно тяжелых социально-экономических условиях, изберет альтернативную модель развития. Россия может начать выкарабкиваться из глобального экономического кризиса, может стать локомотивом для мирового сообщества. Она не будет при этом никому особо опасной, потому что восставление будет идти долго и трудно. Но наш опыт будет изучаться, потому что мы оказались в кризисной ситуации именно потому, что использовали последовательно и педантично западный опыт экономического развития, наш собственный опыт остался, он не проиграл, он был просто отброшен. Рано или поздно мир вернется к этому опыту. Сейчас настало время заявить о том, что Россия имеет право на новый эксперимент, и это послужит началу очень интересного и позитивного пути развития нашей страны.

Вопрос. А политический запрос у российского правящего класса на опыт такого рода разве имеется?

Е. Н. Ведума. Это самая большая проблема сегодня, консолидированного политического запроса на опыт плановой экономики сегодня нет. Правда, отдельные олигархи, тем не менее, проявляют к этому опыту интерес. Но у властных структур в целом еще не возникло чувство страха перед перспективой, которая нас

ждет, если нынешняя экономическая политика будет продолжена. Вот когда властвующая элита в полной мере почувствует такой страх, тогда очень быстро оформится политический запрос на новую экономическую политику.

Вопрос (Антон Абрамец, Самара). Елена Николаевна, вы говорили, что разрыв между развивающимися и развитыми странами все время увеличивается.

Е. Н. Ведута. Конечно, но не только между развивающимися и развитыми странами, социально-экономическая дифференциация увеличивается и внутри развитых стран, между самыми богатыми и самыми бедными.

Вопрос (Антон Абрамец). Однако есть данные отдельных экономистов о том, что разрыв, напротив, сокращается, начиная примерно с 70-х годов XX века.

Е. Н. Ведута. Очень странная позиция. Уже в 1998 году на конференции в Московском университете, организованной кафедрой политической экономии экономического факультета МГУ (заведующий кафедрой – профессор А. А. Пороховский), было озвучено, что в результате событий и процессов 90-х годов три семьи в мире владеют богатством большим, чем 48 стран вместе взятых. Процесс централизации и концентрации капитала идет неумолимо, он крайне интенсифицировался в 90-е годы, а одновременно растет социально-экономическая дифференциация.

Вопрос (Василий Колташов, ИГСО, Афины). Я хотел бы привести контраргумент, который и является одновременно вопросом. Обратите внимание, что в конце XVI – в начале

XVII века капиталистический центр был очень небольшим: Голландия и Англия. Но постепенно, в том числе и через мировые кризисы, происходит расширение центра мирового капитализма. Расширение центра связано с преодолением кризиса и является, отчасти, инструментом этого преодоления. Когда разворачивается Великая Французская Революция, перед Францией стоит вполне конкретный выбор: или она развивается промышленно, или она становится английским поставщиком вина в соответствии с торговым договором. Не думаете ли Вы, Елена Николаевна, что мы столкнемся с ситуацией, противоположной Вашим предсказаниям: в результате текущего кризиса центр капитализма значительно расширится, сферы потребления, сконцентрированные сегодня в западной Европе и Северной Америке, выйдут за эти границы?

Е. Н. Ведута. Капитализм становится по-настоящему господствующей системой только после промышленной революции, в XV-XVII веке капитализм представлял собой только экономический уклад. Развитие же капитализма в XIX веке – это кризисное развитие, которое, действительно, сопровождалось обновлением производства, переходом на новый технический уровень. Сегодня ситуация принципиально иная, мы имеем дело с монополистическим капитализмом, и сегодняшний кризис – это кризис самой формации, у которой уже нет ресурсов обновления, нет возможностей перехода на новый уровень технического или социального развития.

Вопрос (Тимур Антонов, Центр инвестиционных и промышленных исследований). Ваш доклад, по сути,

сводится к тому, что в будущем нас ждет некая точка бифуркации, после которой произойдет модернизация советского опыта, который начнет использоваться, и Россия, а затем и мир, перейдут в новую, прогрессивную фазу развития. Однако многие эксперты сравнивают современность с периодом упадка древнего мира, Древней Греции и Древнего Рима, предвещая человечеству новое Средневековье.

Е. Н. Ведута. Такой вариант вполне возможен, я говорила о возможности трехсот лет постепенной деградации. Перед Россией, перед человечеством стоит выбор, и нужна политическая воля, чтобы выбор был сделан в пользу прогресса.

Вопрос (Сергей Ярых, Москва). Вы упомянули некий опыт, который у нас в стране выбросили в 1991 году, и на который можно опираться. О каком конкретно опыте идет речь, и в какой степени на него можно опираться?

Е. Н. Ведута. Кратко советский опыт управления экономикой можно охарактеризовать так: есть производители, и есть конечный потребитель (потребители продуктов и сырья, государства). Задача управления: скоординировать деятельность производителей таким образом, чтобы оптимизировать выполнение заказа конечного потребителя. Задача координации всех звеньев общественного производства и есть задача стратегического планирования. И этот опыт нарабатывался в СССР, начиная с 30-х годов прошлого века. Планирование есть сложный итеративный процесс с непрерывным уточнением и коррекцией планов. Это не индикативное планирование, как сейчас многие склонны интерпретировать советскую

систему экономического управления. Индикативное планирование – это просто прогноз, эконометрические расчеты, ни к чему не обязывающие. Совсем другая ситуация, когда идет процесс координации и согласования производственных взаимосвязей. Именно отсутствие взаимосвязи и согласования действий производителей и потребителей создает первую возможность кризиса. При установлении господства монополий и крупного капитала рассогласованность действий ведет к постоянно увеличивающейся диспропорциональности развития, на фоне которых создаются спекулятивные инструменты, развиваются спекулятивные практики. При плановом управлении экономикой сконструированные на основе научных методов при условии демократического обсуждения и принятия цели общественного развития преобразовываются в заказ для производителей с учетом имеющихся ресурсов. Равновесная цена выступает в роли экспертной оценки предпочтений конечных потребителей. Задача управляющего органа, следовательно, состоит в том, чтобы ориентируясь на приоритеты государственного развития, на структуру заказов по каждому направлению, на цены равновесия потребительского рынка, скоординировать действия производителей, распределить между ними инвестиции таким образом, чтобы по максимуму выполнить заказ конечного потребителя. По сути дела, управление экономикой при таком подходе – это непрерывный процесс интерактивного согласования.

Вопрос. Остается все-таки неясным, кто именно и как будет определять заказ производителю. Кризис западного капитализма можно определить как кризис перепотребления,

кризис избыточных потребностей. Что предполагается в плановой экономике: мы будем каким-то образом воспитывать потребителя, чтобы он удовлетворялся определенным набором вещей, то есть будем ограничивать потребителя?

Е. Н. Ведута. Нет-нет, речь не идет об ограничениях. Конечный потребитель всегда прав, он диктует заказ, а задача производителя – выполнить этот заказ по максимуму за счет внедрения эффективных технологий.

Вопрос. Но решит ли это проблему перепотребления?

Е. Н. Ведута. Но, с другой стороны, воспитание – это то, от чего никакое общество никогда не отказывается. Другое дело, каково содержание, каковы цели этого воспитания. Можно развивать потребительство и стяжательство, а можно воспитывать стремление к самосовершенствованию, к духовному развитию.

Вопрос (Владимир Пешков, Вологда). По поводу планирования производства и далее распределения. Вы считаете, что производящий центр должен быть сугубо государственным или это может быть система тендеров?

Е. Н. Ведута. Естественно, стратегически важные сегодня отрасли должны принадлежать государству. И, конечно, государственными должны быть сырьевые отрасли как исходные отрасли в экономике. Да, сегодня передача важнейших отраслей государству, ренационализация в нашей стране, может быть организована на условиях выкупа. Смешанная экономика – вполне допустимый и разумный вариант, ее можно было допустить еще в СССР, чтобы госу-

дарству не тянуть на себе, например, легкую и пищевую промышленность. Но в смешанной экономике частник, собственник средств производства только информирует государство о том, что он желает производить, поскольку решение об инвестициях (а это один из управляющих параметров плана) принимает сам собственник. Государство, принимая решения по инвестициям в госсекторе, учитывает решения частного собственника для того, чтобы решения частника по инвестициям в целом способствовали развитию экономики страны в выбранном направлении. Смешанная экономика – наиболее предпочтительный вариант, но все зависит от глубины кризиса.

Вопрос. А каким образом при описанной Вами модели могут появиться новые продукты, такие, о которых потребитель даже не знает, что они есть?

Е. Н. Ведута. Появление таких продуктов обеспечивается развитием науки и новых технологий, развитием научного прогнозирования экономического и технологического развития.

Вопрос. В чем конкретно выражаются диспропорции развития мировой экономики?

Е. Н. Ведута. Начнем с того, что сельское хозяйство как отрасль деградирует. А это важнейшая для существования людей отрасль.

Василий Колташов (ИГСО, Афины). Сегодня много говорилось про текущий кризис, причем говорилось так, что мне уже после первого доклада стало грустно, может быть, и не мне одному. Мне бы хотелось внести

некоторую ясность и одновременно не вдаваться в детали, остановиться на отдельных моментах, обратив внимание на некоторые особенности. Либеральная экономическая практика включает в себя определенные принципы борьбы с экономическими кризисами. Эти принципы сложились давно, они формировались на протяжении экономической истории капитализма. Среди этих принципов на первом месте – ликвидация товарных излишков. Именно это стремилась сделать администрация Джорджа Буша: летом 2008 года, когда начался экономический кризис, Буш попытался вернуть налоги гражданам, убедив их при этом поскорее отправиться в супермаркеты, потратить эти деньги, поддержав таким способом американскую экономику. «Несознательные» американцы не вняли призывам, деньги или припрятали, или потратили на покрытие долгов банкам, чем сильно навредили американской экономике.

Другой принцип – это восстановление кредита. В классической рыночной, конкурентной экономике кризис – это период массовых банкротств, результатом которых в первый период кризиса был взлет процентных ставок, в период депрессии – падение процентных ставок. Капитал тогда доставался уже тем, кто доказал свою эффективность и способность выживать в условиях кризиса, они-то и производили системные изменения, ставили новое оборудование, меняли систему организации производства, и на плечах таких предприятий экономика начинала выходить из кризиса.

Вспомнив эти простые принципы, мы поймем, зачем Буш бросился возвращать деньги налогоплательщикам, и зачем нужно в кризис давать

деньги банкам. Последнее необходимо, чтобы оживить кредитование. Но только сейчас кредитование не оживляется. Все критики доминирующей антикризисной практики правительств констатируют одно и то же: деньги застревают в банках, которые пускают полученные деньги на спекуляции, боясь и не желая кредитовать реальный сектор.

Реплика П. М. Кудюкина. Люди и структуры в свою очередь боятся брать кредиты, и это тоже проблема.

В. Колташов. Да, но и ставка процента остается достаточно высокой. Классически подходя к анализу кризиса, мы можем сказать: да, это не фаза депрессии. По этому косвенному признаку мы можем заключить, что это не фаза депрессии. Когда Обама, Путин, все уверяли, что кризис побежден, уже по одному этому маленькому признаку было понятно, что все это пустые слова, ставка процента не падает, мы не прошли кризисную фазу, не очутились пока в депрессии. Да, Сбербанк в России совершил в этом году буквально революцию, он снизил ставку процента по ипотеке до 8%. Это невиданный для капиталистической России последних десятилетий процент, но ведь на самом-то деле он высокий, хотя и ниже того, который был принят в экономической практике России последнее время. Если предприятия получали кредиты под 12-13%, они могли считать себя счастливыми.

Рассмотрим особенности нынешнего кризиса в рамках теории Кондратьева и тех разработок, которые сделаны мной и Институтом Глобализации и Социальных движений в развитии кондратьевской теории.

Сравним нынешний кризис и кри-

зис 1970-х годов. Историческая точка – 1973 год, когда мировые цены на нефть благодаря решению ОПЕК резко поднялись. Российские экономисты с восторгом принимали рост цен на нефть на протяжении 2000-х годов. Более того, уже на фоне кризиса делались фантастические прогнозы: нефть дойдет до 200 долларов за баррель, и российская экономика просто потонет в выручке, все будет хорошо и не нужно ничего менять. Такие радужные прогнозы делались даже тогда, когда стало уже понятно, что мировой кризис наступает.

А вот в 1960-е годы, непосредственно предшествующие кризисным 70-м, советские экономисты, стремясь докопаться до некоторых общих, родовых черт капитализма, обнаружили интересный кризис, это был сырьевой кризис, потому что в это время капиталистические страны, особенно страны Центра, стали испытывать проблемы с сырьем. 1973 год стал кульминацией этого кризиса, после 1973 года буквально до начала 80-х годов мировая капиталистическая экономика находилась в кризисе. Был период оживления, примерно после 1975 года, но, тем не менее, до 1980-х дела обстояли очень и очень плохо. В это же время шла борьба различных подходов в экономике, и в этот период терпит крах кейнсианская экономическая политика.

Приведу любопытную историческую справку. Кейнсианство придумал не Джон Мейнард Кейнс, кейнсианство существовало давно, подобные методы применялись еще в Римской империи, они были известны и раньше. Постараюсь продемонстрировать на историческом примере, как и почему работает, или не работает кейнсианское регулирование. Обращусь к

событиям VI века в Византии — Восточной Римской империи. В 1532 году царствование императора Юстиниана было омрачено восстанием Ника. В борьбе за власть император за короткий срок уничтожил на ипподроме в своей столице Константинополе десятки тысяч своих подданных. После восстания, которое потрясло императора, он задумался над тем, какие преобразования необходимо осуществить, чтобы предотвратить повторения таких народных выступлений. И он вернулся к древним римским практикам. В Константинополе развернулась финансируемая из казны грандиозная стройка – строили собор Святой Софии. На стройке работали в основном свободные граждане, не рабы. И это старая римская традиция – давать работу не рабам. Почему? Экономика, построенная на рыночных принципах, испытывала потребность в том, чтобы кто-то покупал производимый товар, а создавался он преимущественно руками рабов. При этом в городе были толпы нищих, потенциальных покупателей, нужно было дать им деньги. Но в рамках политики, способствующей сохранению общей экономической эффективности. Вот Юстиниан и запустил грандиозный проект, начал строительство храма Святой Софии. Никаких серьезных волнений за период его правления не было, пока строился храм. После смерти Юстиниана на престол возшел Юстиниан II, который решил, что Юстиниан I был мудрым правителем, грандиозная стройка обеспечила ему и порядок в столице, и экономическое оживление. И он также задумал мегапроект – маяк в Константинополе. Маяк, правда, строить было не на что, стройку начали и бросили. В итоге каждый день приходилось стирать со стен недостроенного маяка надписи

с оскорблениями в адрес императора, очень красноречиво выражающие отношение к власти тех, кто либо потерял, либо даже не получил работу из-за того, что кейнсианская модель вдруг перестала работать.

Причина, по которой кейнсианская модель работает или не работает, очень проста: ресурсы. Они не берутся ниоткуда, нельзя просто начать строить мега-проект, нельзя просто участвовать в гонке вооружений, необходимо откуда-то брать ресурсы. Вернемся в XX век. Откуда в 60-е годы брались ресурсы для функционирования кейнсианской модели? Из стран периферии капитализма. Это отчетливо видно в работах исследователей школы миросистемного анализа, это показывают факты и статистика. В период Римской и Византийской империй средства брались, конечно, из провинций. Средства выкачивали из провинций, концентрировали в столице и использовали таким образом, чтобы обеспечить социальную и политическую стабильность, а также придать импульсы экономике, тем более, что она в этом, действительно, нуждалась.

И вот в 70-е годы XX века капиталистическая система сталкивается с кризисом, и оказывается, что ресурсов, поддерживающих кейнсианскую модель развития, больше нет. Однако выход был найден: в условиях дорогого сырья решающее значение приобрела дешевая рабочая сила. В шестидесятые годы начался, в семидесятые развернулся, а в восьмидесятые годы достиг пика исход промышленных капиталов из своей «исторической родины», из стран капиталистического центра в другие зоны. Покинувшие Европу и Северную Америку капиталы оживили

экономическую жизнь в тех странах, куда пришли. Например, значительно оживилась экономическая жизнь в Южной Европе. Интересный феномен восьмидесятых – экономическое оживление в постдиктаторских странах – Португалия, Испания, Греция, где не наблюдалось такой депрессии, как, например, в Великобритании и Соединенных Штатах.

Что же произошло в 2000-е годы? Три десятилетия мы видели экономический подъем, перемежающийся, правда, кризисами, которые преодолевались стандартно. Преодолевались при помощи приемов, совершенно бесполезных и неработающих в современных условиях, в условиях нынешнего кризиса. Итак, подъем и развитие все-таки были, шли по нарастающей, пока не пришли двухтысячные. А в двухтысячные годы обнаружили и сырьевой симптом вызревания большого кризиса внутри капитализма, и валютный. Ослабление доллара шло уже в шестидесятые годы, но оно было неявным. И все-таки это ослабление ощущалось. Так, например, Франция во времена де Голя, предчувствуя ослабление доллара, предпочла обменять свои долларовые запасы на золото. Действительно, в 1971 году доллар девальвировал, и он потом сильно колебался, но в девяностые годы произошла стабилизация, доллар и золото шагали нога в ногу, не было большой разницы, в чем держать сбережения – в долларах или в золоте, все было надежно. В двухтысячные годы ситуация изменилась: золото подорожало в докризисный период в два раза, а потом, за период кризиса, еще в два раза. Таким образом, по отношению к золоту бумажные деньги, доллары, обесценились в четыре раза. В

товарном исчислении, может быть, соотношение было другим, но, тем не менее, обесценение произошло. Это показатель того, что кризис постепенно подбирался, ослабление же доллара было следствием эмиссии, массированного закачивания в экономику денег, которые были нужны для поддержания стабильности всей неолиберальной экономической системы. Эта стабильность поддерживалась всеми возможными силами, даже военными операциями.

Реплика. Наличных долларов в мире больше, чем требуется американской экономике.

В. Колташов. Доллар, как всякая валюта, функционирующая вне рамок золотого стандарта, обеспечена товарами, которые можно купить на эти деньги. Товары являются гарантиями денег.

Итак, я показал границы кейнсианства, и мы подошли к современному экономическому кризису, к кризису 2008 года. Кризис этот начался вполне нормально, обычно, как и должен начинаться большой экономический кризис, когда традиционные механизмы просто перестают работать. Обычные меры не срабатывали, однако большие вливания в финансовый сектор все-таки привели к финансовой стабилизации, создалось впечатление, что экономический кризис остановился, но кризис, по сути, перешел в форму бюджетно-долгового кризиса. В Европе, в Соединенных Штатах неолиберальная экономическая система легла на плечи неолиберального государства, которое стало все больше перекладывать издержки кризиса на население. Социальные протесты, наблюдаемые сейчас в США, Канаде, в европейских стра-

нах и вызваны тем, что значительная часть тяжести кризиса перекладывается на население. Невозможно ведь просто напечатать деньги. И потом, финансовые корпорации предъявляют к государству вполне определенные требования, они хотят иметь твердые деньги, им не нужна необеспеченная эмиссия. Понятно, что на таких условиях деньги можно взять только у населения, а это подрывает спрос. А ведь именно спрос является основой экономических подъемов и именно спрос является основой кризисов. Любое оживление спроса усилиями государства означает, что государство откуда-то взяло ресурсы, осуществило в той или иной форме перераспределение. Эмиссия тоже означает, в конечном счете, перераспределение, потому что происходит повышение цен.

Итак, сегодня в рамках неолиберальной модели преодоление кризиса невозможно. Экономический кризис, включив кризис социальный, требует политического разрешения. При этом протесты, прокатившиеся по Европе и Северной Америке, показывают, что и политическая система западных стран, сама западная демократия находятся в глубоком кризисе.

Как же все-таки преодолевался кризис в семидесятых годах? Неверно было бы думать, что обошлось без новых технологий, эти технологии появились – это были информационные технологии. Но они в промышленности чуда не сотворили, чудо сотворили дешевая рабочая сила в сочетании с робототехникой, применяемой локально. Но робототехника не была детищем семидесятых, она вызревала довольно долго еще в шестидесятые, и в пятидесятые уже начался

процесс подготовки переворота в автоматизации промышленности. При этом технологическое обновление в старых странах все-таки шло, например, находила себе применение робототехника, но не тотально, а в тех секторах, где живой дешевый труд не мог заменить собой машину. Спрос, кстати, остался преимущественно в старых странах. А вот мечта прогрессивно настроенных людей, особенно представителей технической интеллигенции, о том, что уже в восьмидесятых годах везде будет использоваться робототехника, не сбылась. Вместо этого появилось сочетание детских рук и робототехники, которое и спасало довольно долго неолиберальную экономику. Четырнадцатилетние китайские девочки, которые шьют одежду на китайских фабриках, составили серьезную конкуренцию техническому обновлению, робототехнике.

Реплика. Без этого Китая не было бы сегодняшнего.

В. Колташов. Китай – это последнее прибежище капиталов. Капиталы кочевали, начиная с шестидесятых годов. Тогда, в шестидесятые годы, освобождение колоний свершилось только-только, необходимо было «перевоспитать» экономически новые независимые страны, прежде чем «отпускать» туда капиталы. Неолиберальная экономическая система, ТНК должны были принудить получившие независимость страны играть по своим правилам. Это не могло произойти быстро, нужно было время. А Южная Европа была близко, была относительно безопасна, капиталы двинулись туда, вызвав экономическое оживление и подъем в этих странах. Потому сегодня мы и наблюдаем такую депрессию в Южной Европе, что

постепенно капиталы ее покинули, двинувшись в страны третьего мира. И сегодня наступает предел для такого движения капиталов, последним прибежищем которых оказался Китай.

Вопрос-реплика (Владимир Пешков): А как объяснить то, что Китай инвестирует свои капиталы в фондовый рынок США, в активы США?

В. Колташов. Китай, скупая финансовые бумаги США, преследует одну цель – поддерживает финансовую стабильность в США. Китайские бизнесмены и руководители, может быть, надеются, что, получив деньги от своих друзей, США не будет их печатать, не будет обесценивать доллар.

Вопрос-реплика. Кочевье капиталов, получается, продолжается?

В. Колташов. Я не думаю, что кочевье продолжается, капиталы остановились на этом китайском «пастбище», и куда двигаться дальше, кстати, непонятно. Потому удешевление рабочей силы дальше затруднительно.

П. Кудюкин: Василий, Китай сейчас вкладывается довольно активно и в Западную Европу и не только...

В. Колташов Китайский капитал вкладывается, вкладывается куда угодно, но при этом китайский капитал не вкладывается в развитие китайского спроса. Это китайскую экономическую элиту не очень интересует, ее интересует выстраивание своей государственно-корпоративной империи, над этим она активно работает. И в этом смысле Китай представит вроде бы обычным неолиберальным государством. Хотя на самом деле, конечно, неолиберализм в Китае нестандартный. И, тем не менее,

Китай – пусть необычное, но вполне неолиберальное государство.

Вернемся все-таки к сегодняшнему дню и мировому кризису, остановившись на вопросе о технологиях. Что мы имеем сейчас? В 2010 году было множество победных реляций представителей правительств и экспертов о том, что кризис побежден. Но если в 1980-м году цены на сырье все-таки упали, то в 2010 году они взлетели. Хотя нужно учесть, что ценность бумажных денег сегодня значительно ниже даже по сравнению с 2008 годом (примерно в два раза), именно поэтому Россия, не испытывая трудностей с бюджетным дефицитом при цене на нефть в 40 долларов за баррель, намного менее уверенно чувствует себя сегодня при цене 100 долларов. Неохотно, с колебаниями, но и США, и ЕС переходят на режим бюджетной экономии. Ставится задача прежде всего сократить эмиссию, чтобы не было обесценения денег. Евро и доллар – это не рубль, который обваливают сразу же, как только мировые цены на нефть показывают низы. Деньги с точки зрения неолиберальной экономики должны быть твердыми, правда, не все и не у всех. Рубль, например, не должен быть твердым, он должен быть нежным и динамичным. К евро и доллару предъявляются совершенно иные требования.

Вернемся к развитию кризиса. Цены на нефть выросли. О каком восстановлении реального сектора можно говорить? Вспомним, что после краха сырьевых спекуляций не наступает пауза, которая обычно наступает после пика кризиса, когда цены на сырье находятся на низком уровне, снижаются банковские проценты по кредиту. В это время промышленные предприятия получают некоторую

передышку, доступ к необходимому им сырью, получают возможность снизить цены за счет подешевевшего сырья и постепенно восстановить, а потом и расширить сбыт. Такая пауза была при всех экономических кризисах домонополистического капитализма, и она была необходима для их преодоления. В этот кризис такой паузы не было, что не позволяет надеяться на восстановление реального сектора. Рост цен на нефть, пусть и номинальный, стал ударом по промышленности.

Необходимо получить доступ к дешевым энергоресурсам, реальному сектору для того, чтобы оправиться, необходимо дешевое сырье. А его нельзя получить, если только цены на сырье не обвалятся. Резкое снижение сырьевых цен будет означать вхождение в депрессию. Крах спекуляций – это разорение биржевых спекулянтов, кроме самых хитрых, это банкротство банков, кроме самых крупных. Это естественное течение кризиса. Что происходит сейчас? Правительства спешно спасают банки, сегодня это бесспорный факт, все выступающие на этой конференции, и большинство экспертов это признают. Сегодня налицо – гегемония финансового капитала. Борис Кагарлицкий, выступая на пленарном заседании, подчеркнул, что власть сегодня экспроприрована у всего класса капиталистов отдельным, крупнейшим его слоем – финансовым капиталом, финансовыми корпорациями.

Вопрос-реплика. А можно поподробнее о том, как спасают банки? На примере России, если можно.

В. Колташов. Я могу привести пример, но лучше Греции, а не России. В России сейчас 2009 год еще по грече-

ским меркам, растут цены на продукты. Но не вводят еще таких косвенных налогов, налогов на имущество, как в Греции. Население душат налогами: подушными, косвенными, налогами на имущество и жилье, только бы спасти банки, только бы не было дефолта. Российские банки пока в такой поддержке не нуждаются.

Реплика. Но есть же и обратная сторона: российские банки должны иностранным банкам.

В. Колташов. У российских банков у самих рыльце в пушку. Банковская система России была довольно закрытой, иностранных банков здесь не видели. В пору низких процентных ставок дешевых кредитов в России не видели тоже. Российские банки брали дешевые кредиты у иностранных банков, накручивали процентов десять и выдавали кредит российскому потребителю, который, ослеславленный, бежал покупать квартиру, да еще и по завышенной цене. Так что российские банки особенно спасать не нужно. А если мы обратимся к «Капиталу» Маркса, то мы обнаружим вообще забавную вещь: наши банки вообще не банки. Маркс разделяет ссудный капитал и банковский капитал, отталкиваясь от одного важного исторического пункта – создание Английского банка. Ставку выше 6,5-7% Маркс классифицирует как жульническую, это уже не банковский, а ссудный капитал. Это не случайная цифра, Маркс утверждает, что при большей ставке промышленность просто захлебывается. Ставка процента не должна душить реальный сектор.

Реплика. Сейчас эта ставка должна быть еще ниже, 3-4%.

В. Колташов. Это не обязательно. Ставка процента зависит от пред-

ложения капитала. Кстати, бывали периоды перенакопления капитала, как в денежной форме, так и в форме вложений в промышленность. Процентная ставка, естественно, опускалась. В России банкиры очень любят говорить, что процентная ставка должна увязываться с инфляцией. Они говорят: да, конечно, мы предлагаем вам дорогой кредит, под 20%, но вы же знаете, какая инфляция, мы боимся от инфляционных потерь. Это ложь. Один фактор влияет на цену кредита – предложение капитала. Избыток капиталов на рынке приводит к падению процентной ставки, порой до очень низких пределов (до 0,5% случались падения). Деньги просто «сгорают», их необходимо куда-то пристроить. Но, кстати, если даешь деньги под низкие проценты, больше вероятность их возвращения. И это проблема дорогого кредита, с которой российские банки еще столкнутся, когда цены на сырье упадут. А цены на сырье упадут, просто потому, что в 2009-2010 году экономическое оживление было вызвано искусственно, путем закачивания в экономику больших денег. Американское бюро экономического анализа и Федеральная Резервная система США констатировали рост, примерно до 6%. А каков результат? Подходит к концу 2011 год, и Обама плачет и говорит, что американскую экономику нужно встряхивать и трясти, трясти, чтобы хоть как-то оживить. Ликование было преждевременным, никакого роста в 6% не было. Рост промышленного производства в 5,5-7% в США был в шестидесятые годы, честно посчитанный рост. Неолиберальная экономическая статистка вообще довольно гибкая, считается то, что хочется: показатели предыдущего года занижаются, текущего завышаются и т.п.

Итак, что же нам делать сегодня, в этой точке кризиса? Говорилось о структурных изменениях, но должна быть решена важнейшая проблема – проблема энергии. Энергия должна быть дешевой. Издесь, конечно, необходимо отметить, что определенные технологические наработки в мире есть. Например, в России существуют научные коллективы, продолжающие эксперименты, которые начал инженер и изобретатель Никола Тесла еще в конце XIX века. Посмотрим, что у них получится. Но, как известно, значимые научно-технические открытия нередко делаются, что называется, «в гаражах», корпорации денег на рискованные эксперименты не дают. Есть и интересные проекты в области атмосферной электроэнергетики. У бразильских ученых наиболее забавные проекты: они придумали, как из влажного воздуха получать электроэнергию. Американские ученые идут по следам Теслы и уже готовы что-то предложить. Но эти технологии никто не хочет внедрять, потому что они сжигают прежние инвестиции. А все силы антикризисного регулирования брошены на то, чтобы инвестиции не сгорели. Если бы кризис вошел в фазу депрессии, и эти инвестиции уже сгорели бы, наконец, новые технологии постепенно начали бы пробивать себе дорогу. Сегодня неоллиберальная тактика спасения банков, тактика спасения инвестиций перекрывает дорогу новым технологиям, они сегодня заблокированы. Есть американские фильмы, в том числе и снятый на деньги “Microsoft”, в которых компьютерщики, изобретающие в гаражах новые технологии, предстают подлинными революционерами. В одном из фильмов утверждается, что не протестующие на улицах в шестидесятые были подлинными револю-

ционерами, подлинными революционерами были те, кто изобретал новые технологии. Безусловно, информационные технологии сыграли большую роль, а что будет сейчас, непонятно. Корпорации не хотят вкладываться в технологии, которые сжигают их инвестиции. Поэтому изобретаются примитивные технологии вроде биотоплива, ветроэнергетики и т.п.

Реплика (Тимур Данилов). Вы привели хороший пример с компьютерами. В США система предполагала возможность внедрения информационных технологий, появления на рынке персональных компьютеров. Известно, что в СССР еще в шестидесятых годах был изобретен персональный компьютер, но система не предполагала массового внедрения подобных технологий, и изобретение так и осталось на бумаге. Экономическая система может быть как базой для развития технологий, так и тормозом такого развития.

В. Колташов. Вернемся из «реального социализма» в реальный, современный капитализм. Я полагаю, что в подлинном социализме технологии должны быть более развитыми и прогрессивными, чем при капитализме, но сейчас нужно поговорить о реальной сложившейся ситуации.

Итак, с энергетикой более или менее понятно, то есть, понятно, что пока здесь тупик. Второе важнейшее условие оживления (реального оживления, а не посчитанного «мягкой» неоллиберальной экономической статистикой) – увеличение спроса. Откуда может возникнуть спрос? Спрос, конечно, нужно создавать, и при этом необходимо решить проблему сырья. Есть какие-то разработки новых материалов, помимо дешевой энергии

необходимы относительно дешевые материалы. Они, может быть, и не появятся. Но именно поэтому остро стоит вопрос о национализации всей ресурсной, добывающей сферы, переход ее под полный контроль государства.

Как известно, в период экономического кризиса передовые экономические тенденции могут развиваться, несмотря на самую неблагоприятную конъюнктуру. Так, сталелитейная промышленность в страшнейший кризис 1873 – 1879 годов росла рекордными темпами. А экономическая атмосфера была жуткая, все валилось. Сталелитейная промышленность была новым направлением, она неумолимо росла, пожирая чугунную отрасль. Рельсы делали из стали, корабли тоже, древесина как материал судостроения вытеснялась. Новые материалы играют значительную роль при преодолении кризиса. Сегодня с новыми материалами не все понятно. Можно, конечно, вспомнить грандиозный проект «Роснано», который уже мог бы дать какие-то новые материалы на основе нанотехнологий. Боюсь только, что это такая же мифология, как медведевская модернизация.

Реплика. Но рынок нанотехнологий растет.

Реплика. Нанотехнологии – это миф.

В. Колташов. Рынок, может быть, и растет, спрос, может, и есть. Но те нанотехнологии, о которых сейчас пишут и заявляют, не перевернут промышленность, не дадут новых, необходимых для экономического подъема материалов.

Реплика. Это не более чем распил бюджета.

В. Колташов. Да. На нанотехнологии – надежда небольшая, а сегодня необходимы дешевые материалы, способные заменить природные. Но здесь я не могу в полной мере выступить экспертом, сказать, насколько действительно сегодня возможно появление таких материалов.

Хочу остановиться на очень важном моменте: на вопросе о монополиях и акционерных обществах. Нам все время рассказывают о поступательном развитии капитализма. Но есть серьезное направление в рамках марксистской исторической традиции, в частности, Михаил Покровский развивал эту идею, что капитализм бывает промышленный и торговый. И, по большому счету, история промышленного капитализма начинается с конца XVIII века. До этого же несколько столетий наблюдалось развитие торгового капитализма, тоже порождающего экономические кризисы, демонстрирующего мануфактурное перепроизводство. Это неправда, что мануфактуры не могут перенасытить рынок товарами. Это вполне может произойти, например, из-за падения спроса, как это было в 1560 – 1570 годы, в начале 1580-х годов, когда резко упала добыча золота в Латинской Америке. Испанский спрос играл огромную роль в XVI веке. Провалился испанский спрос из-за недостатка золота, последовало банкротство Испании, отречение короля Карла V, раздел империи и т.п. Кризис был преодолен, когда вместо индейских рабов, недостаток которых и спровоцировал кризис, стали завозить рабов чернокожих. Развитие черной работоторговли вытащило экономику торгового капитализма. Началось медленное восстановление. Кстати, это хорошо показано у Фернана Броделя, когда

он рассматривает динамику добычи золота, он, правда, не анализирует взаимосвязь добычи золота и экономических, социальных и политических процессов. Но если сопоставить некоторые факты, копнуть поглубже, то мы увидим, что в описываемый мной период активно распускаются войска, численность наемных армий Франции и Испании падает чуть ли не в два раза. Война прекращается: средств нет. Начинается внутренняя смута, разворачиваются религиозные войны во Франции, восстает Голландия, все социальные и политические противоречия обостряются на фоне экономического упадка.

Что же такого особенного в нынешнем кризисе, и как мы можем его преодолевать? На пути преодоления кризиса сегодня стоят финансовые корпорации и сырьевые монополии. Что актуально для России?

Здесь нелишне вспомнить, что акционерные общества не всегда были разрешены и капитал не всегда рос поступательно: от мелкого капитала к среднему и далее – к крупному капиталу. К концу XVIII века сложились торговые монополии, крупные компании, имевшие огромные флотилии и сети заказов, контролирующие закупку, доставку и сбыт товаров в Европе. Эти торговые монополии были акционерными обществами, продающими свои бумаги на бирже. Ни одна мануфактура свои бумаги на фондовые биржи не выставляла, мануфактуры в основном были мелкими. Единичные крупные мануфактуры по мнению экономистов того времени были не эффективными.

Сложившийся на основе торговой монополии крупный акционерный капитал был связан с королевскими

дворами, аристократией, которая активно торговала ценными бумагами и получала прибыль, участвовала в финансовых спекуляциях. И вот начинается кризис 1770-х годов, потом начинается Великая Французская революция, начинаются скандальные процессы в Англии. Акционерные общества, торговые монополии атакуются. Во Франции эта атака нередко завершается смертными приговорами. Акционерные общества как форма организации капиталов попадают под запрет, и проходит некоторое время, прежде чем акционирование капиталов снова разрешается. Такая война против акционерных обществ не была случайной: французская мелкая буржуазия, уничтожая крупный акционерный капитал, прокладывая дорогу промышленному развитию страны.

Почему же сегодня, например, не могут быть национализирована часть монополий, и не просто отдельные компании, а целый сектор? Почему мы исключаем возможность такой буржуазно-демократической революции, которая эту проблему решит? Конечно, это будет связано с колоссальной политической ломкой, мы все понимаем, что политическая система в России заточена под сырьевые монополии и контролируемый ими банковский сектор, а на Западе – под финансовые корпорации. Сегодняшний кризис неоллиберальной демократии на Западе свидетельствует о том, что демократии мало, и ее должно стать значительно больше. В России демократии совсем мало, и ее должно стать намного больше. Важнейший вопрос сегодня, таким образом: каковы будут политические формы осуществления необходимых экономических преобразований, и

каков будет политический субъект, осуществляющий такие преобразования.

Если огромные сектора будут национализированы, это даст ресурсы для экономического роста. Это даст ресурсы и для иной экономической, социальной политики, ресурсы для того, чтобы остановить социальную и культурную деградацию, провоцируемую неолиберальными социальными реформами. Можно будет использовать появившиеся ресурсы для расширения занятости по кейнсианской модели. Когда действует принцип: «зачем нанимать двух работников, если можно нанять трех?», создается стимул для промышленника инвестировать средства в технологии. Это работает до определенного предела. То, о чем я сейчас говорю, не означает, что современный кризис – последний кризис капитализма. Это означает только, что если капитализм сохранится после победы над кризисом, лет через 20 нас ждет новый серьезный кризис, может быть, и последний для капитализма.

Еще один важный момент. Когда мы говорим о контроле государства над важнейшими секторами, мы не должны обходить вопрос о том, а кто будет контролировать контролера, то есть само государство? Сегодня мы можем наблюдать примеры неолиберальной национализации – национализации убытков и долгов. Но это не национализация с целью развития общества, для прогресса общества.

Говоря об изменениях, необходимых для преодоления кризиса, нужно отметить, что должна измениться структура экономики в результате внедрения новых технологий, в результате новой экономической политики, в том

числе и в результате протекционизма. И здесь я хотел бы подчеркнуть, что впереди у нас не какая-нибудь печальная локализация, а интеграция. Более того, этот процесс начинается уже сейчас, в виде, скажем, Таможенного союза, в виде каких-то в значительной степени пока популистских шагов, из которых, тем не менее, может вырасти нечто серьезное. Вспомним, с чего начиналось германское промышленное чудо, расцвет единой Германии. Оно началось с Таможенного Союза, созданного 1830-е годы далеко не либеральным правительством вокруг Пруссии. Прошла революция 1848 года, и мы получили единую германскую экономику с единой протекционистской политикой. Я думаю, что и нас ждет движение к интеграции. Хотя очень сложно судить о том, что будет с Европой. Наиболее капиталистически развитые европейские страны попадают в такую ловушку Италии эпохи Ренессанса: они теснее связаны с какими-то внешними рынками, чем между собой и вообще с европейскими странами. Это подтверждается различными примерами. Так, европейские власти допустили уничтожение греческой хлопководческой отрасли, обеспечив заказами египетскую хлопковую промышленность. Можно привести примеры и с другими отраслями: производство оливок, фруктов, можно вспомнить текстильную промышленность, которая в Европе уже почти убита. Понятно, почему это происходит: существуют и приносят прибыль предприятия за пределами ЕС, созданные европейскими капиталами. Такая же ситуация и в США. Победить всю эту сложную систему зависимостей, офшоров, особых зон и т.п. можно только интеграцией. Кроме того, интеграция необходима и для расшире-

ния рынков сбыта. Хотя и такое расширение, интеграция также чреваты конфликтами. Все зависит от того, на каких условиях будет осуществляться интеграция, расширение рынков.

Я старался описать мое видение перемен и подать его как, прежде всего, позитивное и конструктивное.

Максим Козырев (*Руководитель «Школы экспертов», Санкт-Петербург*) представил на конференции доклад **«Экономический кризис и контуры новой экономики»**, подготовленный совместно с коллегами — **К.А. Румянцевым, А.А. Мошковым и С.В. Матлаховым.**

Прежде чем говорить о будущем, необходимо определиться с тем, где мы находимся. Если делать некие глобальные выводы только из текущих событий, то мы и выводы получим только текущие. Для более или менее корректного результата мы должны рассмотреть ситуацию в ретроспективе.

Корректным считается, что для прогнозирования какого-то периода необходимо опираться на рассмотрение промежутка времени в три раза протяженнее. Так, школа мирсистемного анализа действительно рассматривает тысячу лет для прогнозирования 200-300 летнего периода, не застревая на современном кризисе.

Сейчас есть еще одно прогностическое альтернативное представление о ближайших 200-300 годах как о «новом средневековье». Под этим есть определенная реальная основа.

Алексей Кузьмин, сторонник этого прогноза, провел параллель с Римской империей, то есть взял 2000

лет. Несколько лет назад у него была озвучена позиция о том, что у нас идет инновационный спад, то есть увеличения инноваций нет и в помине. Все то, что сейчас развивается, открыто в сороковых-пятидесятых годах и ранее. Кроме того, по мнению Алексея Кузьмина, инновационный подъем предполагает и изменение власти в обществе. Если этого нет, то ни о каком инновационном подъеме говорить нельзя.

Все глобальные инновации осуществились достаточно давно, в начале прошлого века, а сейчас, по гипотезе Кузьмина, нам предстоят 200-300 лет «нового средневековья».

При этом если мы еще можем осознать, что это спад, то уже через 50 лет люди, привыкнув к тому, что ничего не происходит, будут воспринимать это как должное.

И хотя поначалу такая позиция вызывала сомнения, но с течением времени становится ясно, что она имеет под собой действительные основания.

Другое дело, что это «новое средневековье» не будет единственной тенденцией. Так часто бывает: какая-либо теория рассматривает лишь часть тенденций, а часть реальности остается за кадром, что делает получаемые выводы недостаточно корректными.

Поэтому «новое средневековье» вполне допустимо, но лишь как одна из тенденций.

Возвращаясь к вопросу о том, в каком месте мы сейчас находимся, посмотрим на ситуацию с двух сторон: с точки зрения развития технологий и с точки зрения чередования глобализа-

ции и регионализации.

С точки зрения технологической, на наш взгляд, развитие экономики и общества происходит путем последовательного включения ресурсов внутренней и внешней среды человека в процессы переработки этих ресурсов с помощью создания, распространения и применения технологий, позволяющих производить продукты, удовлетворяющие материальные и духовные потребности людей.

В ходе такого развития человечество осваивает все более сложные технологии, охватывающие новые сферы внутренней и внешней среды: аграрные, индустриальные и, поскольку индустриальные мы уже в основном освоили, информационные. Возможно, последние нам только сейчас кажутся информационными, а через двадцать-сорок лет мы все это будем называть иначе. Но сейчас такое название более обосновано, чем другие.

В любой исторический период люди концентрируются на создании, распространении и развитии технологий каждого из вышеуказанных типов, порождая институты общества, необходимые для расширенного воспроизводства таких технологий. Отсюда теории развития общества, фокусирующие внимание на развитии технологий, выделяют в связи с их типами, преимущественное освоение которых происходит, аграрные, индустриальные и, далее, предположительно, информационные общества.

Могут быть и другие, но пока говорить об этом нет оснований.

Говорить же о том, что индустриальное общество уже заканчивается, вполне допустимо. Потому что задачи

такого общества, по большому счету, уже решены. Того состояния, в каком мы находились несколько столетий назад, когда потребности людей в индустриальном смысле не были удовлетворены, уже нет.

Развитие технологий, развитие науки и техники привели к тому, что, в принципе, если современные технологии распространить на всю планету, то 20 процентов людей способны обеспечить и удовлетворить материальные потребности всех.

Отсюда – куда девать 80 процентов ненужного индустриальному сектору населения?

Конечно, в настоящее время современные технологии еще не до конца распространились на весь мир. Процесс постоянно сдерживается по объективным и субъективным причинам. Однако он идет быстрыми темпами, и вовлечение в индустриальное производство, к примеру, 200 миллионов китайцев, сразу же оборачивается высвобождением 200 миллионов человек в развитых странах, остающихся наполовину или вовсе без работы.

Оказалось, что эта система отнюдь не бесконечна, а китайцы выходят дешевле. Потребность же в остальных стала невысокой и их занятость совсем не напоминает ту, которая была в период индустриального развития. То есть повсеместную, с утра до вечера и с полной интенсивностью.

Таким образом, с точки зрения технологического развития мы находимся в конце индустриального этапа.

Отсюда когда мы говорим о том, что капитализм заканчивается, то это соответствует действительности.

Существуют две формы индустри-

ального развития – капитализм и социализм. Социализм не книжный, идеальный, а реальный советский. В этих двух формах и происходила реализация третьей волны, то есть индустриального общества.

Победила та форма, которая оказалась более универсальной. Иными словами, капиталистическое общество. Хотя и со многими заимствованиями из «реального социализма».

На сегодняшний день мы видим, что столько индустриального развития уже не нужно. Технологии, несомненно, развивались, а остановка была связанной не с тем, что мысли не хватало, а с тем, что потребность в такой высокой индустриальной интенсивности исчерпала себя. То есть люди оказались удовлетворены.

На протяжении последних столетий, а может быть и раньше, развитие общества шло нелинейно, путем чередования периодов глобализации и регионализации.

Таким образом, с 1945 года начался не новый процесс, а всего лишь новый виток глобализации. Предыдущий виток назывался не глобализацией, а интернационализацией и завершился первой мировой войной. Однако процессы специализации стран на определенных ролях тогда шли аналогично, в отличие от периодов регионализации. Для последних характерна такая роль экономик отдельных стран, которая позволяет реализовать потенциалы, обеспечивающие самостоятельное и автономное от мировой экономики развитие национальных экономических систем.

Когда регионализация сменяется глобализацией, в развитии получают

компетенции те экономики, которые обеспечивают выполнение функциональных ролей в мировой экономике, в которых они конкурентоспособны. При конкуренции в глобальном масштабе секторы экономик, не выдерживающие конкуренции на глобализованных рынках, угасают.

Фазы регионализации и глобализации взаимодополняют друг друга, обеспечивая полноту развития мировой экономики и национальных экономик. Они позволяют, в одном случае, на чем-то концентрироваться, в другом – конкурировать друг с другом, а, значит, и обмениваться институтами, возникшими в других странах.

Естественно, что мы находимся в обществе, которое состоит из людей, а люди вовсе не такие гуманные и дружелюбные. Поэтому конкуренция идет достаточно жестко и процессы эти весьма болезненны.

В настоящее время мы находимся в фазе глобализации и распространения соответствующих институтов мировой экономики и общества. Текущая фаза глобализации началась после второй мировой войны и выразилась в том, что рост мировой торговли стал вновь обгонять рост мирового ВВП. Это стало индикатором расширения разделения труда между странами.

Первый этап протекал с 1945 по 1975 год. В этот период взаимосвязь и обмен между экономиками разных стран расширяются, но еще не происходит специализации стран по отдельным видам деятельности. Существуют две формы и, соответственно, два лидера глобализации – СССР и США.

Второй этап глобализации – с 1975

по 2008 год. В этот период проявляется ярко выраженная специализация стран в мировой экономике на отдельных видах деятельности в производстве, финансовых услугах, добыче и реализации сырья и т.п. СССР теряет роль лидера одного из полюсов глобализации, вслед за чем распадается. Лидерство в глобализации закрепляется за США.

Таким образом, нынешний кризис, вызванный обострением ряда крупных несоответствий, является завершением второго этапа глобализации.

Первым является обострение несоответствия между высокими объемами потребления в развитых странах и снижением ценности функциональной роли этих стран в мировой экономике. Если раньше можно было свободно ставить знак равенства между развитыми странами и индустриальным обществом, то теперь развитые страны представляют собой просто те, в которых индустриальное развитие началось раньше других.

Так, если взглянуть на современный Китай, то, к примеру, Шанхай выглядит по развитию вторым городом мира после Нью-Йорка. По своей инфраструктуре, небоскрегам, технической оснащенности, да и просто по отсутствию пробок, которых нет благодаря пятиуровневому движению в двадцатимиллионном городе.

Вторым несоответствием, проявившимся во время кризиса, является несоответствие между развитием глобализации и существующей мировой финансовой системой, которая была сформирована не на глобальных принципах. Даже если посмотреть на то, что было на предыдущем витке глобализации, закончившемся первой мировой, то там существова-

ла «золотая система», то есть был некий единый критерий ценности. Сейчас же мировые финансы функционируют при доминировании национальных финансовых систем. Лидером тут является, в первую очередь, США. Но также, во вторую очередь, и Западная Европа, и Япония.

Следующим несоответствием является растущий разрыв взаимосвязанности доходов и расходов, производимых социальными институтами, бизнесом и национально-территориальными образованиями. Это выражается в том, что существующая система общественных институтов все в меньшей степени обеспечивает связанность производимых ими доходов и расходов, поступлений и выплат денежных средств. Растет объем издержек, перекладываемых на других субъектов деятельности, слабы институты регулирования этого процесса.

В итоге высока вероятность второй волны кризиса. Ибо первая волна толком не решила никаких проблем.

Какие проблемы в первую очередь решает кризис?

Кризис убирает неэффективные проекты и структуры. Любой циклический кризис должен это делать.

Но нынешний кризис никаких неэффективных проектов и структур не убрал, все оказалось слишком взаимосвязанным, не поддавалось локализации. Это видно и на примере Запада, и на примере России.

Вот хотя бы Банк Москвы. 50 процентов задолженности у него оказалось проблемной, а всего лишь два-три года назад все финансисты считали его одним из лучших банков.

А теперь, стоило его лишь тронуть, и произошел провал.

Но и у всех остальных примерно то же самое, у кого чуть больше, у кого чуть меньше политически зависимых активов, то есть какого-либо большого разброса по банкам нет и в помине. А потому всякая неформальная санация грозит просто катастрофой.

Во многом аналогичная ситуация и в Европе. Кого банкротить? Все настолько взаимосвязано, что нет возможности локализовать. А раз нет такой возможности, то все неэффективные проекты и структуры остаются. А значит ни о подъеме, ни о решенных кризисом проблемах говорить не приходится.

Вот почему мы не можем сейчас толком выйти из кризиса.

Какое-то время казалось, что многие проблемы будут решаться на стадии подъема. Но не видно ни подъема, ни решения каких-либо проблем.

Это все иллюстрация существующей взаимосвязанности.

С другой стороны, и сами субъекты процесса не особо стремились решать проблемы своих издержек. Как будто их не было. А они были и значительные, и во многом переносились на другие участки экономического пространства.

Это в бизнесе. Но и государство поступало не лучше, определив для себя какие-то отдельные функции и не вмешиваясь во все остальное. Помогло ли это выполнению этих функций? Нет, свои функции государство также не выполнило.

И так во всем комплексе социальных субъектов.

У нас нет противопоставления. Мы не можем сказать, что вот такие-то структуры эффективны или неэффективны, потому что у них расходы такие-то и доходы такие-то, поэтому они прибыльны или убыточны.

Все настолько взаимосвязано, что ничего не понятно, и каждый считает, что именно он приносит реальную пользу, а все остальные составляют балласт.

Все это хорошо видно в Европе. И никуда от взаимосвязанности не уйти. В Америке дело еще запутаннее.

В итоге мы постоянно имеем дело с неким жонглированием ситуациями. И принципиально мала вероятность того, что в Европе пройдет кризис и пойдет подъем.

Однако если задаваться вопросом о том, возможен ли сейчас глобальный кризис, то, несмотря на все сложности, ответ будет, на наш взгляд, отрицательным.

В данный момент наиболее сильные игроки не заинтересованы в кризисе и хотят из него выйти. И пока они будут иметь возможности, левые сценарии не смогут быть реализованы. Вполне возможно, что за такими сценариями будущее, но пока не настоящее.

Сейчас каждый субъект мировой экономики в краткосрочной и среднесрочной перспективе понесет больше потерь от разрушения глобальной экономики, чем получит от этого выгод. В этом и есть ответ, почему глобального кризиса не будет.

Вот когда ситуация изменится, разовьются активные субъекты деятельности, для которых выгоды от выхода из глобальной экономики и общества будут больше, чем потери от ее

разрушения, тогда и случится глобальный кризис. И возникнет новая возможность для реализации левых сценариев.

Сейчас не следует ожидать и перехода к регионализации, в том числе и на основе новой индустриализации деиндустриализированных стран.

Дело в том, что регионализация сопровождается усилением влияния государства в экономике, установлением на этой основе барьеров для заграничной конкуренции, стремлением увеличить занятость населения на своей территории за счет снижения вовлеченности национальной экономики в глобальную экономику. Так как вовлечение в глобальную экономику связано с усилением специализации стран, то отрыв, наоборот, ведет к восстановлению неконкурентных отраслей экономики, которые в условиях специализации оказались неэффективными.

Но на все это у государств нет средств и инструментов, с помощью которых можно было создавать необходимые для увеличения занятости сектора экономики вне глобальной конкуренции.

Если говорить о России, то стоимость реиндустриализации оценивалась по всем отраслям на 2001 год в 3-3,5 триллионов долларов. С учетом инфляции эта сумма в настоящее время возросла до 12 триллионов долларов. И при этом мы говорим лишь о том, сколько денег требуется, и не говорим о том, что в результате будет эффективно, потому что у нас труд все равно дорогой по сравнению с китайцами. У них все это стоит дешевле сделать, и конкуренты сегодня – именно они, а не европейцы.

Поэтому модель реиндустриализации России пригодна лишь для каких-то слов, политических выступлений, но не в качестве какой-то реальной альтернативы.

Это в России. Но и в других странах во многом аналогичная картина.

Тем не менее, на наш взгляд, наиболее вероятной перспективой является все же медленное, но решение всех этих проблем. Решать их не хотят, не привыкли, не умеют. Ответственные же выступления, максимум, могут лишь подталкивать элиту к решению всех этих проблем.

Дело в том, что сегодня тот, кто начинает что-то делать, находится вовсе не в выигрыше. Он, зачастую, ставит себя в ситуацию более проблемную. Перед своими избирателями или еще перед кем. Поэтому если без подталкивания кто-то чего-то и хочет делать, та же Меркель, всем им довольно сложно оправдать свои действия в глазах своего общества.

Однако, на наш взгляд, существующие проблемы все же решить легче, чем попытаться реализовать какие-то иные альтернативы. И решения тут не сложнее, чем у тех проблем, которые общество уже решало.

Поэтому пройдет какое-то количество лет, кризис кончится, и мы перейдем к третьему этапу глобализации.

В чем будет состоять третий этап глобализации?

В принципе, он должен состоять в приведении в соответствие тех пропорций, о которых говорилось выше. Необходимы видимые эффективные структуры, необходимо устранение разного рода пирамид, а вложенные в структуры деньги должны начать

работать. Никто в инфляцию не вкладывается, и вкладываться не будет. Деньги можно было бы напечатать, если бы это решало проблемы, а не откладывало бы их на короткий срок.

Суть третьего этапа – в реализации связанных потенциалов мирового общества, бизнеса и национально-территориальных образований. Для этого должно произойти снижение относительной ценности активов и стоимости товаров развитых стран в соответствии с их снижающейся функциональной ролью в мировой экономике.

Эту проблему решать нелегко. Поэтому если будут возможны другие, щадящие сценарии, то они, несомненно, будут реализованы. Но такое возможно только при благоприятных изменениях в технологиях, а если этого не произойдет, то снижение потребления на Западе с одновременным его повышением на Востоке неизбежно.

В Китае есть возможности для роста внутреннего потребления, в том числе потребления относительно подешевевших товаров и услуг западных стран. Китай также будет предъявлять спрос на западные технологии и экономические сектора. Люди, занятые в этих секторах, будут успешными, а остальные, не занятые в них, вынуждены будут сокращать свои стандарты потребления.

Вот таков наиболее реальный прогноз.

Для выхода мировой экономики из кризиса и перехода к следующему, третьему этапу глобализации должны сложиться институты, которые могли бы повысить степень взаимосвязанности общества, бизнеса и государ-

ства, уменьшить существующее в мировой экономике несоответствие между доходами и расходами субъектов, их порождающих. Снижение разрыва между доходами и расходами должно произойти до уровня, который готово прокредитовать мировое общество.

Такое кредитование должно осуществляться институтами, обеспечивающими более высокую надежность кредитования. До тех пор, пока система не пошла в пирамидальный разнос и не потеряла, соответственно, доверие, кредитование в двадцатом веке осуществлялось именно таким вот образом, в дефицитной форме.

Последний момент, на который необходимо обратить внимание, это как будут жить и развиваться мировая экономика и общество до наступления глобального кризиса.

Второй этап глобализации создавал ситуацию, когда цены товаров и услуг определялись на мировом рынке, а цена рабочей силы – на локализованных рынках труда. За один и тот же труд в разных странах сейчас платят весьма различно. А производимый этим трудом продукт все менее различается по качеству.

В последние тридцать лет все эти процессы сглаживались через механизм пирамид, расширение которых позволяло финансировать и маскировать неэффективность национального производства в развитых и постсоциалистических странах.

Следующий конъюнктурный подъем экономики будет сопровождаться постепенным выравниванием стандартов труда в развитых и развивающихся странах: уровня оплаты труда, продолжительности рабочей недели,

охраны труда, социальной защиты работников. В развитых странах в некоторых отраслях и профессиональных областях, прежде всего в тех, где компетенция развивающихся стран мала или отсутствует, сохранятся докризисные стандарты труда. В других произойдет существенное снижение. Также неравномерно будут происходить и изменения стандартов труда в развивающихся странах.

Глобализация труда приведет к снижению спроса развитых стран на товары развивающихся стран, с этим изменится торговый дефицит развитых стран. Благодаря снижению цен на товары, производимые в развитых странах, рост потребления в развивающихся странах повысится, что усилит социальное расслоение во всем мире и в каждой стране.

Таким образом, будут усиливаться отнюдь не социалистические тенденции.

Каждому времени соответствует своя эффективная структура. В одних случаях происходит более горизонтальное построение, в других – более вертикальное.

Когда же в таких условиях наиболее вероятно наступление глобального кризиса?

По нашим оценкам, глобальный кризис наступит при обострении комплекса проблем, решение которых станет невозможным в рамках нынешней существующей системы. Мы ожидаем, что, вероятнее всего, лет через 15-20 должны появиться альтернативы, должны развиваться Китай и другие страны, а роль развитых капитран должна заметно снизиться. Последние потеряют роль поставщиков инновационной продукции,

технологий и капитала, за которые в настоящее время развивающиеся страны готовы расплачиваться поставками индустриальной продукции и датированием развитых стран через поддержание пирамидально функционирующей мировой финансовой системы.

Глобальный кризис наступит в момент, когда развивающиеся страны не будут испытывать серьезной потребности в инновационной продукции и технологиях западных стран, соответственно, не будут готовы платить за них. Тогда они откажутся от датирования мировой финансовой системы и не будут покрывать дефицит развитых стран.

В итоге велика вероятность того, что после глобального кризиса мировое общество и экономика распадется на ряд относительно автономных друг от друга блоков стран. Каждый из них будет решать задачу воссоздания полнофункциональных экономических систем, выстраивая вследствие различных условий разные институциональные модели общества.

Такие кризисы редко происходят без войн, без мировых войн. И хотя может оказаться, что такая война будет в другой форме, что и кризис пройдет тоже иначе, эта вероятность тут достаточно высока. Сейчас ее сдерживает, в том числе, наше пресловутое ядерное оружие, не позволяющее определенным образом решать проблемы. Но существуют, в принципе, разного рода прогнозы, по которым оно либо будет сокращено, либо как-то еще изменится сам подход к войнам.

Таким образом, кризис, не кризис, но из ситуации выходить будет тяжело. На некоторое время распадутся

связи, возникнут разные блоки, которые будут пытаться восстанавливать эти связи. Аналогично тому, как они восстанавливали связи после мировых войн, выстраивая в силу различных условий разные модели общества. Примерно так, как после Первой мировой войны сформировались три альтернативные институциональные модели: американо-западноевропейская, германо-японская и советская.

В ходе такого развития в фазе регионализации разница в условиях экономики в различных региональных блоках стран снизится. С течением времени те из моделей, которые окажутся более универсальными и способными к развитию, будут вытеснять менее универсальные. Подобно тому, как американо-западноевропейская и советская модели вытеснили германо-японскую. А впоследствии американо-западноевропейская вытеснила советскую.

И в результате мы вновь перейдем к началу нового витка глобальной мировой экономики.

Что еще можно сказать об основных чертах новой экономики?

Развитие индустриальных технологий на протяжении XVII-XX веков привело к тому, что сейчас 20 процентов населения, занятых в современных секторах материального производства, достаточно для обеспечения материальных потребностей всех людей. В таких условиях ценность труда каждого человека, производящего материальный продукт в мировой экономике, падает. Это, в принципе, и является главной причиной кризиса всех социалистических и левых теорий. Потому что все левые теории прежде всего индустриальные

и трудовые. И если ценность труда падает, а падает она объективно, то никакие теоретические изыски в индустриально-трудовом направлении не помогут.

Сейчас постепенно назревает потребность перехода к новому технологическому укладу, в рамках которого можно будет более рационально использовать человеческие потенциалы, а также задействовать большую часть населения в отраслях, обеспечивающих удовлетворение нематериальных потребностей: коммуникационных, информационных, потребностей развлечений, духовных потребностей. Нечто похожее предполагал и Маркс.

Такой технологический уклад можно условно назвать информационным.

Можно ли его назвать коммунистическим? Возможно и можно, хотя есть много моментов, которые требуют своего изучения, да и в целом в это что-то плохо верится. Мы еще не находимся достаточно близко к доминированию такого уклада, а потому и не видим его особенностей.

Информационный экономический уклад должен обеспечить обмен между двадцатью процентами, занятыми в индустриальном секторе, и восьмидесятью процентами, невостребованными в этом секторе. Поскольку эти 80 процентов будут предъявлять спрос на продукцию, производимую двадцатью процентами, занятыми в индустриальном секторе.

Становление этого уклада и обмена между ним и индустриальным укладом будет постепенным, противоречивым и длительным. Возможно эти 200-300 лет, про которые говорил Кузьмин, и будут связаны с этим про-

цессом.

По аналогии с развитием индустриального общества в его взаимодействии с аграрным, индустриальное общество будет становиться все менее значимым. Как некогда падало значение сельского хозяйства для экономик развитых стран. Важность информационной деятельности будет расти.

При переходе к новому способу производства существенно возрастает роль тех, кто способен решать задачи по созданию новых информационных продуктов и технологий. На первом этапе таких людей быть много не может, соответственно, социальным последствием этого будет рост иерархичности всех областей общественной жизни.

Если предположить схожесть этапов развития индустриального и информационного обществ, то впоследствии, когда будут выработаны информационные технологии более массового характера, станет возможным включить в производство информации людей с более средними потенциалами, вследствие чего демократизм в общественных системах вновь возрастет.

А.Мальцев (член Правления Социал-демократической партии России, Москва) выступил с сообщением **«О текущем экономическом кризисе»**.

По Марксу, конец капитализму приходит в результате периодических и все более жестоких кризисов перепроизводства (кризисов неплатежей). Справиться с капиталистической анархией производства в рамках ка-

питализма полагалось невозможным, а потому была предложена революция как метод решения возникшей проблемы. Революция 1917 года привела к созданию Госплана, что ярко проявилось во время экономического кризиса 1929 года – Советский Союз остался в стороне от него.

Второй, нереволлюционный метод борьбы с кризисами неплатежей был предложен Кейнсом и практически реализован Рузвельтом, выведшим США из Великого кризиса. Огромная армия безработных получила работу, но не в сфере производства товаров, а в сфере производства инфраструктуры. Тем самым они не усиливали затоваривание, но получали зарплату и повышали платежеспособный спрос. Кроме того, Рузвельт ввел ряд антимонопольных мер, ограничивающих ценообразование. После Второй мировой войны кейнсианство было применено и в Европе для создания современного европейского социального государства, общества двух третей, что позволило Западу успешно конкурировать с Советским Союзом в идеологической гонке.

Несмотря на это, экономическая необходимость существования обширного среднего класса для успешного функционирования современной экономики зачастую не осознается. Многими полагалось, что обширный средний класс необходим исключительно для идеологического соревнования с «системой социализма» – для демонстрации социальных преимуществ «свободного мира». А потому после краха Советского Союза началась скрытая ревизия реформ Рузвельта. Политика Рейгана и Тетчер ударила по профсоюзам, что привело к снижению реальных доходов трудящихся. Но еще более важны стихийные

действия монополий – производство из Европы постепенно выводилось в развивающиеся страны, где и налоги меньше, и зарплата трудящихся не достигает европейского уровня. То есть на единицу произведенной продукции сейчас приходится меньше зарплаты и налогов (соответственно различных социальных выплат). Такое падение мирового платежеспособного спроса невозможно компенсировать увеличением продаж предметов роскоши, пусть и потребляемых элитой в увеличенном количестве. Кризис неплатежей не замедлил разразиться. Более того, без специальных мер, направленных на повышение мирового платежеспособного спроса, с кризисом справиться будет невозможно. А даже если кризис прекратится сам собой, то отныне он станет регулярным, и каждая следующая волна будет все более катастрофической. Что можно предложить в качестве антикризисных мер?

Если промышленное ядро развитой мировой экономики начало расползаться, что вызвало ревизию реформ Рузвельта, касавшихся пока только «развитых стран», то как первоочередную меру можно предложить следующее. Кампании, что вывели промышленность из Европы, тем самым снизили налоговые выплаты в европейские бюджеты, должны компенсировать это падение налогов, и произвести выплаты в Европе, несмотря на то, что промышленность теперь находится где-нибудь в Малайзии. Как именно это будет оформлено юридически – не играет большой роли.

Однако компенсирующие выплаты в европейские бюджеты – это полумера. В действительности необходимо растягивать суть реформ Рузвельта на весь Земной шар. Если про-

мышленность из Европы выведена в какой-нибудь Гондурас, и теперь именно там производится промышленная продукция, то и зарплаты, налоги, соответственно, различные социальные выплаты должны там вырасти до европейского уровня, чтобы и в Гондурасе возникло общество двух третей, европейское социальное государство, общество потребления, народный капитализм и так далее – выберите любой термин по вашему вкусу. Только так можно восстановить мировой платежеспособный спрос, а соответственно, и причину кризиса неплатежей. Кроме того, подобные меры устранят экономический смысл бегства промышленности из Европы.

Секция 2. «Идеология и методология. Марксизм, постмодернизм и ценности Просвещения»

Петр Сафронов (РАНХиГС, Москва), выступая с вводным словом, сформулировал основную проблему секции.

Можно говорить о марксизме как методологии. Но разговор о марксизме *только* как о методологии показывает слабость социальных и академических движений в России. Как вместе с тем отличить освоение методологии марксизма от использования марксистского языка? Полагаю, проблема заключается в том, что марксизм уже слишком хорошо усвоен теоретическим пищеварением современных интеллектуалов и потому не имеет отчетливо различимой концептуальной автономии. Все социальные ученые сегодня отчасти марксисты – на уровне используемых различий, теоретических жестов, словаря. Но

критический посыл учения Маркса утрачен полностью. Вообще сама критика больше не является респектабельной процедурой. Критики не существует. И необходимо понять, как нам говорить о марксизме в эпоху после критики.

Шамсуддин Мамаев. Дагестан долго оставался последним оплотом марксизма. Когда марксизм там исчерпал себя, ему на смену пришел ислам, отрицающий ценности Просвещения. В России марксизм заменил постмодернизм, а еще раньше, в Советском Союзе, победил брежневский марксизм. Сегодня победила «Единая Россия».

Василий Жарков (Московская Высшая школа социальных и экономических наук, Москва). Сегодня мы наблюдаем в общественных науках топтание на месте. Воспроизводство банальностей. Марксизм оказался слишком сложной идеологией. За всю историю ВКПб программа партии не принималась по выступлению лидера, а сегодня ЕР демонстрирует, что это возможно. Все упрощается.

Ш. Мамаев. ЕР заявляет себя левой партией.

В. Жарков. А, по-моему, она правая.

Кирилл Мартынов (НИУ-ВШЭ, Москва). Так эта партия так и построена – она и левая, и правая. Отсюда ее 70% поддержки.

Борис Межуев (заместитель генерального директора Фонда гражданских инициатив «Стратегия-2020», Москва). Марксизм сегодня становится культурой. Главное эвристическое открытие марксизма – системное понимание сущности и источников не-

справедливости в обществе. Но все его критики от этой темы уходят. Все концепции, кроме марксизма, заинтересованы в затушевывании этой проблемы. Слабость марксизма в том, что он сам не предлагает никаких решений. Сегодня победил примитив. Есть опасность, что победит обратная примитивизация, произойдет победа марксизма за счет духа сциентизма, который сегодня очень востребован.

В. Жарков. Советский марксизм был формой примитивизации теории. Сегодня мы имеем угрозу еще большей примитивизации.

К. Мартынов. Положения марксистской философии контрабандой перенесены в вузовскую программу. Но эти положения перенесены бессистемно, без связи с реальным анализом. Сознание студентов питается мифами, остатками исходного знания.

В 90-е годы было выброшено методологическое содержание марксизма. Ничего нового не было предложено. Проявляется и объяснительная слабость марксизма. СССР был страной без теории, существовала только некая версия общественного знания. Марксизм может приходить тогда, когда есть сильная буржуазная социология. Нам нужно отталкиваться от буржуазной идеологии и от социальной реальности.

Борис Капустин (США, профессор Йельского университета). Непонятен формат дискуссии, это какая-то квазиинтеллектуальная игра. Мы должны заниматься проблемами. Разговоры о марксизме могут иметь смысл, если мы способны с его помощью объяснять проблемы. Пьер Бурдьё, например, занимался проблема-

ми, отталкиваясь от марксизма, развивал идеи культурно-символической формы капитала.

В советском марксизме наиболее интересны три вещи. Во-первых, текстология и историография марксизма. Этим много занимался Георгий Александрович Багатурия. Во-вторых, гегелевский марксизм Э.В. Ильенкова. И, наконец, марксистский анализ истории Михаила Яковлевича Гефтера.

Главное в марксизме – насколько возможны универсалии. Гегельянство используется как ключ к социальному анализу. Вопрос заключается в том, как мы можем конкретизировать эту абстрактную универсалию. Из этого вырастает вся реальная социология. Слабость современного марксизма в том, что мы пытаемся развивать его, не учитывая трех вещей. 1) Нужно уловить противоречие, выходя на проблему. 2) Включить теорию в диалог, развивая в нем мысль. 3) Не было марксизма как монолита, был куст теорий, создающий полемическое поле.

Сергей Соловьев (журнал «Скепсис», Москва). Говорить о марксизме «вообще», о буржуазной теории «вообще» бессмысленно. Марксизм разный. Ортодоксальный марксизм – сплав науки и идеологии. В целом же марксизм всегда был беспокойной теорией. Но это теория, объясняющая, зачем в обществе нужен социальный идеал. Карл Мангейм говорил, что общество без утопии – статичная вечность, мертвое общество. Используя терминологию Мертона – это общество в состоянии аномии.

Алексей Соколов (МГУ, философский факультет). У меня есть замечания методического характера.

Первое. Мы сейчас пытаемся оценить значение утраты марксизма для общественных наук. Но нужно помнить, что не для всех наук марксизм имел одинаковое значение. Второе замечание. Здесь звучали соображения о том, что не было развития марксистского анализа истории, в частности, формационной теории. Но развитие шло, шли дискуссии. Можно вспомнить работы В. П. Илюшечкина, Ю. И. Семенова, чья «философия истории» — оригинальная концепция формаций. Конечно, такие дискуссии в советское время не поощрялись, даже подавлялись. В современных учебниках есть упоминания о формациях, но больше всего там говорится о теориях цивилизаций. А в основу представлений об историческом развитии стремятся заложить триаду «традиционное общество – индустриальное общество – постиндустриальное общество». Марксизм вытеснили из исторической науки и современной философии, остались эклектические воззрения.

Почему вообще произошла кончина марксизма? Никто не опроверг его положения. Но сработал механизм дискредитации теории. Какой, де, марксизм, когда был ГУЛАГ? Обещания коммунизма, связанные с марксизмом и не оправдавшиеся, тоже дискредитировали марксизм. Так в свое время Великая Французская революция дискредитировала Просвещение и его ценности. После дискредитации марксизма образовался теоретический вакуум, куда хлынули разные теории и концепции. Все якобы знали, что Маркс не прав, только не могли сказать, в чем именно. Сегодняшняя конференция – отрадное явление. Маятник качнулся в другую сторону.

Б. Капустин. Вопрос о ГУЛАГе имеет огромное значение для марксизма. Марксизм — не кабинетная теория, он сводит способ быть со способом знать. Он больше чем теория, он претендует быть образом не только мышления. Но и действия, в этом его сила, но это-то и подставляет его под критику. Именно поэтому марксизм дискредитирует то, что он не смог противостоять ГУЛАГу.

П. Сафронов. Марксизм избыточен по отношению к самому себе. Может ли быть обеспечена автономия марксизма как теории? Нет, и это свидетельствует о большом влиянии марксизма. Может ли марксизм существовать как невозможная универсалия? То есть можно ли перейти от обсуждения марксизма как некой практики к обсуждению марксизма как дисциплинарности? Все стилизуют себя как представители определенной дисциплины, так и нужно поступать.

С. Соловьев. Такая постановка вопроса не верна. Как только марксизм ушел из политики, произошел разрыв с конкретными проблемами (можно вспомнить «иронических марксистов» — Антонио Негри, Джоджио Агамбен). А я хочу напомнить о переписке Михаила Лифшица — это очень драматичное чтение о том, как можно оставаться марксистом в современных условиях.

Б. Капустин. Марксизм в рамках дисциплины — капитализирующий марксизм, это канонизация тотальной логики общества, которой марксизм и противостоит как теория и практика.

П. Сафронов. Но не является ли судьба марксизма (капитуляция и движение в сторону академической теории) судьбой любой критической теории?

Б. Капустин. В терминах судьбы или событий?

П. Сафронов. Непонятна дихотомия судьбы и событий. Я говорю вслед за Фуко о тенденциях присвоения критической теории теми институтами, которые она критикует.

Б. Капустин. События — логика объективной действительности. Судьба — внутренняя логика самой теории.

Светлана Крестовская (доктор философских наук, Ижевск) Давай-те обнаружим пределы марксизма. Сегодня есть опасность забалтывания теории. Необходимо определить, марксизм — это теория или идеология? Марксизм начинается с противоречия, с абсолютизации материи. Слабость марксизма в том, что он тотально подходит к миру, стремится к излишнему обобщению. А может ли теория решить все проблемы и ответить на все вопросы?

Ш. Мамаев. Марксизм капитулировал потому, что пролетариат потерял свою революционность.

Анна Очкина (ИГСО, Пенза) Сегодня нужно говорить о капитуляции не марксизма, а марксистов. Развитие социальной мысли приблизительно с 80-х годов, еще в СССР и в современной России можно охарактеризовать как бегство от марксизма. В то же время периодически раздаются призывы вернуться к аутентичному марксизму и сетования на вульгаризацию марксизма. Между тем эта вульгаризация подчинялась определенной логике, она была сознательно осуществляемым проектом. Который очень удался. И сегодня, критикуя марксизм, критикуют, на самом деле, его вульгаризованную версию. Более того, часто и неолибералы, отвергая

сущность и гуманистическую составляющую марксизма, исходят в своих построениях из экономического детерминизма, который не присущ аутентичному марксизму, но за который его так часто критикуют. В разгроме теоретических направлений марксизма была своя логика. Из марксизма были выдавлены идеи о сущностном, родовом человеке, о роли индивидуальности и индивидуального действия. С другой стороны, были отброшены направления, отрабатывающие идеи объективных закономерностей исторического развития: Кондратьев, Покровский.

Пресекались самые перспективные, но и самые дискуссионные направления. Дискуссия могла помешать тому социально-экономическому прорыву на предел общественных сил, который и был сущностью советской истории. Теоретическая дискуссия стала бы препятствием для мобилизации вокруг целей социально-экономических преобразований, она делала теорию сложной, многозначной и потому непригодной для превращения в идеологию. Идеология должна быть монолитной, понятной, однозначной. Это дереву нужны ветки, а бревну они только мешают. И так удачно обрубили ветки у марксистской теории, что даже и вопросы внутри нее стали исчезать, социальная мысль в России стала ставить вопросы и искать ответы по другую сторону марксизма.

Марксизм не только не утратил своей актуальности, но остался сегодня единственной методологией, способной объяснить все противоречия и сложности современного мира. Нужно не призывать возвращаться к аутентичному марксизму и не спрашивать поминки по нему. Нужно задать те вопросы, которые остались в свое

время без ответа, и принять те ответы, которые в свое время были отвергнуты.

Секция 3. «Политические формы движения: почему не получается проект левой партии»

Работа секции началась с ряда кратких обзоров, посвященных состоянию левого движения в различных странах. Сопоставление этого опыта продемонстрировало целый ряд сходных проблем, нуждающихся в комплексном и совместном обсуждении.

Владимир Веретенников (Латвия, Рига) выступил с докладом «**Почему в Латвии не появилось сильной левой партии?**»

В течение двадцати последних лет Латвия живет в состоянии некоего «левого вакуума». Носители левой идеи имеются в весьма большом количестве, а вот достаточно сильной и дееспособной партии до сих пор так и не возникло. В чем причина этого неприятного факта?

Разумеется, можно искать объяснения в специфике местной ситуации, хотя и нельзя сказать, что она в Латвии настолько уж уникальна. Как известно, в начале 90-х, в самые первые годы существования Второй Латвийской республики, власти запретили компартию Латвии и поддерживавшие ее общественные организации, проведя в отношении их руководств люстрации. С тех пор и вплоть до самого последнего времени основную роль в политической жизни республики играли буржуазные партии, хотя многие специалисты предпочитают характеризовать их, скорее, как

чиновниче-олигархические. Неизменным остается и крайне правый курс правительства в экономике, ведущий к обнищанию всех слоев населения. Другими словами, все правящие партии являются националистически-либеральными по духу — независимо от названия, которое они себе присваивают. Данные партии строятся как бизнес-проекты, под них приобретаются средства массовой информации, ими финансируются люди в полиции, налоговой службе, прокуратуре. Когда «старые» партии чересчур дискредитируют себя коррупционными скандалами и засильем одних и тех же лиц, традиционно кочующих по парламентским коридорам в течение всех этих двадцати лет, производится ребрендинг и создаются новые партии, которые со временем повторяют все грехи старых. Таков этот заколдованный круг и выбраться из него пока не представляется возможным.

Конечно, в стране есть и партии, открыто позиционирующие себя в качестве левых. Например, можно назвать Социалистическую партию Латвии, возглавляемую бывшим секретарем ЦК КПЛ Алфредом Рубиксом, отсидевшим в тюрьме несколько лет за свои убеждения. Но она никогда не пользовалась большой поддержкой населения. Как социал-демократическое позиционирует себя и политическое объединение «Центр Согласия», в которое входит Соцпартия. Именно ЦС набрал больше всего голосов в ходе последних парламентских выборов в сентябре текущего года. Однако левым ЦС можно назвать лишь условно, поскольку по духу это всегда была типичная «партия сытых», в рядах которой собралось немало представителей крупного бизнеса. Соответственно, «социал-демократизм» ЦС

необходимо признать в значительной степени декларативным.

Так почему же в Латвии так и не появилось сильной левой партии? Не стоит списывать исключительно все на обработку общественного сознания массовой антикоммунистической пропагандой, хотя, разумеется, она тоже имеет место. Достаточно вспомнить законодательный запрет на использование красного знамени, звезды, серпа и молота, а также других символов социализма. Однако объяснять отсутствие мощного левого движения лишь воздействием пропаганды — это значит сознательно упрощать проблему. На самом деле, здесь оказался задействован и ряд других, не менее мощных факторов.

Во-первых, к числу этих факторов необходимо причислить мощное отчуждение, существующее между двумя национальными общинами Латвии — латышской и русскоязычной. При этом государство осознанно стремится обострить противоречия, лишь слегка маскируя свою позицию либеральной риторикой. Поскольку в основе левой идеологии лежит интернационализм, межнациональное напряжение является изрядной помехой, мешающей приступить к строительству левой партии, в рядах которой были бы равноправно представлены все национальности (тот же ЦС, хотя и старается позиционировать себя как «социал-демократы вообще», опирается в основном на русскоязычную электоральную базу). В итоге получается так, что латыши очень боятся выступать против олигархически-бюрократического государства из опасений, что, дескать, «власть возьмут русские». У русских, в свою очередь, проявляется элемент некоторого злорадства: «А, вы

сделали нас людьми второго сорта, отбросили на пушечный выстрел от рычагов власти, так что вина за все, что случилось с Латвией, лежит всецело на вас. А мы теперь будем с удовольствием наблюдать, как вы барахтаетесь в этой яме, которую сами же и вырыли». Все это мешает людям объединиться и общими усилиями предъявить счет власти за все ею содеянное. Вторым осложняющим фактором следует назвать массовую эмиграцию жителей из республики, уносящую, в первую очередь, самых активных и пассионарных. Впрочем, сейчас латвийцы уезжают в Западную Европу массово – и пожилые, находящиеся в предпенсионном возрасте люди, и вчерашние школьники. Для многих отъезд является уже насущной необходимостью, ибо в условиях депрессивной латвийской экономики найти себе работу эти люди не могут. За двадцать лет количество населения республики сократилось примерно на треть. Притом, что характерно, массовый исход населения из Латвии не особенно тревожит власть имущих. Они показывают по данному поводу лишь деланное беспокойство, без трагической горечи, понимая, что отъезд «лишнего народа» снижает социальное напряжение.

Но всего этого недостаточно для глубоко понимания ситуации. Если с классом эксплуататоров все более или менее понятно, то в вопросе, кто является эксплуатируемым, существуют неясности. Не секрет, что классический пролетариат времен Маркса остался в прошлом. Так кто же пришел ему на смену?

От промышленной базы времен СССР мало что осталось, сейчас большая часть латвийской экономики сосредоточена в секторе обслужива-

ния. При этом в стране наблюдается высокий уровень безработицы – хотя по официальным данным он составляет «всего лишь» около 12 процентов. Однако официальные данные никоим образом не отражают истинной ситуации, поскольку огромное количество безработных давно уже махнуло на все рукой и больше не регистрируется в государственной службе занятости. Соответственно, для очень многих людей найти работу – само по себе является огромной радостью и успехом. И они готовы будут трудиться даже за самую скромную плату, ничуть не задумываясь о том, что их эксплуатируют. Потому что, когда латвийский наемный работник сравнивает свое положение с жизнью многочисленных безработных, это лишь побуждает его крепче держаться за свое рабочее место. В настоящее время огромную социальную группу эксплуатируемых в ЕС представляют гастарбайтеры из Восточной Европы (в том числе и из Латвии), выполняющие там примерно те же функции, что и таджики в России. Однако в силу понятных причин разрозненным, не сплоченным гастарбайтерским массам из разных стран очень трудно осознать себя в качестве единой силы, способной выступать единым фронтом в борьбе за свои права. Пока что эти люди способны лишь на неконтролируемые выплески ненависти, вроде летних уличных погромов в Великобритании, но на организованную деятельность их пока не хватает.

Второй крупной группой эксплуатируемых следует признать пенсионеров. Согласно инициативе латвийского Министерства благосостояния, утвержденной парламентом, с 2016-го года в Латвии начнет стремитель-

но расти показатель пенсионного возраста – на полгода ежегодно. Это будет продолжаться, пока в 2021-ом году латвийцы не начнут выходить на пенсию в 65 лет – как мужчины, так и женщины.

Так что, получается, шибко повезло тем, кто уже успел уйти на пенсию или уйдет на нее в течение ближайших четырех лет. Впрочем, возможно, что и им придется несладко. Для консолидации госбюджета кредиторы Латвии из МВФ уже посоветовали местному руководству пересмотреть условия начисления доплат к пенсиям. Всемирный банк (ВБ) вообще настоятельно рекомендует отменить доплаты к пенсиям свыше 140 латов за трудовой стаж до 1996-го года, что позволит сэкономить большие деньги. Заодно МВФ советует снизить необлагаемый подоходным налогом пенсионный минимум с нынешних 165-ти до 140 латов, что также создаст экономию. Всемирный банк считает возможным снизить и сам данный минимум до 80 латов. Еще ВБ призывает полностью индексировать пенсии в соответствии с изменениями индекса потребительских цен – как положительными, так и отрицательными, сэкономив таким образом еще денег. Впрочем, нет никакой гарантии, что нынешние 20-30-40-летние в будущем вообще получат какие-то пенсии. Поскольку уже сейчас поговаривают, что на отметке 65 лет пенсионный возраст не застынет. Об этом открыто высказываются заправилы Евросоюза, указаниям которых Латвия послушно следует. Летом прошлого года Еврокомиссия сделала прогноз, что со временем возраст выхода европейца на пенсию будет составлять около 70 лет. Государства ЕС, по оценке Еврокомиссии, должны постепенно повышать пенсионный

возраст, а количество рабочих часов должно быть увеличено. В противном же случае Европа может оказаться в ситуации «тяжелой комбинации низких выплат и больших вкладов».

Впрочем, даже если дополнительных повышений пенсионного возраста больше не будет, то все равно все складывается очень печально. Согласно данным Центрального статистического управления, средняя продолжительность жизни женщин в Латвии составляет 78,1 года, а мужчин – 68,3. Таким образом получается, что после 2021-го года, если ничего не изменится, средняя продолжительность жизни с пенсией составит примерно 4-5 лет.

Другими словами, налицо жестокая эксплуатация пенсионеров, которые усердно проработали всю жизнь и теперь получают за все труды от государства, грубо говоря, «шиш с маслом». И то, что это отнюдь не латвийская, а общемировая тенденция, утешением служить не может. Однако пенсионеры еще менее чем гастарбайтеры могут рассматриваться в качестве «передового отряда пролетариата в борьбе за свои права» – в силу возраста, слабого здоровья, малых физических сил и т.д.

Еще одной крупной группой эксплуатируемых нужно признать детей, в том числе и еще нерожденных – по сходным причинам. За последние годы количество учебных заведений значительно уменьшилось, хотя это во многом объективный процесс, связанный с «демографической ямой», в которой оказалась страна. Помимо этого постоянно урезаются родительские пособия, падает качество детской медицины, уменьшается количество возможностей детского

развития, связанное с закрытием различных учреждений соответствующего профиля. В итоге, представители подрастающего поколения начинают обкрадываться буквально с колыбели или даже еще в утробе матери.

Какой же вывод следует из всего вышеизложенного? Получается, что при существующем порядке вещей разные группы эксплуатируемых оказались разведенными в пространстве и времени, из-за чего им предельно сложно и даже невозможно договориться между собой. Более того, интересы эксплуатируемых групп входят в прямое противоречие друг с другом. Американский исследователь Лестер Туроу в своей книге «Будущее капитализма» прямо пишет: «В грядущие годы понятие классовой борьбы должно будет измениться: это будет не борьба бедных против богатых, а борьба молодых против старых... В Америке этот конфликт уже отчетливо виден. Престарелые систематически голосуют против налогов на развитие образования каждый раз, когда им представляется случай. Престарелые устраивают изолированные сообщества для себя, где не разрешают жить молодежи, чтобы не пришлось платить за школы...». Более того, Туроу описывает случай в Мичигане, где в одном из городков старики, пользуясь численным преимуществом в руководстве самоуправления, прямым образом разорили местные школы, оставив их без денег. Другими словами, данная ситуация, как уже упоминалось, не является свойственной только Латвии, но именно латвийский пример представляет все существующие противоречия наиболее явно и в обнаженном виде. Таким образом, все те, кто задастся созданием левой партии, предварительно должны

решить, каким образом они намереваются эти противоречия преодолеть. Другой вопрос состоит в том, насколько насущной является необходимость создания именно политической партии. Ведь партии — давно уже часть системы, их задача: гасить социальное возмущение представителей «лохтората», заставляя их верить в иллюзию, что приходя раз в несколько лет на избирательные участки, они способны повлиять на жизнь страны. Так что будущее, очевидно, не за партиями, а за массовыми низовыми социальными движениями, которые дадут народу возможность доносить свои требования до власти не опосредованно, через партии, а напрямую.

Борис Кагарлицкий. Необходимо искать новые формы работы, изучая старые формы и не отказываясь от них. Наблюдается растущее общественное недоверие к существующим политическим партиям — включая левые и крайне левые партии. Тут не обязательно говорить о Восточной Европе, можно вспомнить французский пример, где опросы показывают катастрофическую дискредитацию всех без исключения партий. Отсюда — необходим поиск новой альтернативы через работу в массах, создание кадровой базы, надо действовать «выращивая» политическую силу, действуя внутри социальных движений. Необходимо создавать движение, которое будет проводить борьбу за власть, одновременно вырабатывая программу действий, понятную и доступную массам. Выборы важны, но не самоценны. Сначала ставим политические задачи, потом, исходя из них, решаем вопрос участия в выборах. Нужна экономическая про-

грамма – объяснить причины кризиса, дать анализ его процессов и указать на выход из ситуации. Социал-демократия сегодня перестала быть реформистской силой. Нужно говорить о национализации, в том числе в связи с развалом коммунальной, хозяйственной, транспортной сферы, аварий, и пр. Мы живем в революционную эпоху, и если отдать инициативу, этим воспользуются наши политические противники, что приведет к катастрофическим последствиям.

Михал Сутовский (*«Критика политична», Польша, Варшава*). Недавние выборы в Польше показали кризис либеральных и консервативных политических партий. Левая альтернатива присутствует, но она еще не столь сильна и заметна на политическом поле. Хотя опыт партии Паликота показывает рост антиклерикальных настроений. Однако Паликота никак нельзя назвать левым, хотя он с левыми кругами и темами активно заигрывает. Общеввропейский экономический кризис также коснулся и Польши, где правительство из последних сил старается сдерживать контроль над ситуацией. Опираясь на работу с социальными, правозащитными, гендерными движениями и профсоюзами, левые проводят независимую политику, стараясь оказывать влияние на общественные процессы.

Сергей Киричук (*Институт «Новая демократия», Украина, Киев*). Украинские власти, безусловно, хотели бы реализовать в Украине российский сценарий авторитарного государства, но не имеют для этого необходимых ресурсов. Следует так-

же учитывать разницу в политической культуре и традиции двух наших стран. Недавний арест Юлии Тимошенко не вызвал массового народного возмущения. Это показывает, что массы в целом не видят разницы между политикой Тимошенко и Януковича, которая была одинаково направлена на сворачивание социальных гарантий и жестких «мер экономии» под давлением международных финансовых структур. Политика Тимошенко не является «прозападной», а позиция Януковича – «пророссийской». И в том, и в другом случае политика жестко обусловлена интересами большого бизнеса, заинтересованного в тесных коммерческих связях с Западом или Россией. Разочарование в ценностях буржуазной демократии, в условиях отсутствия левой политической альтернативы, усиливает популярность ультраправых, которые активно используют риторику социального популизма. В этих условиях создание левого политического субъекта становится насущной необходимостью текущего момента.

Секция 4. «Кризис солидарности: деклассированное общество перед лицом кризиса»

Анна Очкина: В рамках темы нашей секции я предлагаю обсудить такие три вопроса. Во-первых: а есть ли в нашей стране, в нашем обществе, у наших людей поводы для социальных протестов. Мы склонны удивляться, почему в нашей стране нет таких массовых выступлений, как в Европе или Северной Америке, но, может быть, и повода для таких вы-

ступлений и, следовательно, для обвинений россиян в социальной пассивности, нет? Сложилась ли в России такая социально-экономическая и политическая ситуация, которая в принципе могла бы стать почвой для социального протеста? Я понимаю, что, скорее всего, каждый из здесь присутствующих считает, что такая ситуация сложилась, и объективный повод к социальным протестам в нашей стране есть. Но мы должны охарактеризовать его подробно для того, чтобы ответить на следующий вопрос: а каков возможный социальный субъект социального протеста, соответствующего объективно сложившейся ситуации, адекватный этому поводу? Какие социальные группы и слои могут воспринимать социально-экономическую ситуацию, сложившуюся в России как кризисную, как повод для недовольства и протестных выступлений? И, наконец, мы должны попытаться ответить на вопрос: с какими требованиями может (и должен) выступить сегодня этот потенциальный субъект социального протеста? В рамках какой социально-экономической концепции, какой идеологии он может свои требования сформулировать, какую альтернативу он может предложить. Такова, на мой взгляд, может быть вводная часть нашего обсуждения. А после мы можем уже обсудить, почему же этот потенциальный субъект не проявляет себя, почему он столь пассивен? Сразу скажу, что я два года занимаюсь мониторингом того, чего у нас нет – социальных протестов. Я отслеживала в рамках исследовательского проекта также социальные и профсоюзные движения. Как человек с определенным математическим образованием я привыкла с уважением относиться к бесконечно малым величинам.

Сколько бы малы они ни были, они не равны нулю. У нас есть социальные движения, постоянно происходят протестные выступления, совершаются протестные действия, которые концентрируются, в основном, вокруг проблем социальной сферы, вокруг ситуации в образовании, здравоохранении, ЖКХ и т.д. Эти проблемы являются более сильными магнитами для социально-протестных движений, чем, например, социально-трудовые отношения.

Необходимо отметить еще один момент, который мы часто упускаем, сетуя на политическую и социальную пассивность российского общества. Дело в том, что российские граждане не протестуют солидарно. Правильнее говорить, поэтому, об атомизации общества, о кризисе солидарности, а не просто о пассивности. Россияне не протестуют солидарно, не оформляют свое недовольство политически, но есть явная тенденция роста индивидуальных протестов: обращение в суд, в трудовые инспекции, в администрации по поводу роста жилищных тарифов. ПФО является лидером должников по заработной плате среди федеральных округов в России. За полгода там не было ни забастовок, ни митингов, ни пикетов, посвященных этой проблеме. Но было очень много судов по индивидуальным искам. Поэтому мы не можем говорить об отсутствии повода к протестам. Напротив, мы можем констатировать, что в российском обществе есть и социальное недовольство, и даже протестные настроения, и протестное поведение. Пусть они и существуют в неявном виде, в нетрадиционной форме. Начнем с повода.

Максим Козырев. Меня называли на прошлой секции оппонентом левых, и

я опять, наверное, выступлю в такой роли. Да, с точки зрения математики, бесконечная малая не равна нулю, есть бесконечно малые величины конфликтов, которые приводят к единичным выступлениям, не заканчивающимся ничем. Каждая ситуация собирает какое-то количество людей, вызывает какое-то количество протестов, но количество не переходит в качество.

А. Очкина. А повод-то для протестов есть, или социально-экономическая ситуация всех устраивает?

М. Козырев. Она всех устраивает до такой степени, чтобы оставаться внутри нее, не стремиться за ее рамки. Недовольство накапливается, но ровно настолько, чтобы решать свои, личные, индивидуальные проблемы с помощью институтов этого же общества. Но нет такой степени недовольства, чтобы мог сформироваться устойчивый солидарный протест.

А. Очкина. Так мы настолько терпеливы и пугливы, что не реагируем ни на какие экономические и политические проблемы, или эти проблемы незначительны, или они не осознаются еще как значительные?

М. Козырев. Нет механизмов солидарности, которые бы включались социальным недовольством.

А. Очкина. То есть общество атомизировано, разобщено настолько, что не может собраться ни в каком случае?

М. Козырев. Кроме того, существуют механизмы, которые могут включать активных людей в некое подобие массовых политических действий.

А. Очкина. Имитационная демократия?

М. Козырев. Имитационные протесты. То, что сегодня называют оппозицией, это не оппозиция. Это группы людей, которые ходят в свободное время на мероприятия, разбиваются на группы по интересам, обсуждают интересные им проблемы политики, политических учений и т.п.

А. Очкина. А так называемые «детсадовские голодовки», «вахтовые» голодовки, которые устраивает Российское движение за достойное образование (РДДО)? Согласитесь, голодать ради удовольствия или интеллектуальной разминки все-таки странно? Это тоже имитационный протест?

М. Козырев. Это индивидуальный протест.

А. Очкина. Ничего себе индивидуальный! Они устраивают шествия, голодовки проходят в течение нескольких месяцев, группы голодающих меняются, они противостоят администрации, сообщая, кстати.

М. Козырев. Для меня, как и для моих товарищей, посвятивших значительную часть жизни профсоюзному движению, голодовки всегда были странной формой протеста. Это все-таки форма индивидуального, никак не солидарного протеста.

А. Очкина. Но вахтовые голодовки, длящиеся несколько месяцев, требуют солидарности, и воспринимаются в обществе как солидарные, кстати.

М. Козырев. В любом случае это – протест неучастия, но не социальный протест, с которым может прийти какая-то альтернатива. Голодовки могут быть эффективны, когда речь идет о частных нарушениях прав, но не тогда, когда речь идет о необходи-

мости серьезных, радикальных изменений в обществе. Голодовки могут привести к удовлетворению индивидуальных требований, но не больше.

А. Очкина. Тогда давайте еще раз уточним, как все-таки выглядит возможный повод для протестов сегодня. Социально-экономическая ситуация в нашей стране благоприятна, терпима или невыносима? Или ее характеристики могут быть диаметрально противоположны с точки зрения разных социальных групп?

Илья Гоциридзе (профсоюзный активист, член СКМ, Москва). На мой взгляд, ситуация в России, прежде всего, непредсказуема. Как мне представляется, все может произойти таким образом, я утрирую, конечно, но модельно ситуация может выглядеть так: какой-то чиновник или депутат собьет на машине уважаемого пенсионера или ребенка, произойдет какая-то стычка, потасовка, и вдруг мы по телевизору увидим, как в Москву входят танки.

А. Очкина. То есть, будет достаточно ничтожного повода?

И. Гоциридзе. Именно так. И я не знаю, как быстро это произойдет, может быть, завтра, может быть, через двадцать лет.

А. Очкина. Мы не выдержим двадцать лет.

И. Гоциридзе. В любом случае, это произойдет внезапно и случайно. У нас нет сколько-нибудь организованной социальной силы, есть группки по интересам. Люди готовы к солидарным действиям, готовы сплотиться по частным поводам, по поводу проблем более крупного масштаба недовольство носит очень общий, не-

конкретный характер. Все признают, что все плохо, но конкретизации нет.

А. Очкина. А что плохо-то? Может быть, все и хорошо?

И. Гоциридзе. Плохо, прежде всего, то, что мы сегодня лишились государства.

А. Очкина. А, по-моему, его даже и многовато всюду.

И. Гоциридзе. Это как посмотреть. Если мы вспомним, что государство создано для защиты интересов граждан, то мы увидим, что его не так уж и много, государства становится многовато тогда, когда оно подавляет малейшую инициативу граждан. Это мы наблюдаем в избытке сегодня. Но государства как гаранта прав, как объединения граждан у нас крайне мало. То, насколько далеко граждане готовы пойти в своем протесте, зависит от конкретной проблемы. Работники московского завода авиационных двигателей «Салют», где людей из общегития выбрасывают на улицу, готовы зайти сейчас довольно далеко. Уже там и поджог был. У нас вообще интересно сейчас в России: солидарного протеста нет, но ситуация все равно взрывоопасная. Я скажу больше. Для стабильности ситуации сейчас даже необходимо, чтобы появился какой-то лидер, кто мог бы сплотить вокруг себя людей, это снизило бы непредсказуемость и шаткость ситуации.

Дмитрий Полетаев (Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, Москва). Я профессионально занимаюсь всеми видами миграции. В том числе и нелегальной, в том числе и вопросами противодействия торговле людьми, так мигранты всегда – группа риска. Говоря о социально-профессиональных

группах, отстаивающих сегодня свои права, мы можем в этом контексте вспомнить и о мигрантах. Мигранты – своего рода лакмусовая бумага для выявления того, какого государства у нас много: того, которое защищает права или того, которое подавляет или обирает. Ведь в определенном смысле мы все – мигранты. Любой большой город – это город мигрантов, чем он больше и чем более развит, тем больше в нем доля мигрантов. Мы можем даже не идентифицировать себя с той или иной группой, права которой ущемляются, а потом однажды обнаружим, что вместе с тем ущемляются и наши собственные права. Трудовые мигранты – это своего рода социальный раздражитель для общества и разменная карта для политиков. На них можно свалить многие социальные проблемы, с которыми государство не может справиться. Это прекрасная кандидатура для образа врага. Если мы говорим о кризисе солидарности в обществе, то он проявляется сегодня и в отношении общества к трудовым мигрантам. Если в обществе массово нарушаются права пусть даже и одной социальной группы, это означает угрозу для всех социальных слоев, даже тех, которые непосредственно вроде бы не притесняются, их права прямо не нарушаются. Но множественность нарушений прав даже одной группы приводит к тому, что любой может потерять свой статус, оказаться деклассированным, маргинализированным, и его коснутся все нарушения и притеснения. И кризис солидарности в нашем обществе налицо: мы спокойно взираем на ущемления прав мигрантов, даже склонны обвинять их в некоторых наших проблемах. Мы не хотим потребовать от государства за наши налоги обеспечения элемен-

тарных прав значительной группы людей, обеспечения и гарантии прав, необходимых, по большому счету всем. Например, свободного перемещения по стране, отмены неконституционной регистрации. Мы снимаем с себя ответственность граждан, и этим мы развязываем руки государству. Не проявляя солидарности с теми, чьи права нарушаются сегодня, мы создаем почву для нарушения своих собственных прав завтра.

М. Козырев. Но вы же просто обобщаете, а не задаетесь вопросом, почему люди поступают именно так, а не иначе. Правильнее было бы посмотреть на реальность и те идеи, которые ей не соответствуют, поставить под сомнение.

Д. Полетаев. Постараюсь четче, лучше пояснить свою мысль, прибегнув, опять-таки, к примеру. В прошлом году я стал инициатором и участником съемок фильма о депортированных народах. Один из вопросов героям фильмов – представителям депортированных в свое время народов – был о том, что они хотят сказать своим потомкам, будущим поколениям. И интересно то, что жители Северного Кавказа, например, говорили, что во многом они сами виноваты в том, что случилось с ними. Они говорили: «Мы сами позволили сделать это с собой, унижить наше достоинство. Мы не проявляли себя как общность, именно поэтому стало возможным все, что с нами произошло». Мы не задумываемся о необходимости контроля над людьми, которым мы доверили управление. Мы не прикладываем к этому достаточных усилий. А мы вполне способны делать это. Я видел в Италии, например, как сотни тысяч людей выходили на демонстрации, и итогом этих маршей было, в пер-

вую очередь, изменение отношения самих людей к тому, что происходит вокруг. Сразу изменить власть, может быть, и невозможно, но изменить отношение людей к власти, повысить их уверенность в том, что они способны что-то менять, это очень важно.

М. Козырев. Это все похоже больше на благие пожелания. Действительность такова, что люди не реагируют на притеснения до тех пор, пока их лично это не коснется, призывы к солидарности не работают. Следовательно, мотивов для действий, для проявления подлинной солидарности не достаточно, люди предпочитают перенести те или иные невзгоды, чем проявить гражданскую позицию.

Д. Полетаев. Может быть, корни пассивности в нашем прошлом. Люди предпочтут молчать, чтобы не поехать в лагерь.

А. Очкина. Лагереи давно нет, а мы все боимся...

Д. Полетаев. Лагеря остались у нас в голове. Такая обывательская точка зрения разрушается, наверное, просвещением. Чем больше образованных людей, тем меньше такого мещанского страха. Ситуация, когда высшее и любое качественное образование становится все менее доступным, очень благоприятна для распространения бесправия, покорности и пассивности. А вообще на идее солидарности все страховое дело построено: этого с тобой еще не случилось, но это может произойти в будущем. И если страховой агент может убедить в этом обывателей, то и гражданский активист должен уметь убеждать. Если ты сегодня не поддержишь профсоюзы, завтра тебя некому будет поддержать, когда тебя будут несправедливо увольнять. Если

ты сегодня поддержишь социальные движения, борющиеся за образование, ты поддержишь будущее своих детей.

А. Очкина. К сожалению, как мне неоднократно приходилось слышать от профсоюзных активистов, из-за такой прагматичной мотивации профсоюзы превратились в «сервисные организации», люди приходят туда, понимая, что их поддержка необходима, она ценна для активистов и лидеров, но считают сам факт вступления в профсоюз достаточным. Они не готовы к активности, не готовы к реальной работе, они просто ждут, что кто-то их будет защищать в обмен на то, что они создают численность профсоюза. Люди не приходят в профсоюз для того, чтобы защищать других, только для того, чтобы защищали его. Это кризис солидарности. Который проявляется в солидарном, казалось бы, коллективе. В результате большинство рядовых членов ждут от профсоюза защиты, а вот мобилизовать их на солидарную акцию крайне трудно, особенно если акция занимает немало времени и исход неизвестен. То есть так называемый разумный эгоизм в ситуации, когда нужна социальная активность, гражданская активность, а особенно политическое действие, не срабатывает.

Д. Полетаев. Разумеется, и агитацию нужно строить так, чтобы избежать такого потребительского отношения. Ориентировать не просто на участие в организациях, от которых нужно ожидать помощь, а на активную работу, на помощь другим. Ты участвуешь, помогаешь той организации или институту, который может помочь тебе. Помогает ресурсами, делами, всем, чем нужно. Это, мне кажется, уже не потребительское от-

ношение, а личное участие.

А. Очкина. Но мне кажется, что и такое участие не включает механизмы классовой солидарности, способной подвинуть человека на длительный протест, на длительное противостояние с властью любого уровня, администрацией предприятия и т.п.

И. Гоциридзе. Я хотел бы сказать несколько слов о том, почему наши люди не склонны к борьбе. Я не склонен считать это страхом перед лагерями, я скорее склонен объяснять это тем, что люди не верят в наличие беспристрастного арбитра. Не верят в то, что можно победить, даже если ты прав в споре, например, с Президентом. Исходя из этого, они не участвуют в массовых акциях, справедливо полагая, что, даже если они соберут там миллион подписей, эти подписи в лучшем случае лягут кому-нибудь в стол, а то и сразу попадут в корзину для бумаг.

А. Очкина. Но это же не так. Вспомним ситуацию с новыми стандартами для средней школы. Их же стали пересматривать. А было собрано только 25 тысяч подписей, не миллион. Да, конечно, новый ФГОС, скорее всего, будет не многим лучше, но он все-таки будет новым. Реакция на возмущение была.

Игорь Свири́н (*Общественная организация «Суть времени», Москва*). Но мало подписи собрать, нужно действовать дальше. А вот следующие шаги никто делать не хочет. Поэтому в следующий раз новый ФГОС все-таки будет принят.

А. Очкина. Ну, почему? А вдруг, в следующий раз будет 50 или 100 тысяч подписей?

И. Сви́рин Мы живем в ситуации вязкого безволия. Конечно, пробовать надо, и люди будут пробовать. Но когда государство не обращает внимания, а оно далеко не всегда обращает внимание на возмущение граждан, протест кажется бесперспективным и затухает. И 25 тысяч, согласитесь, — мелочь по масштабам страны, даже статистически.

А. Очкина. А они уже дернулись.

И. Гоциридзе. Это уже другой вопрос.

Д. Полетаев. Это все тот же вопрос. Нам кажется, что инициатива глохнет, вязнет где-то еще и потому, что государство кажется нам глухой стеной, монолитом, единым механизмом. Но на самом деле, власть не едина, она сложно структурирована и не так неуязвима, как нам кажется. Муаммар Каддафи правил несколько десятилетий, вроде бы всех все устраивало. А потом одновременно огромные толпы людей выходят на улицы. 2004 год в Украине: власть была уверена в себе, в том, что все останется по-прежнему, разве что немного пошумят. А на улицы вышли толпы, и это был акт катарсиса, когда люди оставляли свои ключи от квартир, чтобы там могли переночевать незнакомые им люди, и никто ничего не украл. Индивидуальные действия, усилия, которые вызывают эти моменты, они не такие уж большие, не такие сложные. Мы должны говорить о том, насколько вообще возможен эффект от нашей деятельности, что мы можем еще сделать, а не о том, что любая инициатива увязнет. Я отлично понимаю, что инициативы вязнут и затухают.

И. Сви́рин. Понятно: «зачем думать, трясти надо». Но если мы не понима-

ем причины пассивности, то каким образом мы можем построить нашу деятельность. Мы живем в ситуации безволия, и при этом нам не настолько плохо, чтобы мы действовали, несмотря ни на что, несмотря на то, что публицисты, аналитики, писатели чуть ли не каждый день рассказывают нам, в каком мы социальном аду живем, если для меня лично, как и для многих, этот «ад» вполне терпим еще.

А. Очкина. Я думаю, что сетовать пора заканчивать, нужно вернуться к той схеме, которая позволит выйти и на причины политической апатии в обществе, и на способы борьбы с ней. Вернемся поэтому к вопросу о том, что же у нас плохо. Дмитрий дал обобщенную формулу: повсеместное нарушение прав. Что у нас происходит с трудовыми правами? Принятый трудовой кодекс ставит наемного работника в полную зависимость от работодателя. Одновременно в бюджетной сфере, где уже и без того низкие зарплаты, принимается новая система оплаты труда, которая усиливает зависимость работника от работодателя и грозит новым снижением реальной зарплаты при росте нагрузок. Модель дешевого труда принимается и побеждает сейчас во всем мире, но мы - передовики, у нас распространена модель дешевого квалифицированного труда. Государство отказывается, и это закреплено в законе ФЗ-83, от безусловной поддержки социальной сферы, которая теперь будет финансироваться в рамках неких «государственных заданий». Кстати, выступления против закона ФЗ-83 были, хотя и не столь массовые, как против монетизации льгот. Неолиберальное наступление на социальную сферу как раз ломает ситуацию, ког-

да можно решить какой-то вопрос индивидуально. Разрушение отдельных структур в социальной сфере приводит даже не к коммерциализации, а к банальному дефициту, когда, например, места в детском садике нет ни за какие деньги, потому что государственных не хватает, а платный в данном районе не выгоден, нет необходимого платёжеспособного спроса. Подобный дефицит и есть ситуация, когда обеспечение права одного невозможно без обеспечения общего социального права. Поэтому я не согласна с мыслью о вязком безволии. Пусть на уровне общественного сознания, но уже формируется мысль о том, что существуют социальные права, неотъемлемые права, и их нужно защищать.

И здесь мы сталкиваемся со следующей проблемой – проблемой субъекта. В нашей аудитории сейчас только 20% – женщины. Российские женщины вообще довольно аполитичны, но сегодня ситуация складывается так, что повод для социальных протестов объективно сегодня формируется в тех сферах, от которых больше всего зависят женщины – и как получатели социальных пособий, пользователи социальных прав, и как работники, большинство секторов социальной сферы феминизированы. И сегодня именно мирные, самые «домашние» вопросы, такие, как детские сады и школы, поликлиники и т.п. имеют шансы сконцентрировать хоть какой-то протест. На спаде производства, как мы все знаем, забастовка бессмысленна. Сегодня традиционные, пролетарские формы протеста не наберут нужной силы, интенсивности. А вопросы социального характера формируют и общий интерес, и социальную напряженность, и имеют шансы

сформировать солидарность. Но городские и экологические движения, как здесь справедливо было сказано, аполитичны. Они и не собираются предлагать никакой альтернативы, они стремятся защитить конкретный дом, улицу, парк и т.п. И те социальные движения, которые сегодня больно и трудно формируются вокруг образования и здравоохранения, очень боятся политики. Они тоже стремятся прежде всего защитить конкретную школу или больницу, добиться выплаты зарплаты и учителям, и врачам. Но активисты этих движений постепенно начинают понимать, что тенденция, сама социальная политика такова, что завтра каток реформ проедет по спасенной сегодня школе. Поэтому рано или поздно эти движения вынуждены будут политизироваться.

И. Свирина. Ситуации нарушения прав, которые беспокоят лично нас или кого-то еще, могут, конечно, подвигнуть на протест, но такой протест не будет продолжительным. Не произойдет консолидация различных сил на длительный срок. В рамках сложившейся системы бессмысленно защищать отдельные школы, музеи, парки и т.п. Меня больше всего беспокоит то, на какой основе могут объединяться эти разрозненные, индивидуализированные протесты. Защитникам леса безразличны школы, защитникам школ – поликлиники или иконы и т.п.

А. Очкина. Но ведь уже появляются организации, которые как раз объединяют социальные движения. Например, один из самых успешных опытов такого рода – Центр взаимопомощи рабочих (ЦВР) в Санкт-Петербурге. Они находят социальные движения, сводят их, организуют совместные акции. Помогают им и т.п.

И. Свирина. Очевидно, отдельных попыток недостаточно. Я всегда думал, что если бы в движение «В защиту Химкинского леса» с самого начала попало несколько вдумчивых, активных людей, движение могло быть гораздо более продуктивным и осмысленным. Разумеется, активные, мыслящие люди должны идти к отдельным социальным движениям: защитникам трамвая, церковей, школ и т.п. Но как потом все эти движения связать между собой, на какой основе? И нужен более радикальный подход. Если я считаю, что в сложившейся системе не будет жизни ни мне, ни тем, кто мне дорог и любим, нужно менять систему. Протестовать против отдельных безобразий бесперспективно. Нужно искать людей, предлагать им свой путь изменения общества и объединять их на этой основе, использовать их активность для радикальных перемен. Сегодняшней системе не только выгодно, но и удобно гасить эти местечковые очаги защитников лесов, парков и т.п.

И. Гоциридзе. Я хотел бы согласиться в принципе, потому что еще Ленин заметил, что борьба с частностями бессмысленна. И действительно, для нас ключевым является вопрос, как свести разные протестные движения. Большая проблема нашего общества: отсутствие доверия между людьми. Активистов люди склонны подозревать в корыстных или карьерных мотивах. Почему вообще эти маленькие организации начали появляться? Потому что, когда проблема очевидна, легче довериться человеку и работать с ним вместе, координировать свои действия. Но отдельные группы, защищающие свое, родное, далеки друг от друга, и у них неизбеж-

но возникает недоверие друг к другу. И поэтому, мне кажется, эти группы почти невозможно соединить.

И. Свири́н. Их можно объединить, предложив единую идеологию.

А. Очкина. А вот это как раз вряд ли. По крайней мере, не так сразу. Социальные движения побаиваются политики и часто откровенно избегают идеологизации. И мы не обсудили еще, какую именно идеологию и концепцию общественного развития мы могли бы предложить социальным движениям.

И. Свири́н. Нужно формулировать идеологию, без нее разрозненные движения бессмысленны. Я не верю в эффективность мирового движения против банкиров, вообще не верю в движение «Occupy Wall Street». У этого движения нет предмета.

А. Очкина. Получается все-таки, что повод для протестов есть, даже какие-то протесты есть, но нет поступательного роста протестной активности, особенно в политической форме. Может быть, обсудим причины именно политической апатии?

Борис Межуев выступил на секции с докладом **«Политическая апатия в период радикальной перестройки»**.

В чем причины поразившей население нашей страны политической апатии? Почему даже случаи вопиющей несправедливости не встречают в нашей стране системного протеста? На этот вопрос не стоит искать легкого ответа. Причина всего происходящего отнюдь не проста. Наверное, самый глупый и неблагодарный путь — искать психологически или биологиче-

ски обусловленные причины падения протестной активности, связанные с теми или иными качествами современного российского населения. Например, потерей пассионарности или что-нибудь в этом роде

Думаю, следует искать системные причины «апатии», и если ограничиться политическим анализом, оставив в стороне различные социальные аспекты, то можно указать на три взаимосвязанные причины, каждую из которых следует рассмотреть в отдельности от остальных. Прежде всего, нельзя сказать, что российское общество замолкло совершенно. Оно не замолчало, и мы на самом деле имеем множество общественных движений, протестующих по разному поводу, и некоторые из которых даже получают неплохое освещение в СМИ. Можно вспомнить в связи с этим, к примеру, движение «Архнадзор», которое боролось с разрушением исторической застройки в Москве, и борьба которого увенчалась, по крайней мере, частичным успехом. Однако и это движение, и все прочие оказываются не способными создать единую взаимоподдерживающую социальную сеть с какой-то общей программой.

Безусловно, все общественные движения, как правило, имеют антибюрократический характер. Они направлены против бюрократического класса и его произвола. Однако в силу определенных исторических причин и в нашей стране и во многих других странах наиболее популярной и мощной антибюрократической идеологией является правый рыночный либерализм, или по-англо-саксонски, консерватизм. Соответственно, те общественные движения, которые непосредственно не включены в левую

повестку, очень быстро оказываются в зоне влияния правых либералов, которые считают возможным немного подсветить в своих СМИ и самих общественных активистов, и их конкретный «Химкинский лес». Это в свою очередь ведет к расколу всего сектора негосударственных и некоммерческих объединений, поскольку раскрученные в либеральных СМИ общественные активисты неизбежно отделяются от тех организаций слева, кто мог бы стать их естественными союзниками, например, от профсоюзного движения или, скажем, от борцов с новым «трудовым кодексом». Ясно, что борцов с разного рода антисоциальными реформами очень сложно включить в единый антибюрократический фронт, который в России пока возглавляют правые либералы разной степени антисоциальности. А без левых с их конкретными трудовыми требованиями весь этот фронт также не собирается, поскольку предстает либо как далекая от интересов масс элитная затея, либо как чисто интеллигентское предприятие.

Проблема заключается также в очень специфическом положении «правых либералов» в современной России. С одной стороны, люди этой идеологии находятся в оппозиции, более того, занимают в антисистемной оппозиции лидирующее положение. С другой стороны, именно правые либералы работают в экспертных центрах вокруг правительства и министерств, именно они обеспечивают власть рекомендациями, они, в конечном счете, указывают направление реформ. И в сущности, они представляют собой подлинную партию власти, если под властью понимать, конечно, не слой людей, извлекающих из нее доход, а тех, кто

принимает политические решения или оказывает влияние на принятие политических решений. Что немало важно, либералы с одной стороны постоянно критикуют власть за различные отступления от демократии, но с другой стороны привилегированное положение правых либералов в России, их монополия на экспертную оценку обусловлены в первую очередь теми отклонениями от демократического эталона, которые имеются в современной России. Понятно, что возглавляя антибюрократический фронт, правые либералы не могут всерьез политически использовать его для протестной мобилизации. Отсюда – непрерывная игра с «улицей», никогда не перерастающая в системную работу с «улицей».

Сюда же надо еще отнести и слабую политическую субъектность российского бизнеса, который тесно связан с бюрократическими кланами и практически лишен возможности рисковать, особенно в условиях приближающейся второй волны кризиса. Фактически бизнес может обрести хотя бы слабую автономию от власти, если только заговорит языком право-либеральной экспертократии, которой позволено, в том числе и публично, дерзить власти.

Но что позволено Юпитеру, то не позволено быку. Быком в данном случае может считаться федеральная и региональная бюрократия среднего звена, а также общероссийское объединение этого класса – партия «Единая Россия». Одна из поразительных и никем не проанализированная особенностей нынешнего российского режима – это политическая депривация региональной бюрократии. Видные члены партии ЕР лишены того, что может позволить себе, скажем,

РСПП или ИНСОР в последние четыре года, органы крупного бизнеса и право-либеральной экспертократии, они не могут заявить о своей симпатии или антипатии к тому или иному члену правящего тандема или к тем или иным шагам руководства страны. Это попытался сделать Лужков, сделав ставку на Путина и выступив против Медведева в вопросе о строительстве трассы через Химкинский лес, и сразу после этого он был немедленно удален не только с поста мэра Москвы, но также из партии, одним из создателей которой он был.

Региональная бюрократия, интегрированная в ЕР, осталась в России привилегированным классом, но перестала быть политическим классом, подобно дворянству в XVII веке, которому Людовик XIV подарил Версаль, но у которого отнял Генеральные штаты. Она пользуется благами власти, но не определяет политику власти.

Итак, мы имеем очень сложную картину современной российской действительности. Мы имеем систему с выведенной из политической игры бюрократией среднего звена, и напротив, с очень активным право-либеральным субъектом, который фактически осуществляет экспертное обеспечение власти, не неся между тем за итоги ее политики никакой моральной ответственности. Наконец, мы имеем расколотовое гражданское общество, не способное ни к каким активным действиям в силу полного паралича левых политических партий и сравнительной слабости профсоюзного движения.

В какую сторону эта система может трансформироваться? Вариантов несколько. Наиболее оптимальный из

них – обретение правящей партией, объединяющей в первую очередь региональную бюрократию, полноценной политической субъектности, вариант хотя и проблематичный, но далеко не безнадежный. Другой вариант – правые либералы могут попытаться вернуть себе утраченную в 1990-х массовую электоральную поддержку. Пока выглядит сказкой, но после тотальной ротации либеральных кадров вполне допустимо. Разумеется, в этом случае система изменится кардинально. Третий вариант – активизация левого сегмента в союзе с силами гражданского общества. Здесь очевидной проблемой являются так называемые партии парламентской оппозиции, пока не способные ни к обновлению, ни к коалиционному сотрудничеству. Тем не менее, и этот вариант отнюдь не исключен.

Наконец, мы видим, что российская власть явно пытается сама трансформировать данную систему. Чем она станет в дальнейшем, не очень ясно, но сегодня уже очевидно, что в ближайшем будущем изменятся все властные институты – правящая партия, правительство и АП. Не следует обманываться призраком застоя, на самом деле мы живем в эпоху коренной перестройки всей системы. И пока непонятно, как она будет функционировать, и будет ли функционировать вообще.

И. Гоциридзе. Хотел бы вставить ремарку. Я думаю, что нельзя однозначно говорить о бонапартистском режиме и беспомощности бюрократии у нас. Решения, принимающиеся федеральной властью с самыми серьезными и решительными намерениями, доходя до низовых бюрокра-

тов, оказываются выхолащенными, лишены смысла или попросту не выполняются, саботируются. Как говорить в этом случае о безвластии региональной бюрократии?

Б. Межуев. Я говорил, прежде всего, о том, что региональная бюрократия отчуждена от политической власти. Городничий, может быть, бойкотировал решения столичных начальников, но это не делало его политическим субъектом. Саботаж в этом случае не является политическим высказыванием, это просто дисфункция системы.

И. Свириг. То сеть, бюрократ, даже имея свою частичку власти, не может заявить себя как сила в государстве, как политическая сила?

Б. Межуев. Абсолютно точно. Более того, бюрократ и имеет свою частичку власти только потому, что он не проявляет себя политически. Как только бюрократ заявит себя как политический субъект, возвысит голос, высказываясь за ту или иную политическую силу, он всякую власть потеряет. А вот правые либералы как раз могут это сделать, им никто не запрещает выступать за ту или иную оппозицию. Они обладают гораздо большей степенью свободы в этой системе.

М. Козырев. Но где здесь депривация? Бюрократы довольны, они вполне могут реализовывать свои частные интересы, не будучи политическими субъектами. Им этого и не нужно.

Б. Межуев. Но это не проблема личных appetитов, которые, конечно, могут быть удовлетворены бюрократами вполне и при нынешней системе. Это проблема класса, который подавлен. Дворянство при Людовике XIV было подавлено, лишено возможностей публичных политических высказыва-

ний, при этом жили-то материально они замечательно, все имели.

М. Козырев. То есть Вы считаете, что нынешние мэры и губернаторы страдают от возможности высказаться, не удовлетворяют свои профессиональные и властные интересы в полной мере?

Б. Межуев. Интересы свои они удовлетворяют. Но все-таки потребность в политическом участии у этого слоя есть. Пример Юрия Лужкова показывает, что он как раз пытался выйти из этого подавленного состояния. Хорошо или плохо это само по себе, это другой вопрос. Он пытался стать политическим субъектом и был выставлен из системы. А Евгений Максимович Примаков в свое время просто вышел из игры. Понял, в чем игра, и отказался от нее. Те же, кто согласился с правилами, политически замолчали. Класс уничтожен функционально, это не значит, что обретение политического влияния бюрократией автоматически обусловило бы наше процветание, отнюдь. Но все-таки, целый класс сегодня подавлен и уничтожен как политический субъект. Это не хорошо и не плохо. Это факт.

Виктор Карпунин (Институт перспективных исследований, Москва). Как глобализация и особенно глобальный кризис могут отразиться на бонапартизме в России?

Б. Межуев. Мне представляется, что сегодняшнему российскому режиму тяжело как раз в ситуации стабильности. Он перестает справляться с управлением, начинает тяготиться рутинными социальными проблемами и т.п. Победившей части бюрократического класса нужно конкретное поле деятельности и, по возможности, локальная, конечная задача. И

поэтому в ситуации кризиса власти легче, тем более что сейчас у нас не происходит ничего очевидно трагического. И власть сегодня спокойна. Кризис избавляет, вроде бы, власть от необходимости демократизации и политической либерализации. Какие послабления в ситуации кризиса, грянет, де, вторая волна, она-то точно все спишет. Кризис для нынешнего режима – своего рода ресурс выживания. Поэтому мне кажется, что кризис будет способствовать укреплению режима, силы, ему противостоящие, маргинализируются. Опасный для режима период – с декабря текущего по май будущего года. Если ничего серьезного, никаких катаклизмов не будет в этот период, режим сохранится и даже укрепится. Предсказания полного обвала не кажутся мне обоснованными. Все не обвалится. Власть делает ставку на сохранение собственной валюты и даже надеется выиграть на кризисе. Вся эта игра вряд ли понравится большинству населения России. Но понимаете, власть этого не очень-то боится. Она побаивается национализма, это есть. Я замечал, что во властных структурах есть ощущение того, что национализм несет угрозу. Причем власть побаивается не самих по себе национальных отношений, не пытается найти их приемлемую для общества форму, она опасается только националистов. Но в целом власть уверена в своих возможностях управлять ситуацией.

И. Гоциридзе. Говоря о кризисном периоде с декабря по май, Вы имели в виду возможные протесты по результатам выборов?

Б. Межуев. Да, конечно.

И. Свириг. Борис, Вас не смущает,

что власть у нас в стране держится в основном на личных отношениях между Президентом и премьер-министром?

Б. Межуев. Личный характер власти, конечно, соответствует национальным традициям, но я считаю, что это плохо. Не формируется представление о власти как об арбитре, общество не приучается к тому, что есть некие общие и единые правила, в обществе создается политическая болтанка. Даже сейчас, когда, казалось бы, власть решилась и определилась с дальнейшим поведением, все равно возникают новые структуры, то расширенное правительство, то Народный фронт, идет умножение виртуальных институтов.

Секция 5. «Арабские революции: перемены в господствующем классе и генезис народного протеста»

Назиф Муэллим (*Директор Палестинского центра за мир и демократию, Палестина, Рамалла*) выступил на секции с докладом **«Уроки и перспективы арабских революций в глобальном контексте»**.

Десять месяцев прошло с начала с арабских революций, которые произошли в Тунисе, а затем в Египте, Йемене, Сирии, Бахрейне, Иордании и Кувейте. Эти революции воплощают в себе мечты всех арабских народов, чаяния всех прогрессивных и демократически настроенных людей в мире. Революции были поддержаны народами, так как требования восставших заключались в установлении демократии, в построении го-

сударства, основанного на уважении к людям, на предоставлении народам прав достойной жизни, правосудия и безопасности на их родине, на признании безусловных прав народов на принятие решений о своей судьбе.

Эти революции находятся сегодня, может быть, еще в начальной стадии своего развития, но они представляют собой непрерывный процесс освобождения от старых диктаторских режимов для построения новых государств. Эти новые государства представляют собой мечты миллионов арабов, не имевших возможностей наслаждаться законными правами человека и гражданина на протяжении всей своей истории.

Мы допускаем большую ошибку и рискуем сделать неправильные выводы, оценивая результаты и последствия этих революций теперь, спустя только десять месяцев после их начала. Я имею в виду, что мы не можем сейчас констатировать достижения этими революциями своих целей, или, тем более, заключить, что эти революции были не в состоянии сделать успехи. Даже если принять, что Французская революция началась с Генеральных Штатов в мае 1789, «сезон сбора урожая» для революции начался в сентябре 1792, когда была объявлена республика, и когда в 1793 году был казнен Людовик XVI. Сегодня еще слишком рано судить о целостном эффекте арабских революций, об их влиянии на социально-политическую и экономическую ситуацию в арабских странах и в мире. Но уже сегодня мы можем охарактеризовать основные результаты революций для арабского мира и международного сообщества. Арабский мир не изолирован от изменений и событий, имеющих место во всем мире.

Наибольшее влияние на ситуацию в арабских странах оказали такие события глобального масштаба, как драматический конец холодной войны между двумя экс-сверхдержавами, США и СССР, продлившейся больше четырех десятилетий и, конечно, мировой финансовый кризис.

С 1991 и по сей день мировой порядок оказался стоящим на «одной ноге», другая была сломана во время гонки вооружений. Соединенные Штаты Америки, остающиеся до сих пор мировым лидером и владельцем огромных капиталистических международных компаний, живущие на счет миллиардов бедняков во всем мире, достигают сегодня заключительного этапа марафона. Ресурсы капитализма как мировой экономической системы сегодня исчерпаны, капитал отчаянно стремится защитить свои интересы и отказывается во имя этого от ценностей классического либерализма в пользу неолиберальной идеологии. При этом буржуазные СМИ провозглашают торжество демократии, достижение относительной социальной справедливости и свободы. Но начавшийся в капиталистическом мире глобальный финансовый кризис подтвердил провал и либерализма, и неолиберализма. Стратегические и тактические решения, принимаемые буржуазными правительствами, вся их антикризисная политика есть не более чем отчаянные попытки предотвратить крах режимов⁵. Это стратегия защиты и консервации капиталистического порядка, хотя все последние события свидетельствуют о его полном провале. Забастовки и социальные протесты в различных

⁵ См. William Tab and John Bellamy Foster. Crisis of Capital System. Translated by Mazin Hussein. PCPD, Ramallah, 2009.

частях капиталистического мира есть свидетельства неприемлемости либерализма как в старой, так и в любой возможной новой редакции⁶.

Невыносимая система

И арабы в целом и египтяне в частности последние сорок лет страдали как от унижительной бедности, вызванной классической либеральной политической и экономической стратегией, так и от маргинализации, отчуждения от принятия решений. Большинство граждан жило в настоящей нищете, в то время как лица, принимающие решения, – собственники средств производства, бизнесмены, лидеры правящих партий и остальной части либеральной буржуазии – жили в роскоши и комфорте, игнорируя скромные, справедливые и, в сущности, скромные требования людей среднего класса, бедных и очень бедных людей.

Арабские руководители отнюдь не были некомпетентными или слепыми людьми, не замечающими страданий своих народов. Но были уверены в своей военной мощи и в силе поддержки капиталистических стран Запада. Жесткость арабских режимов особенно проявилась после краха Социалистического Лагерь. Этот лагерь поддерживал жертв феодальных и империалистических сил, тех самых сил, которым всячески помогали исламистские фракции и движения, пользовавшиеся определенной свободой пропаганды своих идей во всех доступных СМИ, поскольку их идеи были важны для общей буржу-

азной борьбы против коммунизма. Эти фундаменталистские движения поддерживались и управлялись диктаторскими режимами, которых, в свою очередь более чем устраивала так называемая исламистская «оппозиция», не приемлющая социальную революцию и радикальные общественные изменения, настаивающая лишь на частичных реформах. Диктаторским режимам были удобны исламисты, которые никогда не говорили о социальной справедливости, но продолжали твердить о выборах. В своих экономических воззрениях они ни на йоту не отступают от капитализма, преданы капиталистической рыночной экономике и не верят в социализм. И, как мы можем заметить, большинство исламистских лидеров принадлежит классу буржуазии.

Арабские политические системы, феодальные по своей сути, не принимали «оппозиционность» исламистов во внимание, рассматривая их как органическую часть режимов. Те и доказали не раз, что являются сторонниками диктатуры, защищая ее тогда, когда диктаторам угрожали их народы, особенно когда прогрессисты и чернорабочие устраивали забастовки. Египетский опыт тесного сотрудничества режима с «Братьями-Мусульманами» в семидесятых годах прошлого столетия – идеальная модель. Эти две силы совместно атаковали и задушили реальное протестное движение трудящихся, которое потребовало минимум их законных прав, чтобы жить в достоинстве. Парламентские участники Братьев-Мусульман в Египте голосовали с правительством против трудовых забастовок и против требований бедных крестьян, кто потерял земли, перешедшие компрадорам в 2007 и

⁶ Ibid.

2008⁷. Частная собственность и свобода частных компаний так же, как получения прибыли, являются святыми вещами для членов организации «Братья-Мусульмане»⁸.

Египетский режим рассматривался западными лидерами и буржуазными СМИ как либеральный, хотя это соседствовало с их убеждением в тираническом характере этого режима, подобного теократическим режимам Средневековья. Мубарак был поддержан ведущими капиталистическими странами, так как его режим приветствовал американскую политику, привлекая западные инвестиции и всячески способствуя распродаже страны крупному бизнесу. Западные компании рассматривали Египет как собственный весьма выгодный бизнес-проект.

Арабские режимы и арабская буржуазия попытались использовать «американский медовый месяц», когда США стали единственной мировой супердержавой, заинтересованной в поддержке реакционных и диктаторских режимов. Последние были пешками в большой американской игре. Арабские режимы играли роль мостов, открывая американцам свои страны и свои рынки, чтобы использовать американское военное присутствие на Ближнем Востоке для защиты собственных интересов и интересов арабской буржуазии.

Эти режимы не взяли на себя инициативы преобразования общества для устранения несправедливости, устранения тирании и притеснения,

которые их народы терпели в течение многих десятилетий. Западные союзники, главным образом американцы, рекомендуют своим партнерам использовать некоторые декоративные демократические процедуры, скрашивая капиталистическую действительность, предоставляя трудящимся некоторые минимальные права. Арабские диктаторы, однако, не преобразовывали никоим образом свои политические и экономические феодальные системы, и американцы от них этого не требовали. И арабские диктаторы, и их западные союзники, не верили в гражданское достоинство и политический потенциал арабских народов. Тираны не ожидали таких революций, не ожидали такой ненависти от своих народов. Когда революции разразились, они не могли использовать военную силу, потому что революции были ненасильственными и мирными. Эти новые, ненасильственные революции сдерживали агрессивность режимов против революционеров, была также защита со стороны их собственных социальных СМИ и международных СМИ. Ливийский пример – исключение. НАТО поощрял использование оружия, чтобы дискредитировать революции и найти оправдание вмешательству в арабские внутренние дела, а также для того, чтобы предотвратить другие возможные революции главным образом в странах Персидского Залива.

Уникальность арабского опыта

⁷ Samir Amin, an interview that was conducted for the world social forum in Dakar by Rosa Moussaoui, correspondent for L Humanité.

⁸ Ibid.

Арабские революции вообще и египетская революция в частности полностью отличаются от революционных событий в остальной части

мира и в истории в силу следующих причин.

Во-первых, это – ненасильственные, мирные революции.

Во-вторых, число участников революций исчислялось в миллионах.

В-третьих: чрезвычайное большинство революционеров – молодежь (мужчины и женщины).

В-четвертых, у революций есть свои собственные лозунги и определенные цели. Лозунг был «Люди – это решение». И цели были ясны: достижение политической и социальной демократии.

В-пятых, действовали хорошо организованные группы, поддерживая связь между революционерами либо через социальные сети и Facebook, либо используя классические организационные модели, оптимизировали свой тайм-менеджмент и интенсифицировали социальный процесс, который начался как движение за социальные преобразования и трансформировался в политический запрос на радикальные изменения.

Шестая причина. На Площади Тахрир в Каире существовало реальное единство между всеми политическими «цветами», всеми политическими силами и объединениями. Все работали на Египет, все боролись за демократию и социальную справедливость, всем грозила гибель в случае поражения революции, и все были достаточно храбры, чтобы выстоять перед кровавым режимом и его смертоносным оружием. Молодежь на Площади Тахрир была убеждена, что им нечего терять. А капиталисты должны трепетать перед Революцией. «Пролетариям нечего в ней те-

рять кроме своих цепей. Приобретут же они весь мир»⁹.

Седьмое отличие. Была организована защита граждан: народные комитеты, образованные на улицах, играли главную роль в укреплении революционного духа. Режим попытался запугать простых людей и их родственников, приказывая полиции располагаться в лагерях восставших и терроризируя людей, стараясь оказать давление на революционеров, вынудить всех разойтись по домам. Молодежь ответила на это формированием народных комитетов, используя одну из популярных моделей времен первой палестинской Интифады 1987-1991. Народные комитеты исполняли роль полевого правительства, защищая граждан от их врагов.

Революции использовали передовую буржуазную технологию против самого капитализма. Здесь опять вспоминаются слова Маркса о том, что оружие, которым буржуазия ниспровергла феодализм, направляется теперь против самой буржуазии. Использование групп в Facebook и дешевых Интернет-коммуникаций облегчили общение революционной молодежи и распространение информации в огромном масштабе. Это была электронная революция, подготовленная и начавшаяся через Интернет и продолжающаяся на улицах, затопленных людскими потоками¹⁰. Верные режиму силы были неспособны понять, кто пишет, кто ведет, кто провоцирует, кто вызывает, кто мотивирует и, наконец, кто за что ответственен. Разведка и другие службы

⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 4. С. 459.

¹⁰ Naseef Muallem. The success of the Egyptian Revolution, PCPD, Ramallah, 2011.

безопасности не знали ни ресурсов, ни организаторов и зачинщиков, ни интеллектуальных сил революции, которые сами по себе потрясали. Все это защищали миллионы людей на Площади Тахрир.

И, наконец, социальная справедливость была главным требованием. Несмотря на то, что это специфическое и неотъемлемое требование именно левых сил, оно было безоговорочно принято всеми революционными организациями, всем политическим спектром¹¹.

Уроки революций

Урок первый. Потерпела крах модель политических переворотов, практикуемых Аль-Каидой и США. На самом деле и американские элиты, и Бен Ладен, которые верили только в силовые и военные методы изменения политических режимов, были посрамлены успехами ненасильственных и мирных арабских революций.

Урок второй. Подрыв уверенности в эффективности англо-американской экономической модели и антикризисной политики. В Тунисе, Египте, Йемене, Иордании и Сирии люди требовали социальной справедливости и гарантий равенства. Главные лозунги революций – социалистические принципы, основанные на принципе социальной справедливости, но само слово «социализм» не упоминалось при обозначении целей и задач революций.

Урок третий. Неолиберализм продемонстрировал свою несостоятельность, и его последователи оказались в критическом положении, были поставлены перед необходимостью защитить неолиберальную идеологию, приведшую к колоссальному социально-экономическому провалу.

Урок четвертый. Появление и возникновение новых социальных сил, способных извлечь арабские страны от американского доминирования и строить собственное будущее в соответствии с интересами их народов.

Урок пятый. Во всех арабских странах снова и снова получала подтверждение истина, что неравное распределение богатства не может дольше продолжаться. Общественные движения, сообщества создавали организации, и сегодня как самые бедные слои, так и средний класс продолжают сопротивление против приватизации и вынужденного индивидуализма, приносящего страдание угнетаемому, эксплуатируемому большинству.

Урок шестой. Политическая демократия не является полноценным ответом на вызовы кризиса. Диктаторские режимы попытались с помощью американцев украсить фасады уродливых режимов выборами. Это в их словаре называется «демократией». Выборы в арабском мире считают просто одним из способов защиты интересов и легитимации власти диктаторов. Так как сам режим организует избирательный процесс, контролирует его и управляет им, неизбежно появляется коррупция. Правительственные СМИ открыто продвигают кандидатов режима. Правительственные деньги используются для того, чтобы продвинуть людей режима. Государ-

11 Mai Choucri. The left in the post-January 25th Egypt. Online publication, Rosa Luxemburg foundation. Palestine office.

ственные транспортные средства перевозят избирателей к избирательным участкам. Разведслужбы следят за радикальной оппозицией. Более того, в Сирии, например, избиратели должны голосовать на президентских выборах за действующего президента, поскольку он — единственный кандидат! Теперь, после революций, порядок будет изменен. Все коррупционные механизмы, все институты тирании станут частью темного прошлого.

Седьмой урок. «Среднестатистического полу-достатка и полудостоинства» оказалось недостаточно, рухнула вера реакционных и недемократических режимов в поддержку среднего класса. Молодежь из среднего класса была главным актором в арабских революциях, поскольку представители среднего класса не были удовлетворены тем, что имеют, им было мало рабочих мест и хороших зарплат. Средний класс стремился обрести политическую субъектность, принимать участие в принятии политических решений, в социально-политическом процессе. Арабская молодежь из среднего класса ощущала себя частью глобального развития и глобальных коммуникаций, молодые люди общались с ровесниками из других стран, понимая в сравнении с их опытом ограниченность своих политических и социальных прав. Когда они сравнивали свое положение и свою социально-политическую роль с теми возможностями, которые есть у представителей средних слоев в других странах, они понимали, каковы на самом деле их законные права. Они понимали, что реального социального развития нельзя достичь без реального участия граждан в политике и социальной жизни, без участия,

основанного на демократических конституциях, демократическом управлении и верховенстве закона.

Восьмой урок. Массы могут противостоять всей мощи государства. Арабские революции доказали, что власть народа — та сила, которая никем и ничем не может быть побеждена. И в этом смысле подтвердили мысль Маркса о том, что массы трудящихся становятся субъектом истории.

Девятый урок. Была продемонстрирована исключительная важность демократичности революционного процесса. Нехватка демократии часто изолирует классические политические партии от народа. Было доказано, что классические политические партии с их недемократическими процедурами не могут мобилизовать массы, стремящиеся к радикальным изменениям в их обществах. Арабские политические партии устарели, и их функционеры не могли понять потребности, мечты, новый язык молодых революционеров, революционеров нового поколения, которые не были аффилированными ни с какой политической партией.

Десятый урок. Исламистские идеологии и политические партии являются реформистскими, но не радикальными: «Братья-Мусульмане» в Египте не участвовали в первых днях революции. Они приняли приглашение режима обсудить возможные компромиссы, их устраивали исламистские аспекты диктаторской конституции Садата и Мубарака. В настоящее время в Египте, Тунисе, Сирии и Йемене они говорят об исламском гражданском состоянии, которое не противоречит ни политической, ни социальной демократии. Но они боятся демократии, так как она

противоречит их интересам. Религия для них — приоритет, в то время как демократия — механизм, но не единственная благородная цель. Многие демократические ценности, главным образом относящиеся к женщинам, противоречат Исламу, и поэтому Ислам должен защищать себя, борясь с демократией.

Перспективы

Арабские революции находятся в самом начале своего пути. Этим революциям требуется большее количество времени, они нуждаются в большем количестве усилий, и они нуждаются в большей поддержке со стороны международных демократических и цивилизованных сообществ для достижения их целей. Я думаю, читать о революциях, наблюдать их по телевидению не имеет смысла. Они должны быть поддержаны международными прогрессивными сообществами, потому что арабская молодежь борется от имени прогрессивных сил во всем мире. Если эти революции достигнут своих целей, то все прогрессивные силы во всем мире одержат победу. И, соответственно, если революции потерпят неудачу, то все мы заплатим за это поражение, это будет потерей для всех демократически настроенных и прогрессивных сил мира. Таким образом, наши стратегические интересы неотделимы от успеха этих революций, и мы должны поддержать их всеми возможными средствами.

Прогрессисты во всем мире должны извлечь урок из действий реакционных сил, которые продолжают поддерживать контрреволюционную оппозицию, стремясь во что бы то ни

стало подавить арабские восстания. Реакционеры извлекают и усваивают уроки революций охотнее и успешнее прогрессистов, поскольку знают, что успех этих революций приведет к революционному подъему в их странах, краху их режимов. Американцы и реакционные режимы понимают, что успех этих демократических спровоцирует другие революции во имя социальной справедливости¹². Поэтому они добиваются поражения революций.

Внешнее вмешательство в египетскую революцию

Любой аналитик может отметить различные стратегии саудовского и американского вмешательства в арабские революции вообще и в египетскую революцию в частности.

Соединенные Штаты Америки пытаются играть главную политическую роль в Египте, чтобы защитить свои стратегические интересы не только в Египте, но и на всем Ближнем Востоке, усиливая свою власть и придерживаясь той же политической стратегии, которая помогала им держать Египет под своим контролем, как это было во время Мубарака, и с помощью которой сегодня они надеются повернуть политические и социальные процессы в Египте вспять. «Братья-Мусульмане» — легкая добыча для американцев, так как США выступают против любых реальных демократических и прогрессивных сил, которые могут добиться социальной и политической демократии.

¹² Atef Shahhat. The left, the liberals and the future of the Revolution, Ali Nahri organization, LCD.

Эти внешние силы стремятся ограничить революционный процесс торжеством формальной демократии, проведением выборов, игнорируя объективную потребность в социальных преобразованиях. Исходя из своего видения ситуации, обусловленного сугубо империалистическими интересами, США ищут взаимопонимания с Братьями-Мусульманами. Именно Братья – основной кандидат для того, чтобы сегодня защищать и усиливать американскую гегемонию на Ближнем Востоке.

В течение многих лет чиновники США поддерживали неофициальные, неафишируемые контакты с египетскими членами Братства, принимая во внимания существенную поддержку этой силы со стороны общества. Неофициальные контакты имели место спорадически с 1990-х, но стали более частыми после того, как члены «Братьев-Мусульман» были избраны в египетский парламент в 2005. Впоследствии американские дипломаты проводили несколько встреч с лидерами Братства в американском посольстве в Каире¹³. Такие встречи были поданы американскому народу и СМИ под тем соусом, что представители американской администрации встречались с должным образом избранными независимыми исламскими членами египетского парламента. Контакты продолжались и после революции в американском Посольстве в Каире по различным поводам, но главная цель состояла в том, чтобы всячески поощрять и поддерживать Братство. Такая поддержка отмечается и в настоящее время, когда американцы настаивают на досрочных выборах, которые обеспечивают зна-

чительные преимущества Братству. Хорошо организованные «Братья-Мусульмане» могут легко обеспечить себе большинство голосов, в то время как молодые революционеры только начинают партийное строительство.

Чтобы иметь ясное видение развития политической ситуации в Египте в будущем, мы должны учесть главные факторы, стимулирующие там реформаторское движение:

Действующие силы революционного процесса

Хоть режим Мубарака пал, он все еще может похвастаться десятками тысяч влиятельных сторонников, которые контролируют ключевые сектора в политической и экономической сферах. У этих людей есть свои собственные интересы, и они собираются защитить их, объединяясь с дружественными силами в регионе и мире и пользуясь политическим хаосом в стране.

Ключевое положение в этой коалиции занимает Высший совет Вооруженных сил (SCAF). Исторически египетская армия поддерживалась и финансово, и профессионально американцами; следовательно, эта армия не может стать силой, препятствующей американскому вмешательству во внутренние дела Египта. У SCAF есть прекрасная репутация и у обычных египтян, и у революционеров. Армия ищет покладистое правительство, которое будет защищать интересы высших чинов, имеющих общие интересы с американцами, Братством и руководством Саудовской Аравии. Разумеется, среди во-

¹³ См. Samir Amin. Op. cit.
82

енных есть и те, кто поддерживает революцию, но в целом они являются консервативной силой.

«Братья-Мусульмане» — реакционеры по своей социальной программе, они не верят в равенство или в свободу. Но они используют религию, хорошо организованы и имеют поддержку как у богатых, так и у бедных. «Братья-Мусульмане» — одна из реакционных сил в арабском Миров. Они не умеренные реформаторы, они не верят в демократию, хотя и видят в ней временно необходимый механизм, который сегодня можно использовать для обеспечения их политического доминирования сначала в Египте, а потом и во всем арабском Миров. Они открыто говорят о том, что если выборы завершатся победой Братьев, то это будут последние выборы в Египте, так как избирательная система импортирована с Запада и идет вразрез с природой Ислама. Они бросили кость бедноте, в то же самое время поддерживая режим Мубарака против забастовок рабочих в 2007-2008 годах, выступая против движения крестьянской бедноты. Они всячески подчеркивали свой конфликт с режимом Мубарака, но фактически они кормили друг друга. Мубарак никогда не боролся против политического Ислама. Напротив, он отдал ему на откуп три главных учреждения: образование, суд и СМИ, поощряя развитие десятков религиозных телеканалов.

Они надели чадру на девушек и вместе с тем на все египетское общество. Они использовали свое влияние в сфере правосудия, чтобы ввести мусульманское право, или «шариат». Они оказали огромное влияние на простых людей через СМИ, которые были открыты для них экс-

режимом. Мы должны также учесть, что «Братья-Мусульмане» бойкотировали текущую революцию первые четыре дня, и присоединились к восставшим, только когда увидели очевидные успехи движения. Они при первой же возможности вступили в переговоры с режимом.

У «Братьев-Мусульман» было три объекта влияния. Во-первых, на протокапиталистический, антикоммунистически настроенный средний класс, который полагает, что мусульманские законы совсем не плохая вещь. Они — спонтанные сторонники Братьев. Во-вторых, Братья имеют серьезное влияние в среде учителей, врачей и адвокатов. В течение предыдущего десятилетия они победили на выборах союза. В-третьих, они имеют большое влияние среди бедноты. «Братья-Мусульмане» полагают, что этот низший класс — это армия, которую они могут мобилизовать, особенно в Каире. «Братья-Мусульмане» получили выгоду от правления Садата и Мубарака в течение 1970-х. Садат вставил упоминание о шариате в конституцию, давая им все средства, чтобы бороться против светских и прогрессивных людей в течение срока лет. «Братья-Мусульмане» защищали законодательство Садата и Мубарака, Статью № 2 в апреле прошлого года, когда египтяне голосовали за поправки к конституции на поспешно организованном референдуме. Молодые революционеры не успели мобилизовать своих сторонников к моменту референдума. Вопрос сегодня в том, можно ли рассматривать «Братьев-Мусульман» как оппозицию свергнутому режиму, когда они голосовали, чтобы поддерживать важнейшие для него конституционные статьи?! Члены организации

«Братья-Мусульмане» сильны поддержкой простых людей, бедноты, находящихся в религии утешение в их нелегкой и безрадостной участи, уготованной для них капитализмом. Борясь с Братством, нужно бороться не с этими бедняками, ищущими убежища в религии, а с теми, кто толкает их в это убежище¹⁴.

Салафиты, фанатичные исламисты, ваххабиты, последователи самой нетерпимой из всех интерпретаций Ислама. Они финансируются странами Персидского залива и систематически поддерживают кампанию против коптских христиан, поддерживают убийства. Абуд Аль-Зумур, один из лидеров группы сказал в своем выступлении на телевидении, на канале Мечта-2: «Мусульмане должны наложить повторную дань на коптов, так как сегодня Египет – исламская страна, и Ислам – наша религия». Он добавил, что мусульмане в Египте должны в повседневной жизни начать действовать согласно Исламу. Нужно действовать по пословице: «Отрежь руку, которая крадет»¹⁵. Действия салафитов позволяют «Братьям-Мусульманам» представлять в роли умеренных.

Египетская молодежь очень продвинута политически, молодые люди стремятся обрести собственную роль в принятии решений после предыдущих сорока лет политической маргинализации. Они выступают против существующей экономической и социальной системы, так как они против социальной несправедливости и растущего неравенства. Они доказали в

течение революционного периода, что они представляют демократическую силу, что они категорически против диктатуры армии и полицейских сил, интересы которых хорошо известны. Большинство молодых людей высокообразованны, имеют профессию, работу, хорошие профессиональные позиции в частном и неправительственном секторах. Эти молодые люди борются не ради куска хлеба, они сражаются за свое достоинство. Они хотят быть активными и полноправными партнерами в процессе принятия решений в политической сфере. Эти молодые прогрессисты верят в равенство между мужчиной и женщиной, их руководство состоит из представителей обоих полов. Они ненавидят идею о существовании Египта под гегемонией США, и, как правило, они не являются коммунистами. Однако они не хотят быть помещены в рамки партии с начальниками и жестким порядком.

Сторонники Мухаммеда Эль-Барадеи — среднего размера группа, которая объединяет демократически настроенных представителей среднего класса, мелких предпринимателей, а также часть религиозной молодежи, принадлежащей к классу буржуазии. Эта группа представляет собой своего рода центр, они не являются частью ни левого, ни правого спектра. Они не социалисты, но они и не капиталисты, хотя и по факту принимают капитализм. Они демократы, выступающие против централизации власти, против коррумпированной полиции и мафии.

Некоторые другие либеральные политические партии также пытаются занять место под солнцем в новом Египте, но природа этих партий такова, что их победа неизбежно означала

¹⁴ См. Hal Draper. Karl Marx and Democracy. Transl. By Mazin Hussein, PCPD.

¹⁵ См. Abdel Majeed Hamdan. An analysis in the Egyptian Youth Revolution. PPP.

бы ограничение социальной справедливости. Большинство этих партий состоит из бизнесменов и либерально настроенных интеллектуалов. Они имеют свою аудиторию среди представителей среднего класса, которые верят в общие слова о свободе личности. Но они неспособны предложить радикальные решения проблемы бедности в Египте, поскольку даже для социальных либералов социальная справедливость не является самоценностью. Реальная цель таких партий состоит в том, чтобы защитить рынок и инвестиции.

Египетские организации гражданского общества. Эти организации можно разделить на два вида. Во-первых, это неправительственные организации, которые полагаются на пожертвования западных стран, главным образом США и Европы. Во-вторых, это общества, связанные с «Братьями-Мусульманами» и полагающиеся на финансовую поддержку Саудовской Аравии, а также других стран Залива. Роль таких организаций была довольно заметна перед и во время революции, однако активность проявляли в основном служащие, функционеры этих организаций, а не их сторонники, не те слои и группы, которые являются бенефициариями услуг этих организаций.

Классические национальные политические партии, действовавшие в рамках старого режима пытаются сегодня найти собственное место в развивающейся революции, с того самого момента, как их участие в Революции 25 января было ограничено. Члены этих партий как левые, так и либералы являются «уходящей натурой», старой гвардией. Они являются профессионалами в сочинении речей и статей, но они практически не

способны мобилизовать в свои ряды молодежь¹⁶. В апреле 2011 года пять левых политических партий создали «Союз Социалистических сил», посредством которого они организуют свою собственную объединенную борьбу. В Союз вошли следующие партии: Египетская Социалистическая партия, Демократическая Лейбористская партия, Социалистическая Троцкистская партия, Революционная партия и Египетская Коммунистическая партия.

Региональные и международные силы на Ближнем Востоке

У всех трех ведущих региональных сил на Ближнем Востоке есть свои представления о будущем египетской революции. Эти региональные силы – Иран, Израиль и Саудовская Аравия. Израиль испуган успехом революции, а Иран был побежден и унижен с тех пор, как его собственные социальные и политические программы были провалены. Лозунг “Ислам – это решение”, был заменен принципом «Люди – это решение!». Саудовская Аравия — в настоящее время самая активная региональная сила, активно действующая в Египте. Саудовские миллиарды, идущие сегодня египетским салафитам, тратятся ради усиления самых реакционных сил в египетском обществе. Руководители Саудовской Аравии очень хорошо представляют себе, какой эффект производит успех египетской Революции на общества диктаторских стран Персидского залива на Ближнем Востоке. У Саудовской Аравии как у ведущей страны Залива имеется возможность объеди-

16 См. Mai Choucri. Op. cit.

нить вокруг себя страны Персидского залива для противостояния любому реальному демократическому преобразованию, любым демократическим процессам как в регионе в целом, так и в Египет в частности. Десятки религиозных телеканалов в Египте и большинство исламских реакционных политических групп Salafist финансированы Саудовской Аравией. Саудовская Аравия справедливо полагает, что успех египетской Революции приведет к социальным и демократическим революциям в странах Залива.

Египет считается краеугольным камнем в глобальной дипломатической стратегии Соединенных Штатов. Главная цель США и его союзников, Израиля и Саудовской Аравии, состоит в том, чтобы пресечь движение Египта в сторону демократического развития, установив с этой целью исламский режим. Этот вождельный режим находился бы под контролем «Братьев-Мусульман» и салафитов, и декорировался бы косметическими «демократическими» преобразованиями вроде выборов.

Члены Братства заявляют, что хотят установить режим, аналогичный турецкому. В действительности же характеристики предложенного ими режима больше напоминают те, которые установлены в Мали, Индонезии и Филиппинах. Турецкая армия не играет заметной роли на национальной политической сцене, и это остается гарантом свободы атеизма в Турции, хотя Турция – преданный союзник НАТО и едва может считаться демократической страной. Администрации США и Саудовской Аравии хотят изменить все в Египте таким образом, чтобы база режима фактически осталась неизменной. Американ-

цы и саудовцы стремятся обеспечить защиту своих интересов, посадив в Египте правительство неолитерального толка, отвечающее их внешнеполитическим интересам. США сочли разумным пожертвовать Мубараком после провала предложения Обамы о переговорах между режимом, консервативными правыми и центристами с «Братьями-Мусульманами» и буржуазными демократами, но не с левыми или молодежью. Братство не посягает на основы режима, особенно на вооруженные силы и полицию, которые США поддерживали финансово с 1970 года. США собираются усилить военную и полицейскую систему страны посредством союза с «Братьями-Мусульманами». Они хотят получить копию пакистанской модели, не демократичной, представляющей собой форму власти, которую можно назвать исламской и военной диктатурой, допускающей выборы и некоторые либерально-демократические элементы. Короче говоря, американцы хотят гражданское правительство, состоящее из законно избранных исламистов, не верящих в права человека или демократию, за спиной которых стоит армия.

Саудовская Аравия работает в тесном сотрудничестве с американцами, чтобы сфабриковать выборы и создать образец демократии во главе с США, Саудовской Аравией, и косвенно — Израилем. Правители Саудовской Аравии твердо верят, что их региональная гегемония в арабском Мировом требует унижения и подавления Египта. Это и предполагается сделать посредством исламизации государства и политики так же, как ущемления прав женщин.

Египтяне должны быть в состоянии

защитить свою собственную революцию и быть готовыми к дальнейшей борьбе, чтобы достичь цели, поставленной революцией, цели преобразования существующей на их родине традиционной реакционной политической системы в подлинно демократическое национальное государство. Такая власть могла бы победить США, Саудовскую Аравию, Израиль, Иран и Турцию, так как такая революция заслуживает как локального, так и глобального успеха. Этот успех должен автоматически привести к революционным событиям в остальной части арабского Мира, который в настоящее время находится во власти группы диктаторов, поддерживаемых США.

Ожидания и надежды революций

Худший сценарий — крах революций под давлением внешнего и внутреннего вмешательства. Основная опасность со стороны внешнего вмешательства связана с поддержкой США и Саудовской Аравией исламистских организаций — «Братьев-мусульман» и салафитов, успех которых может свести цели революций к простым электоральным преобразованиям. Масштаб внешнего вмешательства в революционный процесс огромен, и в Египте многие политические силы пытаются извлечь выгоду из сотрудничества с внешними силами. Это исламисты, реакционеры и буржуазные партии, представляющие большой бизнес. Они заинтересованы в поражении революций и развязывании гражданских войн, особенно в Египте, провоцируя, в классическом стиле Мубарака, кровавые столкновения между различными группами,

главным образом, между мусульманами и коптами.

Но даже в случае неудачи революции пути назад нет, её влияние почувствуют на себе даже любые правые режимы, всякий, кто попытается править в нашем регионе. Любое правительство будет опасаться повторить историю павшего режима, поэтому любое новое правительство вынуждено будет дать некоторые свободы и обеспечить народу некоторое участие в принятии решений, чтобы избежать возможного восстания, особенно социальной революции. Это означает, что уже сегодня арабские революции достигли цели обеспечения либеральной политической демократии, которой не было при рухнувших режимах, арабские народы уже сегодня могут воспользоваться частью своих политических прав. Мы видим, что даже те арабские страны, в которых не было восстаний, начали некоторые политические реформы. В Саудовской Аравии в 2015 году пройдут выборы в местные органы власти. И впервые в истории саудовские женщины получают доступ к избирательному процессу. В Иордании с начала этого года осуществлено несколько реорганизаций правительства. В течение предыдущих нескольких месяцев Сирия объявила о сотнях демократических законов. В Марокко король начал говорить о справедливых и демократических выборах. И даже в Иране заговорили о расширении местного самоуправления и более открытых выборах.

Второй, наименее вероятный сценарий заключается в успешном достижении революцией двух важнейших целей: социальной и политической демократии. Это означает, что Египет станет ведущей локальной силой на

Ближнем Востоке, а Турция, Саудовская Аравия, Израиль и Иран постепенно утратят региональное влияние. Наличие демократического Египта, развивающегося на основе принципа социальной справедливости, станет фактором революционного подъема в арабском мире. А также в странах третьего мира.

Третий сценарий — достижение политической демократии.

Все свидетельствует о том, что у египетской революции нет ни поддержки в лице какой-либо международной силы, ни международного прогрессивного лобби, способствующего достижению двух главных целей революции — политической и социальной демократии. В реальности внутренние и внешние силы отстаивают ограниченную политическую демократию по аналогии с Пакистаном и Малайзией. Большинство недавно основанных египетских политических партий занято подготовкой непосредственно к предстоящим выборам. Социальным правам граждан и социальной справедливости в партийных программах отводится очень скромное место, таким образом, в основном социал-демократия оказывается маргинализована. Кроме того, египетские и арабские СМИ не уделяют этой проблеме особого внимания.

Большая часть дискуссий сегодня в Египте сосредотачивается не на главном вопросе — о бедности и справедливости, а на форме будущего государства. Какое именно государство будет установлено: светское или исламское государство? Или возможно гражданское исламское государство? Большинство политических партий пытаются предложить какую-либо комбинацию гражданского и ислам-

ского государства. Мне представляется, что политические неисламистские партии сегодня слабы. Они не смогли начать новое сражение за секуляризацию, особенно после их поражения на референдуме, доказавшем силу исламистов и буржуазии.

Влияние арабской весны на палестинскую проблему

Любые политические изменения в арабском мире принесут пользу палестинцам, поскольку ничего хуже прежних арабских режимов придумать всё равно нельзя. Мы, палестинцы, знаем и понимаем, что арабские режимы сотрудничают с американцами, которые в свою очередь являются стратегическими союзниками Израиля. Таким образом, у арабов не было никакого шанса поддержать палестинцев, так как они были пешками в руках американцев. Кроме того мы не ожидаем поддержки со стороны арабских режимов, которые преследуют, угнетают и тиранят свои собственные народы. Простые арабы поддерживают палестинцев, но режимы ограничивают, регулируют и подавляют любую общественную поддержку палестинцев так же, как подавляют собственное население. Сами арабы нуждаются в поддержке, так как их права узурпированы их правителями. Арабские революции будут, по крайней мере, минимально представлять интересы народа, таким образом, палестинский вопрос будет среди приоритетов новых арабских режимов после этих восстаний. Новые арабские режимы однажды осознают, что они не смогут преодолеть свой социально-экономический кризис, находясь в состоянии войны

с Израилем. Это не означает, что нынешние арабские режимы вынужденно находятся в состоянии войны с Израилем, а напротив, Израиль выгоден их режимам. Израильская оккупация оправдывает игнорирование режимами демократических требований под лозунгом арабского единства и готовности к борьбе с израильянами. Но как было замечено во время арабских революций, оружие, купленное арабами, было обращено не против израильян, а против арабского народа! Таким образом, революции сняли с арабских режимов покровы тайны, хранимой больше шестидесяти лет, обнажив отсутствие демократии, свободы слова, ограничение гражданских свобод и т.д.

Палестинское руководство в течение прошлых шестидесяти лет следовало за арабскими режимами, которые диктовали свою политику и позиции по ситуации в Палестине. В настоящее время картина полностью изменилась и обнаружилось, что палестинцы ведут арабский мир. Сентябрьский палестинский план обращения к Организации Объединенных Наций означает интернационализацию палестинского вопроса. Это вряд ли было возможно до 25-ого января 2011 года. Организация Освобождения Палестины (ООП) с 1988 стремится в ООН, когда была провозглашена Палестинская Декларация Независимости (PDI). Но все арабские режимы отказались от этого пути, поскольку это противоречило их роли американских пособников, поддерживающих ведущую роль США как спонсора так называемого «мирного процесса». Все знают, что у американцев есть стратегическое партнерство с израильянами, и что они представляют израильские интересы в любых

переговорах. Израильяне диктуют свои требования американцам. Будучи палестинцами, мы понимаем, что американская позиция была произраильской с тех пор, как в 1991 начался мирный процесс. И американцы, и израильяне с тех самых пор отказались от любого международного вмешательства или вмешательства ООН в мирный процесс и не признают резолюций ООН, определяющих права палестинцев в государстве и право на возвращение. Когда президент Махмуд Аббас и Организация Освобождения Палестины изучили новый арабский политический план после начала Арабской Весны, в ООН был сделан первый шаг, который ранее из-за позиций арабских режимов был невозможным.

Молодежное движение 15 марта было создано в результате арабской революции. Движение начало свою работу, призывая к национальному объединению. Господствующие партии — «Фатах» и «Хамас» — были испуганы этим движением, которое вело за собой палестинские улицы 15 марта 2011. Президент Аббас объявил об инициативе посетить Сектор Газа на третий день после начала молодежного движения. Обе господствующие партии подписали рамочное соглашение о примирении после 50 дней развития движения и сейчас всерьез пытаются договориться. Палестинцы надеются на успех арабских революций, потому что полагают, что перемены, какими бы они ни были, окажутся лучше, чем текущая ситуация. 88% палестинцев поддерживают арабские революции, и эти революции — главный пункт повестки дня для всех социальных институтов Палестины, правительственных или неправительственных. Несмотря на

сокращение арабского финансирования палестинского правительства в виде своего рода наказания за выбор модели урегулирования вопроса через ООН, арабские режимы в настоящее время загнаны в угол. Они хотят, выполняя заказ США, оказать давление на палестинцев, и они хотят удовлетворить свой народ, поддерживая палестинские требования. Будущие арабские стратегии и позиция будут напрямую связаны со степенью успеха революций. Чем больше будут революционные успехи в арабском мире, тем больше поддержки получит Палестина.

Я думаю, что арабская Весна сегодня достигла Израиля. Сотни тысяч израильтян участвуют в демонстрациях, которые происходят в Израиле с августа. Израильские забастовщики требуют социальной справедливости и используют арабские революционные лозунги, чтобы требовать таких же прав для себя. Сегодня актуален вопрос: есть ли в будущем возможность успеха израильской Интифады? Я думаю, вряд ли. Израильские забастовщики – это смесь различных политических и социальных тенденций с разным пониманием общего лозунга достойной жизни, но мы не видим реальных и серьезных требований, реализация которых обеспечила бы их права. Увы, они не говорят об устранении главного препятствия восстановлению хотя бы минимума социальной справедливости. Как они могут жить с достоинством, если они оккупировали другую страну? Как у них может быть социальная справедливость, в то время как они верят в Сионизм, который не признает равенство евреев и арабов? Разве дискриминационная идеология может гарантировать социальную спра-

ведливость? Израильская весна находится еще в самом начале борьбы за демократические права и свободы, так как у их правительства есть много политических козырей, которые могут быть использованы против забастовщиков. Например, пропаганда, призывающая сплотиться против угрозы со стороны палестинцев. Нынешнему фундаменталистскому израильскому правительству, начав военные действия, легко принудить забастовщиков вернуться домой. Есть вероятность нападения на Сектор Газа или южный Ливан, возможность перестрелки на сирийских границах, которые избавили бы Израиль от демонстраций и в то же самое время помогли бы сирийскому режиму.

У палестинцев хорошие отношения с израильскими партиями, выступающими за мир, главным образом с арабской израильской партией и с израильской Коммунистической партией, которые обе участвуют в израильской весне. Однако, они — меньшинство в Израиле, и меньшинство среди участников забастовок. Забастовщики пока под влиянием сионистских партий, которые все еще поддерживают оккупацию Западного берега реки Иордан и Сектора Газа. Я думаю, любая возможность объединенной социальной борьбы в Палестине и Израиле должна обещать в будущем новое понимание проблемы в израильском обществе. Должно быть признано, что социальная справедливость и оккупация несовместимы.

Что касается наличия сотрудничества между палестинскими и израильскими левыми, рано говорить об этом, так как левые в Израиле делятся на марксистские и сионистские течения. Протесты в крупнейших израильских городах были организованы сионист-

скими левыми совместно с израильской Коммунистической партией, поскольку ее демократический характер предполагает и даже требует участия в забастовках. Эта партия поддерживает любое действие против существующего сегодня в Израиле правого правительства и, кроме того, социальная повестка дня — приоритет для нее, другие же арабские партии в Израиле воздержались от участия. Обычно палестинские левые координируют действия с израильскими левыми, но у арабских партий в Израиле есть собственное понимание любой проблемы.

Рекомендации для революций

Арабские революции должны быть поддержаны всем прогрессивными силами в мире, и эта поддержка должна быть институционализированной и систематической.

Прогрессисты вообще и левые в частности должны извлечь уроки из арабских революций, и они должны помочь защитить их достижения, надежно поддерживая революционеров всеми возможными способами, так как сражение еще только начинается. Это — первые революции, и они должны сопровождаться другими социалистическими революциями, чтобы добиться социальной справедливости. Вместе мы должны помочь революциям дать ответ на основной вопрос. Этот основной вопрос — возможно ли умиротворить изголодавшихся людей, которые ощутили вкус свободы. Большинство арабов борется за свободу и за социальную справедливость, за прекращение эксплуатации.

У прогрессистов должна быть ведущая роль в поддержке арабских революций такими средствами, как:

1. давление на собственные правительства, чтобы предотвратить внешнее вмешательство и подавление революций;
2. прогрессисты должны в своих собственных странах говорить о важности таких революций перед лицом американских интересов и гегемонии не только в арабском мире, но и всюду;
3. мы должны сформировать прогрессивную делегацию, представляя левых и прогрессистов, которая может совершить поездки солидарности в Арабские страны, где совершаются революции.

У левых должны быть свои собственные глобальные сети. Мы можем начать с электронных информационных бюллетеней или чего-то подобного и использовать технологию на пользу людям. Прогрессисты должны понять особенности различных обществ и видеть каждую страну во всем ее своеобразии. Мы должны воспринимать марксизм как метод, а не как религию. Левые должны быть в состоянии вовлечь в свою борьбу против капитализма средний класс, а также иметь дело с представителями среднего класса как с партнерами, а не только как со сторонниками.

Левые должны проявлять инициативу, чувствуя потребности момента и быть достаточно гибкими, чтобы учитывать его особенности. Буржуазия пытается расти на плечах бедняков и среднего класса, левые не должны отставать от них, предлагая конкретные и адекватные решения, вытекающие из социалистической теории.

Левые должны строить свои коалиции, будучи открытыми для широкого спектра прогрессивных и секуляристских движений, прогрессивных либералов в борьбе за политическую демократию, особенно в странах с феодальными системами.

Необходимо понять, что революции во имя социальной справедливости предшествуют политические революции во имя демократии. Левые в арабском мире должны бороться за смешанную экономику как за первый шаг к национализации экономики, которая означает передачу собственности из рук буржуазии в руки государства и граждан, которые являются подлинными хозяевами экономики. И мы должны публиковать, распространять такие важные книги, как Хэл Дрейпер «Карл Маркс и демократия» (Hal Draper. Karl Marx and Democracy), «Восстание среднего класса» Бориса Кагарлицкого и новые работы Самира Амина, посвященные арабским революциям.

Барри Гиллс. Есть уже достаточно большой опыт того, как Соединенные Штаты работали с революциями в Центральной и Южной Америке, который показывает, что по мере развития ситуации американская дипломатия стремилась сформировать блок всех реакционных консервативных сил, всех сил, отстаивающих капиталистический путь развития, с тем, чтобы задавить революционный процесс. Создавался, таким образом, широкий блок, широкий фронт реакции. Происходит ли нечто подобное в арабских странах?

Назиф Муэллим. Этот вопрос должен быть объяснен и проанализирован. Процесс образования партий, ко-

торый происходит сейчас в арабских странах и особенно интенсивно в Египте, – этот процесс сегодня, мягко говоря, далек от своего завершения. В настоящее время имеется 73 партии, но этот процесс продолжается, развиваясь довольно бурно. Что можно и нужно сделать в этих условиях? Нужно донести до масс простую и, вроде бы, очевидную истину, донести так, чтобы она была понятна всем. Всё, что «Братья Мусульмане» говорят о демократии, является чистой воды обманом, поскольку эта партия, что бы ни заявляли ее лидеры, фундаментально антидемократична. Эта партия антидемократична, так как демократия – это прежде всего равенство и права человека, а это именно то, что «Братья Мусульмане» отвергают, в чем можно удостовериться, проанализировав их заявления. При этом это явно прокапиталистическая сила, что бы они ни говорили, поскольку главное, в чем они заинтересованы – это накопление капитала, сохранение и развитие капиталистических отношений. О какой борьбе с империализмом «Братьев Мусульман» можно говорить? Их явно капиталистическая ориентация рано или поздно приведет к восстановлению американской гегемонии в Египте. Однако сегодня получение власти «Братьями Мусульманами» более чем вероятно. Борьба с ними должна вестись таким образом, чтобы массы могли оценивать политику и деятельность Братства с помощью теоретического аппарата левых, через призму левых идей. Необходимо убедить массы в том, что это абсолютно реакционная сила. В конце концов, «Братья Мусульмане» сами говорят, что выборы им нужны только однократные, только те выборы, которые их приведут к власти, после чего предполагается установ-

ление Эмирата. В условиях Эмирата формалистика западной демократии станет избыточной, будет не нужна, так как там, де, и так будет равенство – равенство всех перед Богом. То есть Братство нисколько не собирается бороться с социальным и политическим неравенством, собирается поддерживать его, равенство им нужно только для себя, для собственных целей. При правлении Братьев, как уже сейчас понятно, будут устранены другие институты демократии: например, парламент заменится Шурой и т.п. Таким образом, эти однократные выборы, необходимые Братьям для прихода к власти, в случае их победы закроют окончательно возможность какого-либо движения в сторону демократии.

Борис Кагарлицкий. Я неоднократно уже обращал внимание на то, что то, что США предпринимали по отношению, например, к Никарагуа и Сальвадору, не может быть предпринято в 2011 году по отношению к арабским странам. Масштабы событий совершенно другие, американское правительство не имеет тех возможностей и ресурсов, да и само американское общество уже не таково, каким оно было в 1970-е годы во время событий в Никарагуа и Сальвадоре. Может быть, конечно, в силу инерции и будет проводиться подобная политика, но не очевидно, что она будет иметь эффект. Второе соображение. Преставление о «Братьях Мусульманах» как о реакционной компрадорской силе характерно для арабских левых, и я думаю, это представление правильно. Но сила Братьев не только в их идеологии и бюрократическом партийном аппарате, но и в том, что они говорят на языке, понятном мас-

сам. Язык ислама является привычным языком политической дискуссии. И если левые не смогут использовать этот язык для своих целей, они будут проигрывать дискуссию, они отдадут победу «Братьям-Мусульманам». Подчеркиваю, нужно использовать не революционную доктрину, а сам язык, понятный массам. Если это удастся, то начнет разлагаться социальная база Братьев Мусульман, низы начнут переходить на левые позиции. С помощью этого языка левые могут привлечь к себе верующих, которые являются трудящимися, бедняками, безработными и т.д. и которые вполне могут стать на левые позиции.

Назиф Муэллим. В 2006 году, еще до введения блокады сектора Газа и до радикального ухудшения социально-экономической ситуации там, мне довелось читать брошюру «Хамас». В этой брошюре речь шла о том, как относиться к бедности, широко распространенной проблеме в Газе. В брошюре было написано, что бедность – это испытание, которое Господь посылает людям. Это испытание нужно нести достойно, за что потом последует воздаяние от Бога. То есть бедность не осуждалась как недопустимое социально-экономическое бремя, напротив, людей готовили к тому, чтобы спокойно и мирно, безропотно принимать свое тяжелое положение. То, что делают исламистские движения, в данном случае «Хамас», но можно то же сказать и о других, подобно ядерной войне против бедных. Это абсолютно капиталистическая стратегия. Это и необходимо разъяснять массам: то, что делают фундаменталисты, является, по сути, утверждением капиталистического порядка. Всё это в

полной мере относится к «Братьям Мусульманам» в Египте. Известен факт, что 80 семей Братьев Мусульман являются лидерами капиталистической египетской экономики, в их руках сосредоточены 35% дохода, создаваемого египетской экономикой. И вообще, если внимательно посмотреть Коран, то если мы и найдем там что-то внятное об экономическом порядке, то это ни в коем случае не описание социализма. По сути, это описание капиталистического экономического порядка.

Сергей Ивлев (корреспондент журнала «Огонек»). Можно ли сконструировать какую-либо общую модель арабских революций? То есть, что все начинается с какого-то события, например самосожжения, затем дело в свои руки берет активная часть оппозиции, подключается средний класс и далее – рабочий класс. Или же все революции представляли собой цепь каких-то случайных событий?

Мухаммед Хешам Сааделдин (Социалистическая партия Египта). Есть, конечно, совпадения, которые бросаются в глаза, но в то же время есть и серьезные различия между странами, которые нельзя не заметить. Например, все знают о самоубийстве в Тунисе, которое и зажгло революционный пожар, но никто не вспоминает, что такие же самоубийства были в Марокко, и ничего не произошло. То есть представление о том, что если произошло какое-то событие, за ним обязательно последует другое, было бы абсолютным упрощением. С другой стороны, нужно обращать внимание именно на различия между странами. Например, в ситуа-

ции с Ливией вооруженная борьба, вооруженное противостояние началось почти сразу. Но есть еще одна тенденция, которая является общей для всех трех стран. Часть старой элиты переходит в революционный лагерь и начинает там замечательно существовать. В Тунисе, например, часть бывших сторонников режима Бен Али перебежали сразу же на сторону революции, то же самое мы видим в Ливии и Египте. В Ливии даже революционные лидеры, включая председателя Переходного Совета, например, кто они такие? Они – представители режима Каддафи. В Египте тем более: в Военном Совете сидят люди, которые сидели и раньше на таких же постах. Некоторые уже по 25 лет сидят на своих постах, а теперь и во время революции сохраняют эти посты за собой. Поэтому я согласен с идеей Назифа о том, что сейчас проводится политика восстановления режима Мубарака без Мубарака. Да и в Йемене, очевидно, будут пытаться реализовывать тот же сценарий, то есть найти кого-то из окружения Салеха, чтобы сделать из него президента вместо Салеха. Конечно, мы должны отслеживать сходства, но не нужно пытаться найти единую модель, которая будет автоматически работать во всех случаях.

Вопрос. Последнее время Египет развивался довольно динамично, но, тем не менее, не удалось решить проблем безработицы и бедности? Насколько сейчас возможно их решение, есть ли какие-то ресурсы?

Назиф Муэллим. Когда мы говорим об оценке экономической ситуации в тех или иных странах, нам, по-

видимому, нужно пользоваться более чем одним источником. Особенно когда речь идет о статистике, собираемой международными организациями. Например, Всемирный банк за три месяца до того, как в Тунисе произошла революция, описывал его как одну из самых динамичных, продвинутых и передовых экономик мира. Революция показала, чего эта экономика на самом деле стоила, и насколько она была продвинутой. Можно вспомнить и о том, как приводится статистика по Палестинским территориям. Американцы, например, недавно опубликовали данные, что по их оценкам темп экономического роста в Палестине составляет 8%. А при этом уровень безработицы в Палестине 25%, и она продолжает расти. По некоторым оценкам, например, уровень безработицы уже приближается к 35%. Возникает любопытная корреляция двух видов роста. С одной стороны, растет ВВП, с другой – растет безработица, увеличиваются бедствия большинства населения. Этот странный параллельный рост показывает масштабы огромной трагедии.

Борис Кагарлицкий. Мы эту проблему затрагивали вчера на экономической секции. Часто при обращении к экономической статистике забывают о качестве роста, то есть о том, рост чего именно отражается в показателях. Действительно, показатель роста ВВП в ряде арабских стран, в Египте, например, был очень приличным. Но вспомним знаменитую формулу латиноамериканских экономистов, произнесенную еще в 1970-х годах: рост без развития. ВВП отражает некоторые количественные параметры. С качественными же параметрами очень интересно: в ряде

арабских стран, хотя и не во всех и не равномерно, качество экономики и жизни улучшалось в конце 1980-х – начале 1990-х. Кстати, улучшение затронуло страны, в которых в этом году произошла революция: Тунис, Египет, Ливия. Отчасти это можно отнести и к Марокко, и к Алжиру. Я, кстати, с любопытством смотрю на Марокко и Алжир: если ориентироваться на показатели экономической динамики, то там созревают любопытные явления. Что же дало рост экономик и улучшение качества жизни в 80-е годы? Происходил перенос производства из Европы в ближние страны периферии. Это перенос рассматривался как элемент дальнейшей экспансии, в расчете на которую делались некоторые шаги: создавалась система образования, например, в Тунисе, Марокко с целью подготовки инженеров, которые будут работать на построенных в своих странах заводах, то есть, на заводах, перенесенных из той же Франции и т.п. Но потом география переноса изменилась, производства из Европы двинулись значительно дальше почти соседних арабских стран. Неверно говорить, будто Китай убивает рабочие места в Европе. Ну, некоторые, может быть, и убивает, а некоторые создает, создает в количестве, по крайней мере, сопоставимом с тем, которое уничтожает. Но Китай точно убивает рабочие места в странах первого эшелона периферии, и здесь мы имеем, что называется, чистые потери. Это такие страны как Мексика, Бразилия, вообще в значительной мере Латинская Америка, страны Магриба и арабские страны, где индустриальное развитие в 2000-е годы в значительной степени было заблокировано, а система образования продолжала работать, выдавая на гора специалистов. При-

чем рост экономический продолжался в других секторах. Если раньше вы могли построить предприятия перерабатывающей промышленности, работающие на местном сырье, продукция которых продавалась в Европу, то сегодня собирается сырье, например, хлопок, и отправляется в Китай. Заводы не работают, но зато построено 10 новых отелей, куда приедут китайцы или русские. Нередко на Ближнем Востоке туристы могут встретить гида с прекрасным русским, который в Москве или Санкт-Петербурге учился на инженера, строителя или геодезиста. Можно встретить гида с хорошим английским и французским, с высшим техническим, архитектурным, экономическим или иным образованием. Эти люди, может быть, неплохо зарабатывают, но чувствуют фрустрацию от того, что их амбиции, мечты и планы не могут быть реализованы, их не устраивает их социальный статус, содержание труда. Это и создает социальные причины революционности среднего класса. Так что рост бывает разный, с разными социальными последствиями.

Вопрос. Насколько есть возможность улучшить положение в арабских странах?

Назиф Муэллим. Ситуация не может быть радикально изменена без политических изменений. Частичные экономические изменения в рамках сложившейся стратегии развития ничего не дадут. Необходимы изменения структурного характера, которые предполагают смену режима тоже. Нынешний режим таких перемен не обещает.

Вопрос. Во-первых, Мухаммед в своем докладе упомянул о том, что реакционные силы в Египте имеют неоднородный характер, они сложны по своей природе. Не могли бы немного конкретизировать, что вы имели в виду? Часто приходится слышать в новостях, что правительства арабских стран в борьбе с революционными движениями пытаются использовать межконфессиональные противоречия в качестве способа сглаживания, сокрытия классового напряжения, которое существует в этих странах. Насколько, на ваш взгляд, это удастся? Это был первый вопрос, который касается Египта. Второй вопрос. Оба докладчика в своих выступлениях меньше внимания уделяли Ливии, ситуации в Ливии. В России, например, очень напряженным является противостояние в интеллектуальной левой среде между теми, кто видит в Каддафи некоего «социалистического динозавра» и теми, кто считает, что он давно не таков. Как смотрите на ситуацию в Ливии вы. Считаете ли вы, что революционный процесс там носит по существу тот же характер, что и в Египте, и будет ли он развиваться в том же направлении, как в Египте?

Мухаммед Хешам Сааделдин. Прежде всего, не исламистской реакционной силой является партия «Вафд». Это старейшая партия в Египте. Она была создана в 1919 году и вела борьбу против британского колониализма. Но с тех пор партия перемещалась на все более и более консервативные позиции и сегодня является наиболее мощной светской консервативной силой, которая вы-

ступает против прогресса в сфере демократии, даже против расширения прав и свобод женщин, расширения свободы слова и т.п. Это светские правые консерваторы. С другой стороны, многие бывшие левые и бывшие интернационалисты стараются сейчас показать себя лояльными к исламу и стремятся быть святее самого Папы. Они порой больше исламисты, чем сами исламисты, хотя вчера еще были левыми и интернационалистами. Есть одна центристская партия, одна партия лейбористского типа, обе сейчас тесно связаны с «Братьями Мусульманами». Это я и имел в виду, когда говорил, что реакционеры – это не только «Братья Мусульмане». Второй вопрос был о конфликтах на религиозной почве. Мне не нравится в этом контексте употребление слова «копт», это попытка этнически идентифицировать конфликт, который является чисто религиозным. А вообще на старо-египетском языке «копт» означает египтянин. Конфликт возникает не на пустом месте. В Египте длительная история дискриминации христиан, которых не пускали в целый ряд сфер политической и государственной деятельности, например, в полицию, в ряд министерств и т.п. Поэтому это тоже вопрос демократического равенства. Режим Мубарака всячески поощрял эти конфликты между христианами и мусульманами. Сейчас уже известно, что взрыв, который произошел в церкви в Александрии, был на самом деле организован тайной полицией, а произошло это совсем недавно, перед самой революцией. И сейчас есть некоторые основания подозревать, что тайная полиция вовлечена в конфликт между христианами и мусульманами. Это проблема, с которой нужно справиться, и справиться с

ней можно только в демократическом светском государстве. Нынешний режим не в состоянии решить эту проблему.

С Каддафи та же самая проблема, что была и с Саддамом Хусейном. Я не знаю ни о каких прогрессивных достижениях Каддафи в Ливии. Я не понимаю, как можно его представлять антиимпериалистическим лидером. Я могу привести массу примеров того, как Каддафи сотрудничал с ЦРУ и с западноевропейскими разведками. Мы можем вспомнить массовые убийства в тюрьме Абу-Салим в 1996 году и другие примеры зверств этого режима. Я могу, конечно, сожалеть по поводу того, как его убили. Я вообще не хочу, чтобы кого бы то ни было убивали таким ужасным образом. Но, с другой стороны, человек подготовил свою судьбу, заслужил то, что с ним случилось.

Заключительное пленарное заседание: «Глобальный кризис, модернизация и социальный протест»

Борис Капустин открыл заседание докладом **«Капитализм и демократия: общее и (российское) особенное»**.

Цель данного материала – способствовать прояснению того, почему современная российская демократия, являющаяся таковой по основным процедурным и институциональным признакам¹⁷, оказалась дефектной

¹⁷ Так называемое минималистское и процедурное определение демократии, которое обычно связывают с трудами Йозефа Шумпетера. Напомним, что ядро этого определе-

и дисфункциональной. Под «дефектностью» я имею в виду очевидные и массивные нарушения тех процедур и принципов, которые демократия провозглашает в качестве собственной «несущей конструкции». Речь идёт о таких нарушениях, как фальсификация итогов выборов, срежиссированные властями отстранения от них отдельных кандидатов и целых партий, незаконные способы давления на оппозицию и вытеснение её из медийного пространства и т.д. Дефекты российской демократии очевидны и общепризнанны (для всех кроме апологетов существующего режима).

Под «дисфункциональностью» демократии я имею в виду её неспособность приносить народу (понимаемому как массовые непривилигированные слои) какие-либо экономические, социальные или культурные блага,

ния состоит из трёх основных элементов. 1. Демократия есть *метод*, посредством которого принимаются основные политические законодательные и административные решения, а отнюдь не «ценность» или самоцель. 2. В качестве метода демократия является таким институциональным устройством, при котором индивиды получают политическую власть посредством конкурентной борьбы за голоса избирателей на выборах, проводимых регулярно и в соответствии с установленными процедурами. 3. Демократия является «правлением политиков», а не «властью народа», который не решает *ничего* в политической жизни за исключением персонального состава выборных органов власти (Шумпетер Й.А. Капитализм, социализм и демократия. М.: Экономика, 1995). Это определение при всех попытках модифицировать его, несомненно, является общим знаменателем трактовок демократии в пост-советологии и транзитологии (и шире – в мейнстримной политической науке), хотя им не свойственны интеллектуальная прямота и последовательность (или честность) Шумпетера, выражающиеся в стремлении договаривать всё до конца.

способные улучшить его положение, облегчить бремя эксплуатации или защитить от определённых форм угнетения. Удовлетворение интересов широкого (и в основном «неимущего») электората невозможно без тем или иным образом осуществляемой функции перераспределения общественного богатства, и это — то, что я в первую очередь понимаю под «функциональностью демократии». «Дисфункциональность» демократии означает *разведение демократии со справедливостью* и утрату ею того эгалитаристского измерения, в котором, или благодаря которому, она служила развитию «социальных прав» и, говоря шире, *равенства*. Последнее (в его исторически меняющихся пониманиях) считалось настолько фундаментальной характеристикой демократии, что у Токвиля – задолго до появления идеи и практики «социальных прав» — даже возникла сделавшая его знаменитым иллюзия о том, будто демократия по сути тождественна *необоримым* тенденциям установления «равенства положений».

В отличие от «дефектности» «дисфункциональность» российской демократии гораздо менее очевидна для критиков. Причина в том, что противодействие таким формам несправедливости и притеснения, т.е. внесение социально-экономических изменений в угнетательский статус-кво в интересах народа не считается в мейнстримной политической науке делом демократии, а поэтому её бездействие в этом отношении не воспринимается в качестве изъяна дисфункциональности.

Наша задача заключается в том, чтобы выяснить, *чем* в нынешней российской ситуации, являющейся

лишь частью и специфическим проявлением глобальной исторической ситуации, обусловлена дисфункциональность демократии. Ключ к ответу на этот вопрос даёт колонизация демократии капитализмом *определённого типа*, специфическую периферийную инкарнацию которого демонстрирует Россия. Если дисфункциональность демократии, как представляется, необходимым образом задана структурным характером российского капитализма, то её дефектность может быть либо «избыточной», т.е. вызванной убогой политической культурой властвующих элит и рвением местных держиморд, либо, действительно, необходимым политическим средством сохранения их господства. Вполне возможно, что в предыдущих избирательных циклах в «путинской» России дефектность демократии была в этом смысле избыточной, тогда как в нынешнем цикле 2011-2012 годов она стала политической необходимостью. Если так, то это, несомненно, свидетельствует об упадке режима, тогда как более ранняя избыточная дефектность выказывала «всего лишь» его хамство.

Категориальная пара «демократия – авторитаризм» не способна ухватить причины, характер и вероятные направления развития недугов российской демократии. Наивно думать, будто неудачи строительства демократии или её сознательный подрыв само собой разумеющимся образом ведут к возникновению авторитаризма, причём последний оказывается тем сильнее, чем слабее первая. Строительство сильного авторитаризма требует не меньшего политического искусства, не меньшей концентрации политической воли верхов и мобилизации низов, чем формиро-

вание жизнеспособной демократии. В современной России есть огромный дефицит всех этих составляющих *конструктивной* политики, какова бы ни была её направленность — демократическая или авторитарная. Следствие этого — существование дряблого, во всех отношениях неэффективного государства, непригодно не только для крупного созидания, но и для исполнения тех элементарных функций, которые образуют само понятие государства. Если одна из важнейших среди них — монополия на легальное насилие, то что можно сказать о такой монополии в условиях нескончаемой войны на Кавказе, не говоря уже о разгуле организованной преступности? Если безопасность граждан — первейшая задача государства, то адские пожары 2010 года и бесконечная череда техногенных и рукотворных катастроф — эмпирические показатели её решения нашим государством. Известно, что ни одно государство не может быть здоровым без дисциплины государственных финансов, но само понятие такой дисциплины стало злой шуткой в условиях тотального казнокрадства и лихоимства. О неспособности государства к проведению какой-либо структурной политики говорит нарастающая *архаизация* национальной экономики, столь наглядно демонстрируемая позорной — даже по меркам не слишком развитых стран — структурой экспорта и катастрофической зависимостью благополучия страны от колебаний мировых цен на углеводороды. *Ни демократия, ни авторитаризм невозможны в условиях государства с такой низкой дееспособностью* в каком-либо ином смысле помимо ритуальных жестов, бессмысленных процедур и воистину постмодернист-

ских симулякров «державности»¹⁸. Реальной оппозицией в этих условиях оказываются не «демократия и авторитаризм», а утрачивающие характеристики государства институты власти, превращённые господствующим классом (бюрократией) в свою частную собственность, и возможности коллективных действий низов, направленных на деприватизацию государства.

Соответственно, причину стабильности этого на первый взгляд столь шаткого режима следует искать в том, что препятствует возникновению таких коллективных действий, а не в том, что их подавляет (авторитаризм). Из дальнейшего мы увидим, что таким препятствием является сам капитализм с его тенденциями подрыва и размыывания гражданского и публично-политического измерения бытия людей (и солидарности между ними) и их замыкания в сфере приватности. Молодой и в других отношениях столь неэффективный российский капитализм преуспел в этом деле больше его западного визави.

Даже беглый взгляд на социальную

18 Неэффективность российского государства столь велика, что оно не способно функционировать даже в качестве того «комитета по управлению общими делами буржуазии», о котором писали Маркс и Ленин, и который выступает, так сказать, минимальным определением государства при капитализме, точнее – необходимым, но не достаточным условием существования капиталистического государства как государства. Процесс над ЮКОСом и разгром его – лишь яркое символическое представление того бесконечного «незаконного» передела собственности между фракциями власть и капитал имущих, который делает невозможным консолидацию их господства в качестве класса и под эгидой «общего интереса» и «общих дел».

100

статистику стран ОЭСР обнаруживает то, что в этих «цитаделях демократии» явления, отнесённые нами к понятию «дисфункциональность демократии», имеют ярко выраженную, устойчивую и долговременную тенденцию роста, по крайней мере, с начала 70-ых годов XX века. Так, во всём западном мире, за исключением Нидерландов, в течение уже сорока лет набирает ход тенденция роста неравенства и углубления пропасти между богатыми и бедными. В США значения неравенства между богатыми и бедными сейчас достигли своего исторического пика, значительно выйдя на уровень 1929 года, когда разразилась катастрофа «Великой депрессии»¹⁹. Углубление имущественного неравенства особенно сильно бьёт по и без того наиболее социально придавленным меньшинствам, тем самым подрывая и «отыгрывая назад» многие эгалитарные завоевания прошлых лет, когда демократия ещё служила формой и методом борьбы за справедливость, т.е. была функциональной²⁰.

Однако нарастающая дисфункциональность демократии стала всё более зримо угрожать и положению средних классов, и именно в этом таится, как представляется, главная

19 См. Prindle, D.F. (2008), *The Paradox of Democratic Capitalism*. Baltimore, MD: The Johns Hopkins University Press, pp. 238-248; Kenworthy, L. and J. Pontusson "Rising Inequality and the Politics of Redistribution in Affluent Countries", *Perspectives on Politics*, 2005, Vol. 3, No. 3: 449-471; Sachs, J. "Why America Must Revive Its Middle Class", *Time*, 10.10.2011.

20 Pew Research Center (2011), *Wealth Gaps Rise to Record Highs Between Whites, Blacks and Hispanics*, [http://pewsocialtrends.org/files/2011/07/SDT-Wealth-Report_7-26-11_FI-](http://pewsocialtrends.org/files/2011/07/SDT-Wealth-Report_7-26-11_FI-NAL.pdf)

NAL.pdf.

опасность для воспроизводства так называемого демократического капитализма. Реальная средняя зарплата американца, занятого полный рабочий день, не увеличивалась с 1973 года – независимо от подъёмов и спадов экономики в течение этого долгого периода²¹. В условиях роста стоимости жизни американские домохозяйства поддерживались на плаву исключительно за счёт массового выхода замужних женщин на рынок труда (относительно новое для США явление) и безудержного роста кредитной задолженности. С 1980 по 2005 год задолженность домохозяйств *утроилась*, достигнув к настоящему времени астрономической величины в 12 триллионов долларов²². Вкупе с суверенным долгом США в 15 триллионов долл. и колоссальными корпоративными долгами частная задолженность стала одним из главных факторов жесточайшего финансового кризиса, недавно охватившего глобальный капитализм. Ещё в 2005 г., т.е. за несколько лет до финансового кризиса, приведшего к новому взрыву задолженности, суммарный частный, государственный и корпоративный долг США превысил 300% ВВП страны²³. Это означает, что он

не может быть выплачен никогда и ни при каких условиях, и это – главное для понимания того, как может развиваться глобальный финансовый кризис дальше и как с ним бороться.

Ухудшение положения средних классов стало непосредственно сказываться на их повседневной жизни. С 2008 года 70% американцев сократили свои расходы на отпуск и развлечения, 40% стали тратить на текущие нужды накопления на старость и обучение детей в колледжах, 29% начали одалживаться у родственников и друзей, 34% познали «недобровольную» безработицу, 77% впервые назвали главной причиной своего беспокойства отток рабочих мест за рубеж, т.е. деиндустриализацию Америки²⁴. Но главный удар, похоже, ожидает средние классы в не столь отдалённом будущем – это кажущееся неминуемым банкротство «государства благосостояния». По оценкам, сделанным в 2010 году, объём *необеспеченных* финансированием платежей по социальной страховке и социальной медицине (Social Security and Medicare) достигнет *78 триллионов* долларов²⁵. На покрытие этих заоблачных расходов может не хватить даже галопирующего госдолга США. Если вообще будет сохраняться американская гегемония в мире, позволяющая ему галопировать.

Возможно, средние классы – в коалиции с другими жертвами современного капитализма – смогут политической борьбой изменить ситуацию, вызвать становление иного типа капитализма, менее социально

21 Заработная плата американок не стагнировала столь явно вследствие того, что они диспропорционально представлены в таких сферах, как здравоохранение и образование, менее подверженных депрессии, чем промышленность с её высокой долей мужской занятости.

22 См. Harvey, D. “The Enigma of Capital and the Crisis This Time”, *Business as Usual. The Roots of the Global Financial Meltdown*, ed. C. Calhoun et al. NY: New York University Press, 2011, p. 100; “Not So Frugal”, *Time*, 14.03.2011.

23 Foster, J.B. and F. Magdoff, *The Great Financial Crisis*. NY: Monthly Review Press, 2009, p. 100.

24 Foroohar, R. “A New Era of Volatility”, *Time*, 10.10.2011, p. 29.

25 Zakaria, F. “The Debt Deal Failure”, *Time*, 15.08.2011, p. 33.

разрушительного (если уж, отдавая дань пресловутому «политическому реализму», абстрагироваться от возможных некапиталистических альтернатив). Такие развороты капитализма под давлением демократического подъёма низов неоднократно имели место в истории – достаточно вспомнить становление самого демократического капитализма и осуществлённый в его рамках синтез «рынка» и «государства благосостояния». Примечательно, что именно такие развороты придавали капитализму «второе дыхание», свидетельством чему и был беспрецедентный послевоенный экономический бум на Западе. Этот пример наряду с другими показывает, что демократия может быть функциональна не только в плане защиты социальной справедливости для неимущих, но и для *самого капитализма*, заставляя его выходить из тупиков, куда его заводит «спонтанное развитие», заставляя принимать новые институциональные формы и совершать новые технологические рывки. История капитализма никогда не сводилась к логике движения «свободного рынка» (и преодолению ею всяческих помех на своём пути). Она всегда была тем, что Карл Поппер называл «двойным движением», — всякий раз возобновляемым движением к «свободному рынку» и рано или поздно складывающимся сопротивлением ему во имя защиты «общества» от его колонизации капиталом. «Реально существующий капитализм» — это всегда некий баланс данных движений или в каких-то случаях его нарушение с соответствующими экономическими, политическими, нравственными и культурными последствиями. Похоже, что в современном мире мы имеем радикальное нарушение этого баланса, ставшее

возможным вследствие дисфункционализации демократии и приведшее к глубокой мутации капитализма.

Дисфункциональность – общая характеристика демократии в России и на Западе, хотя она и имеет в них в чём-то разные проявления (в частности, как мы видели, в России она сочетается с дефектностью), и она неким образом обусловлена мутацией современного капитализма. Нет никакой predetermined «сущностной» связи между капитализмом и демократией, и бесконечные отвлечённые споры о том, в чём заключается их «избирательное сродство», или их «избирательное взаимное отторжение», представляются малопродуктивными. Исторически демократия не только не является «естественной» политической формой капитализма. Он, как и любая другая общественная формация, базирующаяся на неравенстве, является антитезой демократии в её (предполагаемых или реальных) качествах наделяния властью народа и потенциально ничем не ограниченного вопрошания любых явлений общественной жизни, включая распределение собственности, и вынесения по ним соответствующих политических решений. Отвержение генералом Айртоном (и самим Кромвелем) требований левеллеров во время знаменитых дебатов в Петни в 1647 г. дать «простым людям» минимальные права участия в политической жизни как несовместимых с общественным порядком вообще; упорное сопротивление либералов XIX века даже весьма ограниченному расширению избирательного права на трудящиеся классы как, по выражению лорда Маколея, угрозе нового нашествия гуннов и вандалов, но на сей раз – из чрева самой «цивилиза-

ции», а не извне её; критика демократии либеральными консерваторами как саморазрушительной и губительной для «рыночной экономики», прозвучавшая после демократического подъёма 60-х годов XX века, — вот лишь некоторые вехи борьбы защитников частной собственности против демократических поползновений народа. Сама серьёзность такой борьбы — свидетельство того, что демократия могла оказывать и оказывала воздействие на структуры экономического неравенства и господства, капиталистические и иные, против которых она была направлена на том или ином этапе истории.

Конкретные сочетания капитализма и демократии определяются не чем иным, как степенью упорства масс в их сопротивлении угнетению и степенью готовности к компромиссам, на которые идут господствующие группы вследствие слишком высокой цены борьбы и угрозы, порождаемой ею для существования данного режима²⁶. В ряде случаев уступки, в самом деле, были весьма значительными. Примером этому может служить создание в ведущих западных государствах после Второй мировой войны

и великого экономического кризиса 30-х годов структур «государства благосостояния», приведших к частичной декомодификации рабочей силы и соответствующим преобразованиям в механизмах функционирования капитализма.

Удержание демократии в границах «капиталистической демократии» означает сохранение структурной детерминации государства капиталистически организованной экономикой. Такая детерминация задана самим разделением «экономики» и «политики». Вследствие его государство оказывается в зависимости от не контролируемых им темпов и объёмов накопления капитала (как общей базы налогообложения), в то же время обеспечивая его общие политико-правовые условия. Последнее, конечно, предполагает, что при «нормальном ходе вещей» государство — это нечто большее, чем «комитет по управлению общими делами буржуазии» (а не меньшее этого, как в России). Ведь оно должно быть в известной мере *автономно* по отношению ко всем классам для того, чтобы выстроить «блок власти», гегемония в котором буржуазных верхов обеспечивается вписывающейся в её логику *реальной* артикуляцией интересов трудящихся низов. Однако с конца 70-х годов происходят фундаментальные изменения. Поражения рабочего класса (вспомним победу режима М. Тэтчер над шахтерами в грандиозной забастовочной битве 1984-85 годов) и общий упадок профсоюзов сделали артикуляцию интересов низов в качестве момента, определяющего гегемонию верхов, неактуальной. Соответственно, гегемония как *этико-политическая* модель отношений классов уступает место *деполитизи-*

26 В исторической социологии убедительно показано, что уступки правящих классов относительно расширения избирательного права во многих случаях были продиктованы необходимостью заручиться лояльностью масс в ситуации, в которой введение всеобщей воинской повинности было непрямым условием поддержания военной конкурентоспособности современных капиталистических государств на европейской и мировой аренах (Bendix, R. *Nation-building and Citizenship*. NY: Wiley, 1964, p. 94; Finer, M.S. "State and Nation Building in Europe: The Role of the Military". *Formation of National States in Europe*, ed. C. Tilly. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1975, p. 153).

рованному «политическому рынку». В этой «игре» частно-групповые интересы низов, на которые распадается прежние классовые интересы, есть заведомо слабая сторона – ведь на любом рынке сила и слабость определяются именно покупательной способностью «агентов трансакций». Вследствие неравномерности распределения того, что Бурдье называл «символическим капиталом», низы оказываются в «культурном подчинении» у верхов. В основе этой новой модели господства – *маркетингизация политики*, и сделал её возможной тот «мутировавший» капитализм, который утверждался в качестве доминирующего в 80-90-ые годы. Именно в комбинации с ним демократия становится дисфункциональной и по меркам своей прежней *дееспособности* (периода индустриального и фордистского капитализма) выглядит скорее *преодолением демократии* или «постдемократией», как её окрестил Колин Крауч.

Нынешний финансовый кризис вызвал новый всплеск дебатов о характере капитализма, причём эти дебаты, что случается редко, вышли далеко за рамки академического мира (так, ими оказалась пронизана избирательная кампания в США 2011-2012 годов, причём на стороне республиканцев даже больше, чем на стороне демократов). Как это не удивительно (учитывая и мощь охранительной идеологии капитализма, и реальную политику западных правительств, по-прежнему осуществляющуюся в логике «business as usual»), взгляд на нынешний кризис как всего лишь на очередное, пусть и очень драматичное, колебание экономической конъюнктуры является, пожалуй, наименее распространённым и

убедительным. Похоже, «мутацию» капитализма невозможно больше игнорировать даже наиболее твёрдокаменным его апологетам (конечно, сказанное не относится к отечественным апологетам, чудовищная провинциальность которых отлучает их от каких-либо серьёзных мировых дискуссий). Но интерпретировать её можно по-разному.

Во-первых, её можно представить следствием опухоли на (в принципе крепком) теле капиталистической экономики. Назовём эту опухоль — вслед за одним из республиканских претендентов на Белый дом Ньютом Гингричем – «кумовским капитализмом» (crony capitalism), а тело капиталистической экономики отождествим с истинной «системой свободного предпринимательства». Тогда у нас получится, что «кумовской капитализм» позволяет сверхбогатым и власть имущим транжирить деньги общества друг на друга (образцом чего и является многомиллиардное спасение государством финансовых монстров в ходе нынешнего кризиса), обескровливая тем самым реальную экономику и толкая вниз доходы средних и нижних классов. Опухоль эта, несомненно, операбельна: в конце концов, «кумовской капитализм» — это всего лишь «определённые действия в определённых местах», т.е. он как бы локализуется в Вашингтоне. И сама операция весьма проста – «завоевание Вашингтона», избрание хороших парней, начиная с того же Гингрича, в президенты. Они удалят опухоль, и «свободное предпринимательство» расцветёт своей первозданной пышностью. В логическом плане такое объяснение идентично раннеперестроечным представлениям Горбачёва и его круга об очищении

подлинного «ленинского социализма» от порчи брежневского застоя. Разница лишь в том, что Гингрич, если станет президентом, бесспорно, ничего не делает для срезания опухоли финансовой олигархии, сросшейся с верхушкой государственной власти. Как не делает этого и демократ Обама. И потому судьба США будет другой, чем СССР.

Во-вторых, «мутацию» капитализма можно объяснять более основательной его трансформацией, уже не сводимой к «определённым действиям в определённых местах» и вызванной «долговременными социальными, политическими и экономическими тенденциями». Отстаивая такую точку зрения, Джеффри Сакс, несколько неожиданным для экономиста образом, обнаруживает общий корень таких тенденций в «моральном кризисе» общества, а именно – в подрыве чувства «социальной ответственности» и разрушении приверженности этой ценности. Конечно, данным недугом поражён не американский народ в целом, а всего лишь те же сверхбогатые, верхушка мегакорпораций и (само собой) «многие коллеги по академическому миру». Но именно они принимают решения общенациональной значимости, и эти решения привели к той *дерегуляции рынка*, которая обусловила основные беды нынешнего положения страны (и мира)²⁷. Анализ этих бед у Сакса впечатляет своей обстоятельностью, но морализаторское объяснение их причин (а что вызвало сам «моральный кризис» в когда-то нравственно здоровом обществе и каковы механизмы «негативной селекции», катapultировавшие именно социально

безответственных людей на вершину власти?), а также общий пафос нравственной проповеди, нацеленной на «улучшение нравов падших», лишают его общую концепцию теоретической убедительности²⁸.

В-третьих, нынешняя «мутация» капитализма трактуется как следствие его циклического колебания, но уже институционального, а не конъюнктурно-экономического порядка. Речь идёт о колебаниях «исторического маятника» между (государственно) «организованным» и «неорганизованным капитализмом» (или «дезорганизованным», как выражался Клаус Оффен²⁹) в качестве двух основных режимов накопления капитала. Очередной срыв в пике дерегулированного, «либерального», «свободного капитализма» (не то же ли произошло в 1929 году?) вызывает необходимость возврата к кейнсианской регуляции экономики или даже

28 Оставим в стороне ещё один очень щекотливый вопрос. Сакс известен как великий паладин «шоковой терапии» в посткоммунистической Европе. Главная её идея – в том, чтобы *не мешать* государственной регуляцией (сверх того минимума, который входит в либеральное понятие «правового государства») действию универсальных и в принципе необоримых «формальных экономических законов» (Сакс, Д. Рыночная экономика и Россия. М.: Экономика, 1995, с. 239). Что же блокирует действие этих законов в «рыночной» Америке? Почему они не обеспечивают её процветание? Почему предписанием избавления от недуга оказывается не «меньше регуляции» (в целях их предполагаемого разблокирования), а «больше регуляции»? Не то, что ответов на эти вопросы, а даже их постановки в последней книге Сакса «Цена цивилизации» мне найти не удалось.

29 См. Offe, C. “Capitalism by Democratic Design?” *Social Research*, 1991, Vol. 58, No. 4, pp. 865-892..

27 Sachs, J. The Price of Civilization. NY: Random House, 2011, pp. 1-5.

к «государственному капитализму». Конечно, новые технологии, глобализация, иная расстановка политических сил в мировом и национальном масштабах и т.д. внесут существенные коррективы в функционирование нового «кейнсианского капитализма», однако его системообразующие характеристики, включая более-менее «классические» формы классовой борьбы, будут воспроизведены вновь. Помимо более отвлечённых теоретических соображений есть одно «эмпирическое» наблюдение, которое заставляет усомниться в данном объяснении нынешней «мутации» капитализма. Неолиберализм, разрушая «регулятивный аспект» кейнсианства, не только не отказался от другого его важнейшего аспекта — дефицитной накачки экономики, но в буквальном смысле раздул его до неслыханных дотоле (в мирное время) размеров. Делалось это, правда, уже в целях надувания финансовых активов, а не стимулирования реальной экономики, но делалось сие именно посредством отказа от строгой финансовой дисциплины (как в государственном, так и в частном секторах) и всемерного стимулирования потребления благодаря доступности кредита³⁰. Это и привело

к той астрономической государственной, корпоративной и частной задолженности, о которой шла речь выше и которая считается главной причиной нынешнего глобального финансового кризиса. Так в каком же смысле можно говорить о неолиберальном колебании маятника от кейнсианства и, главное, что может дать в плане выхода из кризиса (будто бы) возвращение к кейнсианским методам стимулирования спроса, если они и привели к такому банкротству ведущих стран Запада, что им приходится попрошайничать у «рыночно недоразвитых» стран с «переходной экономикой»³¹?

В-четвёртых, «мутация» может быть понята как возникновение *нового типа* капитализма. Если прежний тип капитализма со всем множеством его региональных и стадийных подтипов был порождён индустриальной революцией и связанным с ней подъёмом рабочего движения, то новый тип, обычно называемый «финансиализированным», — продукт

Where Is the US Economy Going?" Worlds of Capitalism. Institutions, Governance and Economic Change in the Era of Globalization, ed. M. Miller. L-NY: Routledge., 2005, pp. 208 ff.

30 См. Balakrishnan, G. "The Convolution of Capitalism", Business as Usual. The Roots of the Global Financial Meltdown, ed. C. Calhoun et al. NY: New York University Press 2011, pp. 218-219. Роберт Бреннер великолепно показывает то, как осуществлялся этот «неолиберально-кейнсианский» разворот американской экономики в период президентства Р. Рейгана («неолиберальный» — по целям и результатам, «кейнсианский» — по методам). Символично и иронично то, что именно архиконсерватор Рейган возглавил постмодернизацию американской экономики и разрушение старой веберовской рациональности капитализма. См. Brenner, R. "After Boom, Bubble and Bust. 106

31 Чем, в частности, активно занимается директор-распорядитель МВФ Кристин Лагард: «Развивающиеся страны должны (sic!) понимать, что они... — те, к кому обратятся развитые страны за спасением» (Цит. по Газета.Ру, 07.11.2011: <http://www.gazeta.ru/financial/2011/11/07/3825606.html>). Здесь приковывает к себе внимание не только забавный повелительный тон в отношении тех, у кого собираются выпрашивать деньги. Великолепна скрытая (и явно не понятая Лагард) ирония: «развитые» развились настолько, что могут спастись только за счёт «недоразвитых», которые — слава богу! — ещё не успели развиться настолько, чтобы оказаться неспособными спастись своих «рыночных» наставников.

«деиндустриальной революции» и поражения и упадка рабочего движения. Суть дела, конечно, не только в абсолютном и относительном сокращении доли промышленности в ВВП ведущих стран Запада (о сельском хозяйстве не стоит в этой связи и говорить)³², а именно в той принципиальной перестройке отношений финансового и производительного капитала (во всех его видах), которая привела к «независимости» первого по отношению ко второму. Эта «независимость» выражается в способности финансового капитала, уходя от производства товаров и услуг, возрастать. Более того, он обнаруживает способность самовозрастать при стагнирующей реальной экономике и даже благодаря такой стагнации, т.е. уже не «диспропорционально его социальной продуктивности», а будучи *социально контрпродуктивным*³³. В условиях общей стагнации экономики

32 Хотя масштабы и темпы такого сокращения говорят о многом сами по себе. Так, к моменту прихода к власти Тэтчер 36% британского ВВП производилось промышленностью, и в ней было занято 6,8 млн. человек. Уже за первый срок пребывания её у власти удалось ликвидировать каждое четвертое рабочее место в промышленности и привязать всю экономическую политику к финансовому миру Сити и бизнесу с недвижимостью. К 2010 году (к концу правления лейбористов, продолжавших эту политику Тэтчер), промышленность давала 11% ВВП и обеспечивала занятость всего лишь 2,5 млн. человек. Деиндустриальная революция была в принципе завершена. Соответственно, каждый год Англия завершала с большим и нарастающим бюджетным дефицитом, так что в 2011 году суверенный долг превысил 1 триллион фунт стерлингов (UK National Debt, <http://www.debtbombshell.com/>).

33 См. Sweezy, P. "The Triumph of Financial Capital", *Monthly Review*, 1994, Vol. 42, No. 2, p. 1-11.

американские фирмы, занимающиеся операциями с ценными бумагами, заработали за последние два с половиной года 83 миллиарда долларов, тогда как за весь период правления администрации Буша-младшего — лишь 77 миллиардов! (Гиганты Уолл-стрит).

В свете этого многие рассмотренные нами ранее составляющие современного «кризисного» состояния экономики могут быть поняты в качестве *структурных характеристик* этого типа капитализма:

- депрессия доходов массовых слоёв населения, включая средние классы, и рост социального неравенства (как следствие стагнации реальной экономики и разрастания форм временной и неполной занятости),

- рост всех форм задолженности (частной, корпоративной, государственной) как *ключевое условие* поддержания спекулятивного самовозрастания финансового капитала,

- периодичность разрастания и лопания финансовых пузырей, пришедшая на смену прежним циклам подъёма и упадка производства, так что по большому счёту вся история финансиализированного капитализма с конца 70-ых годов предстаёт как история менеджирования одного грандиозного пузыря «независимого» финансового капитала,

- превращение государства в главного менеджера хронически «кризисного» финансиализированного капитализма, главная функция которого состоит в экспроприации общественных средств и перекачке их в финансовый сектор для восполнения ущерба, когда лопаются одни пузыри и создаются предпосылки для возник-

новения других,

- перетекание финансовых кризисов в «хронический» фискальный кризис государства, менеджующего финансовые пузыри. Синергия таких кризисов ведущих западных государств обусловила *аннулирование некогда считавшихся незыблемыми экономических законов*, начиная с максимы «нельзя тратить больше, чем зарабатываешь». Присвоение высших рейтингов надёжности фактическим банкротам, чем суверенный долг приближается к 100% ВВП или (подчас существенно) превышает эту планку, есть удостоверение того, что экономика старого «рационального» капитализма перестала существовать, превратившись в постмодернистский коллаж симулякров. Теоретическое осмысление этого нового типа капитализма предполагает отказ не только от классической политэкономии производства и накопления, но и от маржиналистской эконометрики рынков. На повестке дня – неслышанная доселе политэкономия жизни в долг, привязанная к политике глобальной гегемонии.

- Рынок в условиях финансиализированного капитализма полностью утрачивает значение более-менее «ровного» пространства, на котором, подчиняясь общим правилам, ведут игру агенты хозяйственной деятельности. Рынок превращается в *страстию*, используемую привилегированными агентами, стоящими вне рынка (в чём и состоит их привилегия), против дискриминированных агентов, которых, действительно, заставляют существовать по законам рынка. *В первую очередь* такая дискриминация направлена на наёмный труд (постоянная озабоченность «гибкостью» рынка труда – характернейшая черта

неолиберальной экономической политики). Титул “too big to fail” есть знак привилегированности, защищающий от наказаний «по правилам рынка» не только неудачников и провалившихся авантюристов, но и откровенных мошенников (конечно, если в отношении их по некоторым специфическим соображениям не устраиваются показательные процессы, как в случае Бернарда Мэдoffs).

Разумеется, финансиализированный капитализм – не универсальная модель, тиражирующая себя (с теми или иными корректировками) по всему миру, и тем менее – «образ будущего» для «отставших» в своём развитии обществ. Как и его предшественники – либеральный капитализм «свободного рынка» и «организованный» кейнсианский капитализм, этот новый вид капитализма существует только как доминантная структура, определённым образом формирующая «под себя» глобальное социальное пространство. Но если одним из важнейших условий существования первых была эксплуатация аграрных и сырьевых ресурсов периферии, то финансиализированный капитализм существует в первую очередь за счёт её промышленного, причём всё более высокотехнологичного, производства. Но, как и раньше, политэкономия организации такого производства на периферии по-прежнему имеет существенным образом некапиталистический или регрессивно-капиталистический характер. Коммунистические Китай и Вьетнам, теократическая Саудовская Аравия, президентско-династический Азербайджан, вроде бы демократические Индия и Бразилия, набирающие силу за счёт столь жёстких форм подавления сопротивления труда и контроля

над ним, что им могли бы позавидовать иные диктатуры, — привилегированные партнёры финансиализированного капитализма.

Нельзя упускать и то, что глобально доминантная структура отнюдь не гомогенна (она никогда не бывает таковой). Германия, Швеция, Франция и т.д. в значительной степени остаются производительными экономиками. Это ещё раз подтверждает то, что финансиализация, как когда-то индустриализация и любой экономический процесс, — это не некая естественная закономерность, а результирующая политической борьбы, в которую вовлечены разные фракции верхов и низов и которая принимает конкретный облик, в том числе — облик «неотвратимого закона», в зависимости от хода и исхода такой борьбы.

Сочетание капитализма и демократии в том сегменте периферии мирового хозяйства, который возник вследствие падения «реального социализма» в Восточной Европе и Евразии, определялось четырьмя важнейшими обстоятельствами.

В посткоммунистическом мире перевёртывается известная из истории Запада последовательность решения ключевых вопросов общественной организации. На Западе вопросы «кто мы есть» (какова «наша» идентичность, где проходят «наши» территориальные, социальные, культурные границы) и «каковы основные принципы и правила нашего общежития» (включая те из них, которые определяют политическое и административное управление, а также формы и отношения собственности) решались сугубо недемократически и *до того*, как появлялись хотя бы зачатки современной демократии. На

Востоке многие ключевые элементы демократии, начиная с всеобщего избирательного права (но не конкурентная многопартийность) сложились *до* определения новых правил и принципов общежития и даже в ряде случаев *до* «окончательного» решения вопроса «кто мы есть». Отсюда многие видные теоретики делали вывод о неизбежном конфликте политической демократии, с одной стороны, и приватизации средств производства и либерализации экономики (с её скачком цен) — с другой, как факторов роста неравенства и снижения уровня жизни масс. Как минимум, такой конфликт должен был привести к демократически легитимированному капитализму, т.е. капитализму, *изначально* глубоко трансформированному демократией, включая создание сильного «государства благосостояния» *как условия* консолидации либерального капитализма. Этот сценарий не осуществился где-либо в посткоммунистическом мире, включая те его части, в которых неравенство и нищета принимали катастрофические масштабы, как, например, в России. Такое стало возможно только при том условии, что уже *к началу* так называемых рыночных реформ демократия была лишена политической функциональности и, во всяком случае, в странах, подобных России, стала лишь инструментом в руках власти и богатство имущих.

Такая изначальная слабость демократии объясняется в первую очередь тем, что в отличие от распространённых мифов о «восстании гражданского общества против тоталитаризма» демократические движения *до* падения коммунизма нигде, за исключением Польши, не были хоть сколько-нибудь массовыми и организованными, обла-

дающими хоть какими-то традициями и политическим влиянием. Где-то, как в ГДР или Чехословакии, они появлялись в последнюю минуту, когда судьба «реального социализма» в Европе была уже ясна, а невмешательство СССР — гарантировано, где-то они не появлялись совсем, где-то, как в Венгрии, коммунисты сами возвращали оппозицию, чтобы создать «круглостольный» камуфляж своим манипуляциям с властью-собственностью. Конечно, в уникальном случае Польши выходивание мощной низовой демократии потребовало немалых усилий и политического мастерства, так что в переломном 1989 году сам Лех Валенса предельно драматично формулировал дилемму — либо «идём в Европу», либо имеем сильный профсоюз³⁴. Дисфункциональность демократии в данном случае окончательно утвердилась лишь после правления экс-коммуниста А. Квасьневского (1995-2005), показавшего, что между вчерашними коммунистами и их либеральными будто бы антиподами нет разницы в политике капитализации посткоммунистических стран, разве что первые обычно действуют искуснее и решительнее вторых. Переход практически везде происходил под контролем сохранявших власть коммунистических элит, хотя и менявших свою конфигурацию за счёт, с одной стороны, избавления от балласта «ортодоксов», а с другой — кооптации части вчерашних диссидентов и лидеров демократических протестов, а также новых «олигархов». Эмпирическое свидетельство тому — очень низкий показатель

«сменяемости элит» (elite turnover) во всех посткоммунистических странах.

Коллапс коммунизма в Восточной Европе и Евразии пришёлся на апогей неоконсервативной революции на Западе и триумф, реальный или мнимый, того нового типа финансиализованного капитализма, который эта революция утверждала. Отсутствие альтернативы этому капитализму, изображавшемуся в качестве единственно «разумного» и «современного» общественного устройства вообще, было не только идеологией Вашингтонского консенсуса, пресловутой TINA, сколь бы мощна она не была сама по себе, насаждаемая всеми «идеологическими аппаратами» Запада. Отсутствие альтернативы было грубой материальной реальностью финансово-торговой зависимости бывших социалистических стран от Запада, созданной всем курсом их номенклатурных элит. Едва ли большим преувеличением является вывод о том, что в 80-е годы «коммунизм в Европе выживал лишь постольку, поскольку западные капиталистические банкиры были готовы финансировать его»³⁵. Коммунистические элиты, проводившие конвертацию власти в собственность и занятые демократической мимикрией, стремились лишь к усилению этой зависимости как, с одной стороны, дополнительному источнику прямого и косвенного обогащения, а с другой — глобально-системной гарантии незыблемости их нового положения в качестве демократического и капиталистического господствующего класса³⁶. Именно

34 Цит. по Ost, D. The Defeat of Solidarity: Anger and Politics in Postcommunist Europe. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2005, p. 37).

35 Sebestyen, V. Revolution 1989. The Fall of the Soviet Empire. NY: Pantheon Books, 2009, p. xix.

36 Показательно, что первый же визит аме-

этот альянс посткоммунистических элит, обеспечивших в целом преемственность своей власти со времён «*ancien régime*», и политических сил глобального финансового капитализма с самого начала положил дисфункциональность демократии в качестве неперенного и решающего условия посткоммунистического транзита как такового. Маргинализированные, как в Польше, или слабые, а то и вовсе отсутствующие, как в большинстве других посткоммунистических стран, низовые демократические движения не могли выступить достойным соперником этому альянсу.

Альянс местных посткоммунистических элит и сил глобального финансового капитализма возможен лишь при условии соблюдения определённой схемы «разделения труда». В этой схеме посткоммунистические элиты должны играть роль управляющих определёнными сегментами периферии мировой капиталистической системы, обслуживающих её ядро. Периферия – сама по себе многоярусное явление, и быть такой периферией Евросоюза, как, скажем Польша, — иное дело, чем быть сырьевой периферией мирового капитализма в целом, как Россия. Этот тип капи-

тализма производит такие деления между группами населения, которые разводят их по разным «жизненным мирам». В их основе лежат столь различные политэкономические принципы, что перед российской демократией вновь возникают неразрешимые для любой демократии вопросы – об общей идентичности сообщества и о фундаментальных правилах его организации. Российской дисфункциональной демократии остаётся только *не замечать* эти кардинальные вопросы.

До сих пор массовые демократические протесты на постсоветском пространстве были направлены исключительно против того, что мы называли «дефектностью демократии». «Цветные революции» принесли большое разочарование, а в Украине – даже своего рода реставрацию. В ряде случаев (той же Украины) им удалось в известной мере отладить процедурно-институциональную механику демократии, снизив уровень её дефектности, но они не внесли никаких существенных изменений в характер тех версий периферийного капитализма, которые утвердились в переживших их странах, и, соответственно, никак не способствовали преодолению дисфункциональности демократии.

Это – великий урок для начинающейся (как хочется верить) политической борьбы в России. Она не может не начаться как протест против дефектности демократии, но она не может принести осязаемые – в плане улучшения положения массовых слоёв населения – результаты, если не перерастает в борьбу против дисфункциональности демократии. Только последняя способна трансформировать господствующий тип капита-

риканского президента в освобождающуюся от коммунизма Польшу в июле 1989 г. ознаменовался курьёзом. Джордж Буш предложил Варшаве 100 млн. долларов срочной помощи. Это немало обидело бывшую оппозицию: она рассчитывала в знак благодарности не менее чем на 10 млрд. долларов. Но в этом и был просчёт. Так уж ли велика была благодарность американцев? Многие тогдашние коммунистические вожди их вполне устраивали (порой даже больше, чем вчерашние демократические оппозиционеры), а приоритетом уже стала *стабильность*, а не скорейший и полный разгром коммунизма. (См. Sebestyen, Op. cit., p. xx).

лизма – и в центре, и на периферии мировой системы.

Но такая борьба – исторически беспрецедентная задача. Движение «Окупируй Уолл стрит» (OWS) – это, пожалуй, первая попытка нащупать саму логику борьбы против дисфункциональности демократии, и степень её политической зрелости вряд ли выше той, которая была присуща в самом начале девятнадцатого века действиям луддитов против индустриального капитализма.

Пока зафиксировано только самое главное, что *отличает* сопротивление дисфункциональности демократии от протеста против её дефектности: как заявлено в «Декларации Оккупации Нью-Йорка», «демократическое правление получает свою справедливую власть от народа... и подлинная демократия недостижима, если [её] процесс определяется экономической властью»³⁷. Это задача «деэкономизации» политики – не только в обычном плане противодействия прямому или косвенному подкупу, точнее – покупке, политиков «большими деньгами», но и в гораздо более серьёзном смысле сопротивления сведению политики к «политическому рынку», само сохранение которого – главная предпосылка дисфункциональности демократии. Это, конечно же, — совсем другое дело, чем борьба с обычным авторитаризмом. Но OWS (пока?) не понимает то, что с финансиализованным капитализмом нельзя бороться, оставаясь в том состоянии «постмодернистской» деконструированности политической (и вообще всякой) субъектности,

которая и есть продукт самого финансиализованного капитализма, являющийся условием продолжения его существования. Но именно такую «чистую» спонтанность активности без лидеров, организации, ясных требований, определённых целей борьбы и даже идентификации противника OWS не без гордости считает своими определяющими признаками. Они делают OWS неспособным к генерированию власти, и думать, будто «экономической власти», против колонизации которой, государства и демократии протестует OWS, может противостоять что-то помимо *другой* власти, есть катастрофический политический, точнее – аполитичный, идеализм.

Сможет ли вроде бы поднимающееся российское демократическое движение освоить горький опыт «цветных революций», понять прозрения OWS без копирования присущего ему идеализма – от этого зависит судьба не только демократии в России, но и всей страны на десятилетия вперёд.

Анна Очкина. «Задачи социальной модернизации»

Мое выступление во многом продолжит разговор, начатый на секции «Кризис солидарности: деклассированное общество перед лицом кризиса», которую я вела. Открывая обсуждение, я предложила ответить на вопрос, есть ли в современной России повод для социальных протестов. Мы все время говорим, что в России или вовсе нет социальных протестов, или то небольшое, что есть, ни в какое сравнение не идет с протестами в Западной Европе, США, арабском мире, но нужно сначала понять, а есть ли в России повод протестовать, и как его

³⁷ Declaration of the Occupation of New York City (2011), <http://www.nycga.net/resources/declaration>

сформулировать. Может быть, у нас всё хорошо, а мы сетуем, что протестов нет. Второй вопрос, поставленный мною на секции: есть ли субъект, хотя бы потенциальный, возможных социальных протестов в России. И третий вопрос: существует ли альтернативный путь развития, альтернатива тому, что происходит сегодня, кто эту альтернативу может выдвинуть и для кого.

Остановлюсь немного на теме субъекта. Да, конечно, яркое проявление политической субъектности – это революция. Но в революцию втягиваются те же самые люди, которые вчера, еще два часа назад, не были революционными субъектами. До этого они присутствовали в политическом процессе даже своим неучастием в нем. У революции иных субъектов, кроме людей нет, и то, что человек становится субъектом революции внезапно, не означает, что он не имел политической субъектности до революции. Поэтому если мы анализируем процессы, происходящие в обществе сегодня, и имеем амбиции хоть как-то повлиять на эти процессы, хотя бы информационно, то каков потенциальный субъект социального процесса сегодня в России. Хотя бы потенциального социального протеста, раз с реальным протестом не очень складывается. Хотя я постараюсь показать, что есть и реальный протест, соответственно, и реальный субъект.

Говоря о социальной модернизации, можно долго играть терминами. Я оттолкнулся от тех деклараций, которые сегодня делает Президент, объявляя социальную модернизацию, и от эмпирического недовольства граждан состоянием социальной сферы – образования, медицины и т.п.

Понятно, что какую бы программу социальной модернизации мы не выдвигали, объектом ее станет социальная сфера – как сфера общественного производства, так и сфера социальных отношений. Точнее, объектом социальной модернизации в любом случае станет взаимодействие сферы общественного производства, производящей социальные блага, и системы социальных отношений, собственно общества.

Государство сегодня декларирует и осуществляет, причем довольно успешно, задачи социальной модернизации, сформулированные в терминах рыночной эффективности. То есть, по логике правительственных реформ сегодня, модернизировать социальную сферу – это повысить коммерческую отдачу секторов, производящих не определенные социальные блага или характеристики общества, а производящие социальные услуги. Как только повысится эта коммерческая отдача, учреждения образования, здравоохранения и т.п. начнут зарабатывать деньги, модернизация свершится.

Поэтому сегодня, прежде чем говорить об альтернативе, нужно отказаться от такого рыночного подхода и понять, что вообще социальная сфера значит для общества, кроме пресловутого производства услуг, и стоит ли с ней вообще возиться. Может быть, это совсем не важный вопрос сегодня, а гораздо важнее восстановление парламентской демократии, например.

Мне представляется, что функции социальной сферы значительно важнее и сложнее, чем удовлетворение определенных социально-экономических, культурных, бытовых

и т.д. потребностей граждан. Взаимодействуя с обществом в целом, социальная сфера формирует определенное качество жизни и – что в России сейчас даже важнее – определённое содержание представлений и уровень запросов по поводу качества жизни. Социальная сфера в комплексе формирует определенный набор моделей социального поведения. Мы же должны понимать, что даже если вуз, например, не будет ставить специально задачи воспитания, в процессе получения знаний (даже плохих или некачественных) человек все равно развивается, формируется как личность. Социальная сфера формирует – плохо или хорошо, близко к идеалу или вовсе в уродливом виде – модели гражданского поведения, экономического поведения. Кстати, тот или иной масштаб системы образования, независимо от качества даже, оказывает серьезное влияние на структуру потребления, а, следовательно, на экономику. Витальное поведение формируется в процессе взаимодействия с системой здравоохранения. А сегодня и Росстат вынужден констатировать, что уровень заболеваемости и смертности очень зависит от распространенных моделей витального поведения, от того, как человек относится к своему здоровью. Социальная сфера непосредственно отвечает за структуру и качественные характеристики трудовых ресурсов и трудового потенциала, и потенциала гражданского, то есть имеет стратегическое значение для общества. Социальная сфера имеет функцию создания и поддержания каналов социальной мобильности, что обуславливает другую очень важную функцию социальной сферы – ректора социального неравенства.

И вот сегодня агрессивнее всего неолиберальные реформы атакуют именно социальную сферу. Именно она становится объектом самой яростной атаки современного, финансиализированного, иррационального капитализма. В странах центра капиталистической системы неолиберальный капитализм избавился от производства, насколько это возможно. Российский капитализм не может избавиться от нефтедобычи, он избавляется от социальной сферы. И мне кажется, что это наступление сегодня дает нам определенную надежду, что сформируется не просто критическая ситуация, дающая повод для недовольства, хотя бы и глухого. Агрессивность и уже очевидные пагубные последствия неолиберальной атаки на «социалку» дает нам надежду, что сформируется субъект, готовый, защищая свои права, противостоят этому наступлению. Да, социальная база сегодня для формирования такого субъекта в России – это средний класс. Российские социологи неохотно признают само его существование в России, в любом случае, не считают его массовым. Но, опираясь на опыт западной социологии, можно сказать, что квалифицированные работники наемного труда с определенными экономическими и социальными претензиями и статусом, и относятся к среднему классу. Да, наш средний класс бедный. Многие российские социологи доказывают, что наши врачи и учителя никак не подходят для среднего класса в отличие от своих западных коллег. Но мне вспоминается старый анекдот про верблюда, которого спросили: «А почему, верблюд, у тебя спина такая кривая?». Тот подумал и ответил: «А что у меня прямое?». Такой у нас капитализм и такой у нас средний

класс. У нас в искусственных условиях советского строя был создан некий прото-средний класс, который не имел возможностей попробовать себя в рынке, но очень хотел. В 90-е годы он втянулся в рынок, воспользовавшись более или менее успешно его возможностями, опираясь на багаж (образование, связи, социальные блага), полученный от советского социального государства и его остатков в период рыночных реформ.

А сегодня рыночные возможности очень сильно сокращаются для большинства людей, в связи с кризисом они очень быстро исчерпываются. Наш условный средний класс двадцать лет прожил в тепличных условиях, хотя теплица, конечно, все время разрушалась, в ней не всегда было уютно, но как-то она защищала. Но сегодня наш слабенький средний класс может совсем потерять подушку в виде остатков советского социального государства, может остаться с рынком один на один. Мы подходим к рубежу, когда общество, привыкшее за 20 век к интенсивной социальной мобильности, особенно межпоколенческой, может столкнуться с нисходящей социальной мобильностью. Обществу придется выбирать: или отказаться от утвердившейся в общественном сознании формулы «Дети должны жить лучше родителей», или защищать ее.

Я понимаю, что сложность нашей сегодняшней социально-политической ситуации в том, что наибольший протестный потенциал сегодня объективно формируется у слоев, которые политически самые бесперспективные. И заняты эти слои в секторах, где труд намного более индивидуализирован, чем в материальном производстве, и объединение работников

происходит медленно и трудно, большие возможности фальсификации своей собственной профессии и т. д.

И все-таки мой уже почти двухгодичный опыт мониторинга социальных протестов позволяет мне сказать, что если и есть постоянно повторяющиеся, пусть и слабосильные, но отмечаемые в разных регионах постоянно, проявления социального протеста, — это те, которые связаны с состоянием социальной сферы: с содержанием образования, сохранением его как социального права, с качеством и доступностью медицины и т.п. Эти проблемы способны сегодня консолидировать людей, и люди все больше осознают важность этих проблем и необходимость коллективной борьбы за их адекватное решение.

Сегодня учителя выходят из той политической комы, в которой они пребывали 20 лет, в том числе и потому, что они чувствуют внимание, чувствуют поддержку со стороны общества, начинают ощущать свою ответственность. Наверное, мои слова звучат очень оптимистично. Но у нас была такая пессимистическая секция, после которой впору повеситься. Но я не признаю таких решений. Пока мы живем, мы надеемся и должны делать все, чтобы эти надежды не были пустыми.

Итак, субъект формируется и повод есть. Нет политического механизма, который мог бы этот субъект активизировать. Очень хорошо выступил на секции Илья Гоцеридзе, который сказал, что у нас для масштабного социального взрыва будет достаточно незначительного толчка. Собьет на проезжей части какой-нибудь депутат или чиновник пешехода, и готово дело, начнутся волнения, протесты и

т.п. Ситуация взрывоопасная, достаточно поджечь.

Однако в чем еще проблема? У этих движений, формирующихся во-круг проблем социальной сферы, нет альтернативы. Есть дефицит конструктивных альтернатив, хотя на самом деле сегодня достаточно просто блокировать правительственные реформы социальной сферы. Это уже будет серьезным политическим действием, и сегодня уже даже просто остановить реформы невозможно, не вступая в серьезное политическое противостояние с властью. Эта точка невозврата пройдена.

Сегодня во многом и активностью социальных движений формируется, точнее, восстанавливается в общественном сознании понятие «социальное право». Я люблю повторять, что сегодня главным политическим вопросом в России становятся детские сады. Разрушение систем дошкольного и дополнительного образования наглядно демонстрирует, что мы не можем сегодня реализовать право одного ребенка, не защищая права всех. Исчерпывается возможность индивидуальных решений проблем, какое бы мастерство в этом мы не приобрели за последние 20 лет.

Итак, задачи социальной модернизации прозвучали уже в критике сегодняшних реформ социальной сферы. Думаю, что первая и главная задача социальной модернизации сегодня – это остановка тех реформ, которые лишают нас социальных прав, предлагая ограничиться определенным спектром социальных услуг. Я не успела доказать, но хотя бы упомяну, что при таком подходе качество социальной сферы обречено на неминуемую деградацию. И здесь капи-

тализм очень обсчитался. Он создал механизмы и институты для своего выживания, которые, развиваясь по имманентной логике, могут только или уничтожить капитализм, или разрушаться. Капитализм создал социальное государство, в частности массовое образование, стремясь выжить и укрепиться. Но создал он в очередной раз собственного могильщика.

Итак, задачи социальной модернизации: остановка реформ, восстановление социальных прав, причем в том числе, сначала хотя бы отчасти, и жилищных прав. Мы скоро можем упереться еще и в жилищный кризис. Решение социальных проблем на базе мощного общественного сектора. Это, кстати, я уверена, будет включать и механизмы, воспитывающие социальную активность.

Павел Кудюкин. «Зарплата и трудовые отношения в эпоху социального кризиса»

Дорогие коллеги и товарищи! Есть некоторое напряжение в необходимости сочетать подготовленный доклад с рассказом о работе секции, поскольку на секции выступающие касались вопроса трудовых отношений только вскользь. Отчасти этот вопрос поднимался в связи с разрывом глобализации, прежде всего, финансовых потоков и некоторых других макроэкономических процессов и локализации рынка труда, в связи с противоречием, являющимся одним из напряжений в современном мире. И в другом аспекте эта проблема затрагивалась, когда вставал вопрос о современной стадии кризиса и о возможностях и перспективах выхода из него. Это касалось необходимости решения проблем, в которые

упирается экономическое развитие, прежде всего, проблемы спроса, которая связана в большинстве своем с трудом, с теми, кто работает и нечто производит.

Нужно сказать, что секция немножко распалась тематически, не очень хорошо объединялась по своим основным докладам, зато при обсуждении удалось выйти на некоторые общие проблемы, которые волновали всех участников.

Коротко по докладам. Доклад был сделан Еленой Николаевной Ведутой, профессором МГУ, которая отстаивала идею, что Россия в очередной раз имеет шанс при определенных условиях (она, правда, основные надежды возлагала на власть имущих, которые вдруг возьмутся за ум) показать миру путь выхода из кризиса. То есть возникнет ситуация, когда особый путь России станет универсальной моделью выхода из кризиса. Этот путь может быть связан только с современной моделью научного планирования.

Доклад Максима Козырева чрезвычайно, с моей точки зрения, интересный в свете ценностей, которые разделяло большинство участников секции. Взгляд Максима очень пессимистичен, он предсказывает длительное развитие капитализма. Может быть, даже переход его в новую стадию, на которую могли бы даже повлиять левые, в очередной раз попытавшись придать капитализму более человеческий облик. Очень пессимистично, тем более что основная тенденция развития капитализма иная, больше разрывов, спадов и т.п. Но, если хотите, это вызов, на который нужно искать ответ.

Доклад Василия Колташова – это

анализ современного кризиса на фоне анализа основных тенденций развития мирового капитализма, начиная с его зарождения, с зарождения миросистемы. Он рассматривал опять-таки перспективы выхода из текущего кризиса, видимо, достаточно длительного, в рамках капитализма, но с какими-то вариациями.

А вот на обсуждение был поставлен очень интересный вопрос о том, что даже придать капитализму новое качество можно, только борясь за выходы за пределы капитализма. Та версия капитализма, предпоследняя, так сказать, которую мы видели в центре миросистемы, которую можно называть социализируемым капитализмом, развивалась отчасти не только под давлением своих собственных потребностей. Конечно, многие социальные институты создавались капитализмом и для удовлетворения собственных потребностей, отмечу, что массовое образование, например, было нужно и самому капитализму как таковому. Но западный капитализм развивался, частично хотя бы социализируясь, и в ответ на серьезные вызовы рабочего и социалистического движения во всем многообразии его течений.

Это то, что касается итогов сессии. Теперь перехожу непосредственно к теме доклада.

Я бы начал с несколько ошарашивающего тезиса о том, что пока кризис как таковой особого влияния на трудовые отношения не оказал ни в России, ни в мире. Есть проблемы с занятостью, растет безработица, но на сущностное содержание трудовых отношений кризис пока влияния не оказывает. Но есть и более серьезный парадокс, заключающийся в том, что

задолго до текущего экономического кризиса начался кризис трудовых отношений во всех их аспектах. И здесь Россия, пусть и с определенными особенностями, в целом укладываетсЯ в общемировые тенденции.

Давайте попробуем рассмотреть, во-первых, сам характер труда в современном мире. Во-вторых, развитие трудового права, в широком смысле, не только законодательства, но и договорного права, которое связано с борьбой трудящихся. И, наконец, проблему участия работников в управлении. Традиционные трудовые отношения при капитализме, хорошо нам знакомые, так сказать, по учебникам, складывались на базе массовой индустриальной занятости. Именно она давала возможность для унификации форм найма, принятия трудовых законодательств, развития коллективных трудовых отношений, развития долгосрочных и относительно стабильных форм занятости путем договоров работников с работодателем, как прямых и непосредственных, так и опосредованных – через профсоюзные организации. Формирование такой стандартной занятости было теснейшим образом связано со становлением пролетариата. Нужно понимать, что тот пролетариат, который мы знаем исторически, по опыту опять же центров капиталистической системы, не родился готовым. Борис Кагарлицкий вчера в своем докладе упоминал этот чрезвычайно важный факт, что тот пролетариат, который мы знаем, есть результат длительной работы разного рода социалистических пропагандистов-агитаторов, кружковых просветителей, профсоюзных активистов. Рабочий класс не столько возникал, сколько делался, формировался, выковывался в борь-

бе. Как, впрочем, выковывались и те горизонтальные связи, которые до сих пор, например, в Великобритании, проявляются в том, что не только классический рабочий, занятый в традиционных отраслях: промышленности, транспортной отрасли и т.п. с гордостью говорят: «I am working class». Но даже работники, скажем, образования, по крайней мере, голосующие за лейбористов, ориентирующиеся на левые партии, с гордостью говорят то же самое. В отличие, кстати, от типичного американского рабочего, который отнесет себя скорее к среднему классу.

Это формирование происходило до поры до времени. Последние десятилетия происходит то, что преждевременно было определено как «конец пролетариата». Вспомним хотя бы известную книгу Андре Горца «Прощай, пролетариат!». Действительно, в центрах капиталистической системы численность традиционного промышленного пролетариата стала достаточно резко и достаточно быстро сокращаться. Конечно, происходила определенная, но очень специфическая, пролетаризация труда в сферах социального обслуживания, даже опора профсоюзов сдвинулась от традиционного пролетариата в сторону работников, по-русски называемых бюджетниками, работников сфер социального обслуживания. Но в целом вместе с сокращением промышленного пролетариата сокращалась доля работников, являющихся членами профсоюзов. Да, профсоюзы сохраняют свое влияние в большей степени, чем свою численность, но падение численности порой катастрофично. Так, во Франции, доля членов всех рабочих объединений в общей численности наемных работ-

ников не достигает и 10%.

Да, мы сегодня можем сказать, что слухи о смерти пролетариата оказались сильно преувеличенными. Он просто территориально переместился, более того, если мы будем рассматривать вопрос о том, а умирал ли он, то мы должны будем отметить, что в масштабе мира численность наемных работников традиционных сфер деятельности резко возросла. Но здесь мы сталкиваемся как раз с тем, что пролетариат становится пролетариатом не автоматически просто в силу характера своего труда и взаимоотношений с капиталом. Для того чтобы стать пролетариатом, ему нужно долго над собой работать и работать в сотрудничестве с некоторыми внешними силами. Я далек от идей Каутского и Ленина о внесении социализма в рабочее движение, которое якобы без этого абсолютно бессильно. Я в этом отношении ближе к Розе Люксембург, которая все-таки считала, что стихийное движение тоже имеет некоторую ценность, мягко так говоря. Но все-таки необходимость внешнего воздействия существует. А здесь мы сталкиваемся с тем, что рождающийся пролетариат бывшей «мировой деревни» (вспомним, как Великий Кормчий говорил о том, что мировая деревня окружает мировой город, а сейчас мы наблюдаем, как рядом с мировым городом появляется мировой промышленный пригород) оказывается в гораздо худшей ситуации, чем тот пролетариат центра, который завоевал для себя относительно удобный плацдарм для защиты своих прав. В странах периферии налицо отсутствие элементарных политических свобод, без которых организовываться можно, как показал нынешний год, но гораздо труд-

нее (отсутствие традиций рабочего движения, репрессивные режимы). Это не означает, что власть имущие не боятся пролетариат. Строители капитализма в Китае хорошо это понимают. По крайней мере, Китай за последний год столкнулся с примерно полутора тысячами серьезных коллективных конфликтов разного рода, и я думаю, не случайно, что бюджет полиции Китая и служб безопасности разного рода уже превышает бюджет военного ведомства.

В центрах же капитализма сильно меняется характер труда. Как выглядит Россия на этом фоне? Отчасти – очень схожие проблемы: деиндустриализация, занятость на крупных и средних предприятиях резко упала в начале реформ, потом сторнировалась. И даже в период экономического подъема с начала 2000-х годов и до начала кризиса занятость росла в основном в неформальных и полунеформальных секторах. Занятость в крупных и средних организациях не росла, а ее удельный вес падал в общем объеме занятости. Это первый момент.

Второй момент. То же самое, что и на периферии, видим на традиционной периферии: отсутствие традиций рабочего движения и отсюда – отсутствие горизонтальных связей. Российский наемный работник гораздо больше чувствует связи с вертикалью, с производственной властью над ним, чем с наемными работниками других отраслей. Учитель гораздо в большей степени «своими» считает завуча и директора, и руководителя отдела образования в муниципалитете, чем учителя из соседнего города, я уже не говорю про водителя автобуса или шахтера. Работник нефтяной компании идентифицирует себя,

прежде всего со своим предприятием, даже не со своими товарищами других нефтяных предприятий. Социологические опросы отчетливо выявляют отсутствие горизонтальных классовых связей, рабочего класса в России нет. Трудовые отношения в значительной степени унаследовали и даже усугубили такие полукрепостнические черты, существовавшие в советском обществе. Эти черты усугубились еще и в связи с общей неблагоприятной экономической ситуацией. Даже на фоне экономического роста возросла степень зависимости работника от предприятия. Произошла архаизация трудовых отношений даже по сравнению с не самой передовой советской моделью. Труд стал еще более кабальным. Все это имело крайне неблагоприятное воздействие на борьбу за трудовые права.

Другой момент. В России, особенно в старших поколениях наемных работников, чрезвычайно распространен тип, который еще в 60-х годах определили как «почтительного рабочего». Это человек, который живет в соответствии с нашими национальными поговорками: «всяк сверчок знай свой шесток», «с сильным не борись», «с начальством спорить — что против ветра плевать» и т.д. А приходящая на производство, прежде всего с иностранным капиталом, молодая рабочая сила дает определенную надежду, по крайней мере, разговоры с профсоюзными активистами позволяют такую надежду питать, появляются новые настроения. Но здесь дают о себе знать наследия двух десятилетий систематического давления, которые обусловили преобладание индивидуальных стратегий приспособления. Я сильный, я квалифицированный, я договорюсь,

а если нет, плюну на него и уйду к другому работодателю и продам себя подороже. Возникает дефицит ориентаций на коллективное действие и, соответственно, дефицит этого самого коллективного действия.

Получается в целом довольно пессимистичный взгляд. Большинство наемных работников в России не демонстрируют даже минимального стремления участия в управлении. Это более высокая стадия развития представлений о своих трудовых правах, когда кажется недостаточным требовать не только благоприятных условий труда и хорошей оплаты, но и права участвовать в управлении предприятием. У нас пока таких стремлений не наблюдается даже в зачаточном виде. Такие стремления, правда, фиксировались в период Перестройки. Тогда возникли Советы трудовых коллективов, которых, правда, было больше во всяких НИИ и КБ, чем на промышленных предприятиях.

Сегодня, правда, появляются новые формы в некотором роде сотрудничества капитала и труда в сферах с высокой долей квалифицированных кадров, в сферах, где значительная часть капитала хранится в головах сотрудников, и уход, а тем более нелояльность их может стать катастрофой. Это такие формы, как всякого рода бонусы, участие в собственности, участие в прибыли. Как видите, новый характер труда дает новые возможности. Однако социальные характеристики представителей такого труда сильно затрудняют с ними работу как с потенциальными участниками некоего широкого социального блока, отстаивающего интересы труда.

Оксана Дмитриева (депутат Государственной Думы РФ, фракция «Справедливая Россия»). **Как защитить социальные права в условиях кризиса**

Я постараюсь кратко осветить те вопросы, которых касались выступающие, особенно те, которыми я занимаюсь профессионально. Прежде всего, остановлюсь на ситуации в Соединенных Штатах Америки. Вряд ли нам стоит беспокоиться по поводу бедственного положения американцев, скорее пора задуматься над тем, что наша страна тратит львиную долю доходов от экспорта нефти и газа на обслуживание внешнего долга США. По большому счету получается, что мы свои ресурсы, экспорт которых составляет базу нашей экономики, отдаем США бесплатно. Как это происходит? Мы экспортируем нефть и газ, получаем выручку, которую вкладываем в американскую экономику. Эта схема усугубляется тем, что потом там же мы берем займы. Мы им даем нефть и газ, а получаем от них долговые расписки, виртуальные деньги, и у них же занимаем. Вот и все операции. Почему все происходит именно так – это уже другой вопрос. А что же производят в самих Соединённых Штатах? В глобальном мире они являются главным производителем инноваций, и пока они такими остаются, их экономике ничто не угрожает.

Теперь по поводу виртуальной экономики, здесь многое об этом говорилось. Самое главное здесь следствие – именно виртуальная экономика является причиной циклических кризисов. Кризис, с которым мы столкнулись, это экономический кризис, развивающийся в обрабатывающей промышленности, но возник он как накопле-

ние мыльных пузырей в виртуальной экономике. Сегодня цикличность кризиса обусловлена уже не перепроизводством в реальной экономике, а именно перенакоплением, перепроизводством в виртуальной экономике. Сегодня это очень популярное направление у экономистов и у популяризаторов экономики: крах доллара, крах американской системы, Но, на самом деле, до этого далеко.

Теперь по поводу социальных программ и их защиты. Я хотела бы остановиться на российской ситуации. Я думаю, что все сидящие в этом зале согласятся, что профсоюзов у нас нет и, по-видимому, никогда не будет. Это очень сильно осложняет защиту социальных прав граждан, поскольку на микроуровне, как и на мезоуровне – на корпоративном, никакой защиты прав нет. Нет гарантий своевременной выплаты заработной платы, лоббирования ее повышения, отсюда чудовищное неравенство заработных плат, например, на промышленных предприятиях, когда 10 – 15 работников из высшего менеджмента получают сумму, примерно равную зарплате всех рабочих. Размеры суточных дивидендов также могут превышать оплату труда на предприятии. Это касается, конечно, больших промышленных предприятий, которые отчитываются по своей деятельности.

К сожалению, трудно надеяться на то, что профсоюзы вдруг возникнут и движение разовьется серьезным образом. Этого не стоит ожидать потому, что, как здесь многие отмечали, профсоюзы возникают на базе объединения индустриального рабочего класса, а сегодня в России среди занятых на промышленных предприятиях растет доля мигрантов, которые очень часто не являются российскими граждана-

ми, у них ограничены политические права. Есть конвенция по защите прав трудовых мигрантов, но их собственная политическая активность, по крайней мере, в России, довольно низка. У нас очень слабые социальные корпоративные структуры, причем некоторые корпоративные структуры распались в результате распада ряда отраслей. Так, мы фактически потеряли инженерно-техническую интеллигенцию, естественнонаучную интеллигенцию, которая была сосредоточена в промышленном производстве и связанных с ним секторах, в НИИ, КБ и т.д. Этот корпоративный слой сегодня потерян, а он был и источником инноваций для страны и источником политической воли, по крайней мере, источником политической эволюции.

Что осталось сейчас? Здесь я немного поспорю с Анной Очкиной, я не изучала этот вопрос как исследователь, но как практик я с ним хорошо знакома. Речь идет о части высокообразованного среднего класса, который сосредоточен сегодня в так называемой бюджетной сфере. Тут происходят два противоречащих друг другу процесса. С одной стороны, нельзя не согласиться с тем, что ФЗ-83, изменяющий статус бюджетных учреждений, разрушает ту социальную сферу, которая, несмотря на лишения последних двадцати лет, все-таки сохранялась. Поскольку изменяется принцип финансирования бюджетных учреждений, которые остаются бюджетными уже только по названию, изменяется и статус работников бюджетной сферы. Каким бы ни был этот статус, особенно в последнее время, но он все-таки был, было финансирование по смете и заработная плата в соответствии с разрядом, получая

которую, человек сохранял хотя бы относительную независимость. Сейчас нет сметного финансирования, все это — и заработная плата, и аттестация, и продвижение по службе — не зависит уже от тех норм, которые существовали ранее, и в силу этого работник бюджетного учреждения попадает в полную зависимость от руководителя организации. Руководитель получает практически полную свободу в определении уровня оплаты труда, а все разговоры о том, что в бюджетной сфере у врачей и учителей могут быть какие-то показатели производительности труда, поддающиеся измерению и рыночной оценке, это полная ерунда. Это просто повод для установления произвола руководителя в установлении оплаты труда и отсюда полная зависимость каждого работника бюджетной сферы. Поэтому-то я не предвижу в этой сфере возникновения какой бы то ни было организации, потому что зависимость сегодня усиливается, это серьезный сдерживающий фактор для социальной активности. Ну, а если еще вспомнить выборы, когда основные фальсификаторы выборов работали через учителей, именно учителя под давлением вбрасывают бюллетени, именно их заставляют голосовать так, как выгодно власти, то становится понятным двойственность положения учителей сегодня. С одной стороны, у них нет статуса госслужащих, соответственно нет и привилегий, зарплат, пенсий и т.п., с другой стороны, государство подминает их под себя, заставляя участвовать в самых неблагоприятных операциях, делая их соучастниками. Огромная часть учительского корпуса фактически совершает уголовно наказуемые деяния по приказу сверху.

Где же все-таки могут быть возможности для социальной самоорганизации, социального протеста? Думаю, что самое перспективное в этом плане направление – это защита жилищных прав. В последнее время, после принятия жилищного кодекса, после последних изменений в законодательстве началось активное наступление на права граждан и на права собственников жилых помещений. И если в экономике идет индивидуализация и сокращение численности занятых, то в силу нашей специфики в сфере ЖКХ складывается ситуация противоположная. Большинство жилья в больших городах – это многоквартирные дома, где люди так или иначе зависят друг от друга и вынуждены объединяться на основании общих интересов. Это первый источник самоорганизации и возможности социального движения, социального протеста. Второй источник – это наш бедный малый бизнес, который находится в полузадушенном состоянии, но все-таки иногда поднимает голову. И когда он поднимает голову и умудряется организовать на корпоративном вертикальном уровне, сразу появляется результат, поскольку наша власть, кстати, реагирует на малейшее проявление социального протеста. Так что в названных сферах есть возможности для самоорганизации и социального протеста, но очень-очень слабые.

По поводу Ф3-83 мне хотелось бы еще заметить следующее. В некоторых выступлениях прозвучало, что под приватизацией социальной сферы, введением элементов рынка, под реформами социальной сферы есть какая-то теория и осознанная политика. Ничего такого здесь нет кроме четкого материального интереса. Это

борьба, прежде всего, за собственность, которая осталась в социальной сфере, потому что все остальное уже в значительной степени поделено, а в социальной сфере осталась привлекательная недвижимость: здания школ, больницы, поликлиник и т.п. Сокращение финансирования социальной сфере происходит не потому, что в бюджете нет денег. Относительно признаваемых государством финансовых обязательств у нас довольно высокие налоги. Кроме того, у нас высокие доходы от нефти и газа. В бюджете есть деньги, но тратятся они в пользу совершенно определенных структур. При принятии бюджета 2011 года повсюду: в теле- и радио эфире, в государственной думе – громогласно обсуждался вопрос повышения зарплат учителям. На эти цели с помпой было выделено 20 миллиардов рублей. В это же самое время, только очень тихо, выделяется дополнительно 22 миллиарда РОСНАНО. Той самой организации, которая и так имеет хорошее финансирование, к тому же набирает деньги под проекты. Сколько-нибудь разумных проектов там вообще нет, есть какое-то строительство предприятий, где есть небольшой элемент так называемых нанотехнологий. Или еще один пример, о котором вообще никто не знает. Есть такое акционерное общество (современные «Рога и копыта») «Открытые экономические зоны», там не делается ничего. Между тем выделяется в бюджете 79 миллиардов рублей. Это столько, сколько тратится в год на всю фундаментальную науку. Все это говорит о том, что нет никакой реальной, объективной стратегии. Разрушается социальная функция бюджета, а деньги при этом достаются приближенным к власти людям, выделяются под ни чем не

обоснованные программы. Здесь нет науки, нет теории, вы здесь ничего не можете исследовать и обобщать. Здесь совершенно откровенные вещи, которые возможны, потому что у нас нет демократии.

Борис Кагарлицкий. Можно вопрос? Не кажется ли Вам, что здесь нет противоречия: можно воровать весьма активно, но при этом подворовство подводить весьма солидную теорию. По-моему, здесь нет противоречия?

Оксана Дмитриева. Та операция, о которой я говорила, когда наши природные ресурсы предоставляются западным партнерам практически даром, за виртуальные деньги, в обмен на кредиты, обходится российскому обществу от 2 миллионов рублей в год. Можно было бы потратить эти деньги на воспитание целой научной школы. Однако сокращение финансирования науки не коснулось сегодня, может быть, только самых «продвинутых» коллективов вроде Высшей школы экономики – вдохновителя и организатора всех наших «побед» и свершений. Откровенные репрессии при этом применяются к тем направлениям, где люди могут что-то считать. Именно поэтому я и сомневаюсь в существовании какой-то обоснованной последовательной концепции.

Вопрос. А нет ли впечатления, что власть пытается более или менее сознательно усилить в обществе классовое расслоение. Поддерживает пару тройку элитных вузов и не потому, что

там воспитываются лояльные кадры, единомышленники, а просто потому, что там можно учить детей элиты. А все остальное слить. То же самое во всех остальных сферах. Например, убить общественный транспорт, те, кто может, переседает на личные автомобили. Какая-то мысль, мне кажется, за этим стоит, хотя, может быть, она и не полностью осознается теми, кто ее осуществляет.

Оксана Дмитриева. То, что дифференциация идет, это безусловно. Причины финансирования высшей школы экономики, кстати, понятны. Во-первых, это финансирование апологетики, во-вторых, да, это делается и для детей элиты. Посмотрите список вузов, в которых есть военная кафедра, вы сразу поймете, о ком и о чем беспокоится власть. Но все равно я бы сказала, что Вы несколько более высокого мнения о том комплексе идей, которые лежат в основе политики государства по отношению к социальной сфере. Все гораздо, гораздо проще. Скоро, мне кажется, уже и Высшая школа экономики не понадобится.

Никита Петров, журналист. Заявленная тема этой конференции: социальный кризис и пути выхода из него. В вашей речи мы не услышали ничего нового кроме критики существующего положения и политики власти. Критиковать власть могут многие, начиная от анархистов и троцкистов и заканчивая либералами, каждый в меру своей испорченности. Насколько я знаю, Вы член партии «Справедливая Россия» и, наверное, разделяете программу этой партии. Насколько я знаю, у СР социал-демократическая

платформа. А что это конкретно: капитализм с человеческим лицом, государство всеобщего благосостояния?

Оксана Дмитриева. Попробую ответить поконкретнее. Мы параллельно с правительством считаем альтернативный бюджет. Любую концепцию и программу легче всего понять, увидев, как она выглядит в цифрах. В этом альтернативном бюджете ясно видно, что мы предлагаем делать, и на что мы предлагаем тратить средства. Наш бюджет точнее правительственного, и он опубликован. Я подарю Вам, и Вы все сами увидите.

Никита Петров. То есть принятие лучшего бюджета решит все проблемы?

Оксана Дмитриева. Бюджет – это политика государства, выраженная в цифрах. Наш бюджет показывает, где и как мы предлагаем изменить налоги, какие сферы мы поддерживаем и закладываем основу для их развития. Видно также, в какие сектора средства не выделяются, развитие этих секторов мы стремимся сдерживать.

Ян Водин (ИГСО, Москва). Кризис неправительственных организаций

Я собираюсь доказать тезис, заявленный мной в теме выступления, опираясь на собственный опыт, так как являюсь руководителем одной из международных неправительственных организаций «The Global Consensus».

За последние двадцать-тридцать лет неолиберальный капитализм со-

вершил настоящее чудо. Развивая общество потребления, он создал такие коммуникации, которые сделали потребление глобальным и легким, как никогда. И возник совершенно новый фактор сопротивления: антиглобализм. Антиглобализм появился как разнородное, стихийное, спонтанное движение, которое объединило людей разных воззрений – и радикальные, и традиционалистские, и левые движения и организации. Постепенно в конце двадцатого века возник так называемый альтерглобализм, глобализм с человеческим лицом. Это была попытка левых найти себя в новой ситуации, привести неолиберальный капитализм к той самой могиле, которую, как Ленин надеялся, империализм вырыл себе сам.

Возникли организации, которые настаивали на обложении налогами прибылей ТНК для того, чтобы эти средства направлялись на решение социальных проблем в мире. Португальские (бразильские) общественные организации спонсировали Всемирный Социальный Форум (ВСФ), который должен был стать альтернативой экономическому форуму в Давосе. Начиная с 2001 года, когда в Порту-Алегри открылся первый ВСФ, ежегодно проходили большие собрания, последний ВСФ прошел в феврале 2011 года в Дакаре, в Сенегале. Возникло также движение Европейских социальных форумов, на которых интеллектуальная левая элита Европы собиралась под лозунгом «Другой мир возможен». Возможен другой глобализм, не разрушительный и не людоедский. И все вроде бы шло хорошо. Собирается много людей, организуются дискуссии, большие массы людей выходят на демонстрации. Наверняка и в этом году будет организована огромная манифестация, приуроченная к съезду «Большой Двадцатки» в Ницце. Но за эти годы сформировалась новая бю-

прократия – организованная бюрократия социальных движений и альтерглобалистских организаций. Структуры этой бюрократии, вовлеченные в нее неправительственные организации, взаимодействуют между собой, участвуют, организуют мероприятия. Их деятельность привлекает внимание к важным и сложным проблемам, для решения которых необходим голос гражданского общества. Поскольку национальный эгоизм переговаривающихся сторон не позволяет часто принимать оптимальные решения, и здесь участие международного гражданского общества оказывается необходимым. И гражданское общество сегодня находит возможности влиять на принятие решений в таких ситуациях. Вот сейчас, например, на конец ноября – начало декабря этого года назначена 17-я конференция сторон в Дурбане по принятию новой рамочной конвенции по вопросам климата, поскольку, вы знаете, Киотский протокол заканчивается. Нужно новое решение, и перспектив для его нахождения в нынешней ситуации немного.

Да, наша организация, «Глобальный консенсус», сделала значительный шаг вперед, мы подписали программные конвенции, и делегации Индии, Бразилии и Китая будут встречаться с нами, чтобы мы донесли до них голос гражданского общества. Но, скорее всего, все останется примерно также.

По поводу альтерглобализма. Да, проводятся большие форумы. Те, кто бывает только ан Европейских форумах, полагает, что это на них не все хорошо, потому что непонятно, что делать дальше, а вот мировые форумы проходят гладко и эффективно. Те, кто приезжает на Всемирный форум, такой, например, который состоялся в этом году в Дакаре, видят ситуацию в ином ключе. ВСФ превратился в «ярмарку НПО», даже в выставку то-

варов и достижений Третьего мира и чьих-то индивидуальных достижений. Наверное, думают участники ВСФ, – европейские форумы другие.

Движение действительно стоит перед сложным вопросом, действительно можно говорить сегодня о кризисе неправительственных организаций. Но кризис этот для тех, кто возлагает на движение, на неправительственные организации большие надежды. Это кризис надежд левых на то, что социальные движения сами организуются, поведут за собой миллионы людей, сами выработают новые альтернативы. И останется только ими воспользоваться, сделать несколько необходимых шагов для их осуществления. Но пока, к сожалению, ничего этого не получается. Пока все, на чем мы остановились, – это двадцать-тридцать крупных международных организаций, которые встречаются, вступают в альянсы. Это CAN (Climate Action Network), костяком которой являются крупные старые НПО: Гринпис, WWF и современное “Движение друзей Земли”, ориентирующийся в какой-то мере на политику Евросоюза. Второй альянс CJN (Climate Justice Now!) объединяет франкорожденную Атак, бразильскую Виа Кампесина, Глобальный Консенсус с союзниками, которые в чем-то близки общей политике лидеров Третьего мира, и Бразилии прежде всего... Сейчас, наконец, мы все вместе: и CAN, и CJN – договорились о проведении единой акции в Дурбане. Это успех, потому что ЮАР – страна, удаленная от основных районов активности международных организаций, довольно дорого привезти туда достаточное количество активистов, а местные жители далеки от проблем международных форумов.

Сегодня мы имеем много людей, которые реагируют на стимулы, немало людей, готовых отзываться на вопро-

сы справедливости. Эти люди выходят на улицы, но не видят результатов своих действий. Мы имеем достаточно свободно организованную, но уже в какой-то степени эффективную “международную бюрократию” в виде наших неправительственных организаций, которые могут между собой договариваться, но ещё не могут куда-то вести. Остается немного: нам нужна новая, здравая левая идея (я уже пересказываю немного содержание нашей секции), которая будет не только показывать привлекательное будущее, но и будет включать технологии работы с массами. Массами, которые не имеют четкого представления о классовых отличиях, четких национальных ориентиров и т.п.

С такой идеей мы сможем чего-то добиться. У нас есть условия, мы можем использовать опыт прошлого в настоящем, приложив усилия для того, чтобы создать что-то новое и полезное. Нам нужна новая идея. Это краткое содержание нашей секции.

И тогда мы похороним неолиберальный капитализм на красивой площади. Все-таки каждая формация достойна уважительного отношения к себе.

*Обзор конференции подготовлен
Анной Очкиной.*